БРЮСОВ И «ВЕСЫ»

(К истории издания)

Статья К. М. Азадовского и Д. Е. Максимова

Среди многочисленных периодических изданий русских символистов основное место занимает московский журнал «Весы» (1904—1909). «История «Весов» может быть признана историей русского символизма в его главном русле», подводил итоги деятельности этого журнала преемственно связанный с ним «Аноллон» 1. «Трудно себе представить, что «Весы», хотя бы временно, прекратились: до такой степени стал необходимым и привычным этот завоевательный орган»,— отмечает М. А. Кузмин в своей «некрологической» статье о «Весах» 2. А. А. Блок, которого в «Весах» не раз подвергали критике, писал в 1907 г.: «Весы» очень, очень дороги и близки мне, сейчас это единственное место, где я чувствую себя «не в гостях»³ И даже В.И.Иванов. одно время занимавший враждебную «Весам» позицию, признавался в 1910 г.: «С «Весами» как движением чувствую себя связанным органически» (письмо к Брюсову от 27 мая 1910 г.— см. наст. том, стр. 529). Но если «Весы» справедливо считаются главным центром русского символизма, то центром «Весов» с полным основанием принято называть Валерия Брюсова. «Весы» — журнал Брюсова. Это мнение, лаконично и категорически сформулированное Д. С. Мережковским 4, разделялось почти всеми литераторами того времени и было распространено также среди позднейших историков литературы. Между тем сам Брюсов систематически корректировал, смягчал это утверждение, а иногда и прямо опровергал его (особенно в последние годы издания «Весов»). «...Я не редактор «Весов», но лишь один из ближайших сотрудников журнала», — заявлял он на страницах газеты 5. «Устно, письменно и печатно уверяю я всех, что «Весы» никогда не были «моим» журналом, и никто мне не верит», — жаловался ∟ рюсов Бальмонту ⁶.

Безоговорочное признание Брюсова полновластным редактором «Весов» и «отречения» самого поэта представляют собой две крайние точки зрения. Брюсов был, как известно, одним из инициаторов журнала и в течение ряда лет его бессменным руководителем. Однако роль его в «Весах» при ближайшем рассмотрении вопроса оказывается различной на разных этапах существования журнала. Она менялась по мере того, как менялись литературные и идейно-художественные возгрения, позиция Брюсова и соотношение сил внутри редакции. Определить степень подлинного участия Брюсова в редакционной жизни «Весов» и в связи с этим охарактеризовать некоторые особенности этого журнала — такова цель настоящей работы *.

Она написана преимущественно на основании неопубликованных материалов, храняшихся в ряде московских и ленинградских архивов, прежде всего в фонде Брюсова в Отделе рукописей ГБЛ. В ней использованы также устные сообщения и разъяснения, записанные Д. Е. Максимовым в 1928—1935 гг. со слов участников «Весов» — их официального редактора С. А. Полякова (запись 1935 г.), Андрея Белого (запись 1930 г.), М. А. Кузмина, К. И. Чуковского и некоторых современников, осведомленных в редакционных делах журнала — И. М. Брюсовой, Г. И. Чулкова, П. П. Перцова, Л. Я. Гуревич и др.

^{*} Авторы не претендуют на исчерпывающий анализ всего содержания журнала, его философских и литературно-эстетических установок и его роли в истории общественной жизни и культуры России.

⁹ Литературное наследство, т. 85

1

История «Весов» начинается за несколько лет до того, как вышел в свет первый номер журнала. В самом конце 90-х годов XIX в. в Москве формируется кружок молодых людей, увлеченных новыми исканиями в современном искусстве. В этот кружок входили К. Д. Бальмонт, Ю. К. Балтрушайтис и С. А. Поляков. Сближение их произошло летом 1899 г. «В это лето, — рассказывает Бальмонт, — кроме радостей причащаться собственных глубин и глубинностей солнечного бытия, у меня была еще острая. нежно-больная и сладко-ядовитая радость двух новых дружб — братская дружба с Ю. Балтрушайтисом и С. Поляковым» 7. К этому кружку примыкал и литератор М. Н. Семенов, побочный сын деятеля «крестьянской реформы», сенатора Н. П. Семенова, состоятельный человек, опытный в издательском деле. «Семенов законченного образования не получил, читал много, но беспорядочно, корреспонденции писал повольно красочно; считал себя марксистом, хотя Маркса и не читал. Называл он себя народным учителем, но учительствовал очень недолго и теперь тянулся к писательству», — вспоминает о нем В. А. Поссе 8. Отзыв Поссе относится к 1897 г., когда, находясь в Петербурге, М. Н. Семенов взял на себя издание близкого к марксизму журнала «Новое слово». В 1899—1901 гг. Семенов увлекался переводческой деятельностью: он перевел, в частности, нашумевший роман Пшибышевского «Homo sapiens» (М., 1903) и возбудившую толки брошюру Г. Ландсберга «Долой Гауптмана» (М., 1902). Позднее Семенов женился на сестре С. А. Полякова (родственные отношения связывали также Полякова с Бальмонтом). К 1899 г. относится и знакомство Полякова с Брюсовым (его первое письмо к Брюсову датировано 29 июля 1899 г. и начинается со ссылки на Бальмонта) ⁹.

Молодые москвичи сблизились на основе общих литературно-эстетических взглядов. Все пятеро тяготели к «новому искусству» — символизму, который уже утвердился в Западной Европе, а к середине 90-х годов распространился и в России. Энтузиастов «нового искусства», москвичей, привлекали прежде всего творчество западноевропейских, особенно французских символистов и такие философы, как Шопенгауэр и Ницше. Впрочем, преобладающим в этом кругу был интерес не к философии, а к самой поэзии и к «культуре» как таковой. Индивидуализм, эстетизм, резко выраженная ориентация на Запад — именно эти принципы соединяли группу москвичей, близких к Бальмонту и Брюсову. Их позиция обозначалась общепринятым в ту эпоху термином «декадентство». Здесь начиналось расхождение московской группы с другими символистами, которых — уже в то время — не устраивали ни крайний индивидуализм москвичей, ни их тяготение к «чистому эстетизму». Это крыло русского символизма представляли петербургские литераторы: З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, а также близкий к ним В. В. Розанов (хотя последний и не причислял себя к символистам). Опираясь главным образом на русскую религиозную философию, они стремились к преодолению индивидуализма на почве христианской мистики, которая позже сменилась у Мережковских тем, что они называли «религиозной общественностью». Понятие «литературной школы» вытеснялось для них понятием «мировоззрение».

Зачатки этой дифференциации обнаружились уже в 90-е годы (петербургский журнал «Северный вестник» — с одной стороны, и московские «брюсовские» сборники «Русские символисты» — с другой). Более явное членение наметилось в начале XX в. с появлением «неохристианского» журнала «Новый путь» (1903—1904), возглавляемого фактически Мережковским. Этот журнал охотно печатал символистов на своих страницах, но по своему направлению уже выходил за пределы школы в более строгом смысле этого слова 10.

Московские «декаденты» редко прибегали в ту пору к отвлеченному теоретизированию, тем более что противопоставить «неохристианам» они могли главным образом лишь принципы своего художественного творчества и свою чисто литературную ориентацию. Впрочем, в первые годы XX в. москвичи (т. е. Бальмонт, Брюсов и их окружение) и не помышляли о том, чтобы обособиться от своих товарищей по символизму. Возникшее в их среде издательство «Скорпион» (1899—1916), тогда еще очень скромное по своему масштабу, носило общесимволистский характер. «...В начинавшемся

Фотография Д. С. Здобнова. Петербург, 1904 На обороте рукой Брюсова: «1904»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«Скорпионе» не было четкого разделения на декадентов и символистов», — вспоминает А. Белый (Начало века, стр. 112). То же самое можно сказать и об альманахе «Северные цветы», издававшемся при «Скорпионе» (первые четыре выпуска вышли в 1901—1905 гг., пятый — в 1911 г.). «Северные цветы», по существу, объединяли обе линии русского символизма под знаменем общего литературного направления.

«Скорпион»,—свидетельствует Брюсов,—сделался быстро центром, который объединил всех, кого можно было считать деятелями «нового искусства», и, в частности, сблизил московскую группу (я, Бальмонт и вскоре присоединившийся к нам Андрей Белый) с группой старших деятелей, петербургскими писателями, объединенными в свое время «Северным вестником» (Мережковский, Гиппиус, Сологуб, Минский и др.). Объединение это было как бы засвидетельствовано изданием альманаха «Северные цветы», в котором впервые появились на тех же страницах и вся группа «московских символистов» и большинство сотрудников «Северного вестника» (Автобиография, стр. 113—114).

Совершившееся объединение не устранило, однако, принципиальных разногласий между московской и петербургской группами, скорее даже усилило их. Уже самая широта авторского состава «Северных цветов» и преобладание в них эстетской ориента-

ции заставляли новопутейцев относиться к этому органу «Скорпиона» критически, «Северные цветы» (...) в общем мальчишески сумасшедши и мало приличны», — писала 3. Н. Гиппиус П. П. Перцову 11. Брюсов же, несмотря на свое сотрудничество в «Новом пути» и непродолжительное организационное участие в редакционных делах этого журнала (конец 1902 — начало 1903 г.), упрекал Мережковских в том, что они приносят эстетическую сторону литературы в жертву христианской проповеди 12. Новопутейцы и москвичи-скорпионовцы и сами сознавали, что их взгляды на задачи искусства в корне различны. Журнал Мережковских хотя и привлекал к сотрудничеству символистов-«эстетов» («Мы любим декадентов», — заявляли руководители «Нового пути» 13), но все же печатал их статьи и стихи в ограниченном объеме и лишь тщательно профильтрованные. Это обстоятельство москвичи переживали болезненно. Располагая одним маленьким, еще не развернувшимся издательством и альманахом, выходящим всего раз в год, они имели возможность печатать свои произведения с большими затруднениями и лишь от случая к случаю. Общая пресса того времени относилась к «новому искусству» враждебно. Исключение составлял лишь петербургский «Мир искусства» (1899—1904), охотно открывавший символистам свои страницы. Однако этот журнал, уже доживавший свои дни и посвященный прежде всего изобразительным искусствам, стоял в стороне от московской группы и не мог удовлетворить ее потребностей. В таких условиях назревал вопрос об издании «Скорпионом» собственного ежемесячного журнала.

Потребность в новом журнале ощущалась всеми участниками «Скорпиона», включая его владельца С. А. Полякова. Личность Полякова, сыгравшего немаловажную роль в судьбе русского символизма, заслуживает подробной характеристики, которая, к сожалению, не может быть развернута в этой статье. Сергей Александрович Поляков (1874—1942) был сыном московского купца А. Я. Полякова, владельца «Фабрично-торгового товарищества Знаменской мануфактуры» (основано в 1885 г.). Балансы этого предприятия в начале 900-х годов колебались между тремя и четырьмя миллионами, а ежегодная прибыль составляла сто, а иногда и двести тысяч рублей 14. Сергей Поляков был разносторонне образованным, веселым и общительным молодым человеком, в котором, по словам И.М.Брюсовой (устная характеристика), большая культура совмещалась с некоторыми чертами, отражающими его связь с московской купеческой средой. В 1897 г. он окончил физико-математический факультет Московского университета. Однако его интересы лежали больше в сфере литературно-художественной. Поляков увлекался поэзией, живописью, знал многие иностранные языки. «За ним была слава образованиейшего, необычайно жадного до языков человека. С особой приверженностью Поляков переводил с языков шведского и норвежского. Увлекался он санскритом, изучал китайские иероглифы и даже сделал ряд переводов с якутского языка» 15. Следует добавить, что среди языков, которые изучал Поляков, были также грузинский и персидский.

В начале 900-х годов он перевел на русский язык и опубликовал романы К. Гамсуна «Пан» и «Виктория», его пьесу «Драма жизни», переводил также произведения других западноевропейских авторов (Г. Ибсена, Ф. Ницше, С. Пшибышевского). Кроме того, он и сам писал стихи.

Поляков рос и воспитывался в традиционной торгово-промышленной среде, еще сохранившей в Москве тех лет свою старозаветную колоритность. Однако в его ослике было мало старозаветного. «Поляков был «горе-купец»,— отозвался о нем Белый (устный отзыв). В секретном донесении министру внутренних дел, поступившем из Управления московского генерал-губернатора, сообщалось, что Поляков «знакомство ведет в интеллигентном купеческом кругу (...) образа жизни и правственных качеств хороших...» ¹⁶. Интеллигентность, мягкость Полякова подчеркивают знавшие его современники. Г. И. Чулков вспоминает, что «среди московских меценатов наиболее просвещенным и тонким был С. А. Поляков» ¹⁷. Бальмонт назвал своего друга «нежным как мимоза» ¹⁸. Б. А. Садовской в неопубликованных мемуарах «Весы» (поспоминания сотрудника)» отмечает, что «все существо» Полякова дышало «деликатной нежностью». Ему были свойственны, продолжает Садовской, «сбивчивая с коротким смешком речь, какие-то пугливые движения, взгляд исподлобья и неожиданно детская

улыбка» ¹⁹. Приблизительно такое же впечатление вынес от встречи с Поляковым (1935) один из авторов этой работы, Д. Е. Максимов. Аналогичный отзыв о редакторе «Весов», как о человеке очень мягком и стремившемся сгладить нередко возникавшие противоречия между членами редакции, Д. Е. Максимов услышел и от А. Белого (запись беседы 1930 г.). Белый утверждал вместе с тем, что «символизм не был для Полякова идеологией, исповеданием, а лишь фактом наиболее приемлемой для него общей культуры. Только поэтому, связавшись с группой будущих скорпионовцев, он и стоял за символизм, но в литературные дела «Весов» редко вмешивался, оставив в своем личном ведении лишь художественную часть, вопросы оформления и пр.» (та же запись).

Решительнее других на издании нового журнала настаивал Брюсов. К 1903 г. он фактически стал литературным руководителем «Скорпиона», его организующим началом. Брюсову был жизненно необходим печатный орган, находящийся в его распоряжении. Без такого органа он не мог осуществить ту большую задачу, которую ставил перед собой уже в начале своей творческой деятельности: «создать в России «школу нового искусства»— по образцу французских модернистов» (Чулков, стр. 94). Брюсов надеялся расширить круг приверженцев «нового искусства», интерес к которому в России значительно возрос в первые годы ХХ в. 20 Впрочем, на большое число сторонников скорпионовцы рассчитывать не могли. В связи с выходом в свет первой книжки «Нового пути» Брюсов 22 января 1903 г. пишет Полякову: «У «Нового Пути» подписчиков 1217. Каково! (...) Сколько раз мы уговаривали вас издавать журнал. Эти 1217 были бы наши!» 21. Примечательно, что даже эта более чем скромная цифра казалась Брюсову в то время весьма значительной.

К середине 1903 г. договоренность между Поляковым и его единомышленниками была достигнута. Определив характер и направление журнала, дав ему «символическое» название «Весы» (по одному из созвездий Зодиака, соседнему с созвездием Скорпиона), члены кружка (к нему теперь примкнул и А. Белый) образовали ядро будущей редакции. Согласно первоначальному замыслу, всю работу по изданию «Весов» должны были осуществлять шесть человек — Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт, А. Белый, В. Брюсов, С. Поляков и М. Семенов ²².

З июля 1903 г. Поляков подал прошение на имя начальника Главного управления по делам печати, ходатайствуя о разрешении ему издавать в городе Москве «ежемесячный научно-литературный и критико-библиографический журнал «Весы» ²³. Скорпионовцы с нетернением ожидали исхода дела. Летом 1903 г. Брюсов пишет Полякову: «Очень мечтаю о «Весах». Составил (в уме, конечно) все объявления, все циркуляры, все воззвания... Жаль, если пропадет». 10 августа 1903 г. Брюсов признается ему же: «Мои мечты теперь двуликие: или «Весы», или, если нет, Париж» (т. е. поездка в Париж) ²⁴. Главное управление отнеслось к ходатайству Полякова милостиво. Не получив о нем никаких порочащих сведений, оно 4 ноября 1903 г. уведомило Московский цензурный комитет о разрешении «означенному Полякову» приступить к изданию журнала ²⁵.

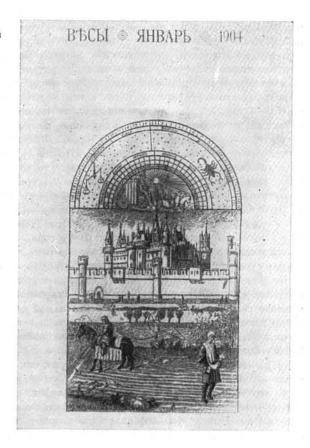
В своем прошении, характеризуя будущее издание, Поляков счел нужным подчеркнуть, что «вопросы социологические и политико-экономические в журнале не обсуждаются» ²⁶. Этот тезис, бесспорно, отражал принципиальные установки группы основателей журнала, желавших видеть «Весы» «не-общественным», «вне-партийным» органом. Кроме того, из прошения, написанного Поляковым, ясно, что в 1903 г. скорпионовцы представляли себе «Весы» как журнал чисто критический, лишенный литературно-художественного отдела, призванный пропагандировать «новое искусство» и информировать читателей о наиболее выдающихся событиях культурной жизни в России и на Западе. «...мне кажется, что «Весам» с первого же номера надо придать вид журнала критико-библиографического, который не должен конкурировать с «Новым путем» и «Миром искусства», его задача, скорее, добавлять их. Этого можно достигнуть, во-первых, боевым характером критических статей, а во-вторых, помещением возможно большого количества рецензий. Книги должны рецензироваться немедленно по появлении их на книжном рынке»,— пишет М. Н. Семенов Брюсову из Флоренции 13 декабря 1903 г. ²⁷

Организаторы «Весов» с самого начала пытались придать журналу в значительной мере «западническую» ориентацию. Наряду со сведениями о русских изданиях, большое место в «Весах» должна была занимать (и впоследствии действительно заняла) характеристика современного зарубежного искусства, разумеется, прежде всего ---«нового искусства». Не случайно в программу журнала, представленную Поляковым в Главное управление по делам печати, входили такие разделы, как «Перечень вновь выходящих русских и иностранных книг», «Письма из-за границы научного и литературно-художественного содержания», «Отзывы о книгах русских и иностранных» 28. Предельно четко эта позиция скорпионовцев выражена в письме Брюсова (видимо, неотправленном) к З. Н. Гиппиус (1903). Подвергая резкой критике литературный и общественно-политический отделы «Нового пути», Брюсов пишет: «...продолжаю думать, что лучше издавать журнал в 4 листа ежемесячно для 200 человек, чем в 15 листов для 20 000 <...> Наконец, если уж нет подходящих оригинальных статей и рассказов, -- сколько их на Западе! Благороднее половину журнала сделать переводным, чем унижаться до «Прочной общины» и «Наших задач в Сибири» 29. Можно делать обзоры западных литератур — там теперь работают художники, равные величайщим творцам всех веков: Верхарн, Гриффин, Ренье, Георге, Гофмансталь, Демель, Рильке, Гамсун, Аннунцио...» 30. О «западнической» тенденции «Весов» свидетельствует и печатный проспект журнала, распространенный скорпионовцами в конце 1903 г. «Читатели «Весов» будут осведомлены о литературной жизни всего мира <...> «Весы» дают критические отзывы о всех выдающихся книгах, появившихся на русском и на всех европейских языках. «Весы» имеют своих корреспондентов во всех главных городах Европы. «Весы» сообщают о всем новом в театральном, музыкальном и художественном мире». В цитируемом проспекте указывалось и на то, что «Весы» — журнал «объективный», чуждый «партийных» оценок. «Весы» стремятся к полному беспристрастию, не понимая под этим беспринципности» 31.

Замышляя издание «Весов», скорпионовцы стремились не только к популяризации в России «нового искусства», но и к созданию «нового» журнала — по образду некоторых современных им западноевропейских изданий. В отличие от России, где в начале нового века еще господствовала традиция «толстого» литературно-научнополитического журнала («Вестник Европы», «Мир божий», «Образование», «Русская мысль», «Русское богатство» и др.), содержащего в себе, помимо художественных произведений и литературной критики, статьи по вопросам общественно-политической жизни и лишенного каких бы то ни было художественных иллюстраций, в странах Западной Европы в 90-е годы XIX в. стали появляться журналы нового типа, Тонкие, изящные, изданные на хорошей бумаге и эффектно оформленные, с виньетками и заставками, эти журналы пропагандировали модернистское искусство во всех его проявлениях. Особенно много изданий такого рода выходило в начале ХХ в. в Германии («Ver sacrum», «Pan», «Insel»). В них было немало стилизаторства и вычурной экзотики; сказывалось увлечение восточным, негритянским и древнеегипетским искусством. В России, кроме «Мира искусства», таких изданий в начале 900-х годов еще не существовало. Правда, уже организаторы «Нового пути» стремились к тому, чтобы обновить структуру своего издания. В статье «Новый путь», открывавшей первый номер этого журнала, Перцов, его редактор, призывал «перейти от ненужной тяжеловесности русских ежемесячников к более эластичной и литературно-выдержанной форме западных «revues» 32. Однако в «Новом пути» этот «принцип новизны» был осуществлев лишь отчасти.

«Весы» ориентировались также и на более солидные современные западноевропейские журналы, в которых обширный литературный отдел сочетался с критико-библиографическим. В предуведомлении от редакции, напечатанном в первом номере «Весов», извещалось, что каждый выпуск журнала будет иметь два отдела: первый — «общие статьи по вопросам искусства, науки и литературы», второй — «хроника литературной и художественной жизни» ³³. Анализ и обоснование «нового искусства» должны были сопровождаться подробной информацией о нем. В дальнейшем «Весы» не раз сами подчеркивали свое родство с соответствующими периодическими изданиями на Западе. «По полноте обзора заграничной жизни «Весы» приближаются к таким

«ВЕСЫ», 1904, № 1 Титульный вист с миниатюрой XIV века

изданиям, как немецкое Litterarisches Echo, английский Athenaeum, французский Mercure de France, итальянский Marzocco»,— утверждалось в одном из редакционных проспектов ³⁴.

Ноябрь-декабрь 1903 г. — период интенсивной работы по организации «Весов». Брюсов, энергично принявшийся за дело, находился в эти месяцы в радостном настроении. «Сколько раз,— писал он Белому 5 декабря 1903 г.,— говорили мы с вами о недостатках «Мира искусства» и «Нового пути» (вы его называли «Бедным путем»), и вот у нас журнал, который мы можем сделать таким, каким мы хотим» (см. наст. том, стр. 372). Брюсов вел оживленную переписку, касающуюся организации «Весов». Он обращался к петербургским литераторам из символистского лагеря, уже известным и только еще начинающим, предлагал каждому из них сотрудничество в «Весах» и спешил заручиться их согласием. Блок, например, отвечает Брюсову 23 ноября 1903 г.: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич, ваше предложение участвовать в журнале «Весы» для меня необыкновенно лестно и приятно. Благодарю вас от всей души и постараюсь оправдать ваши ожидания» 35. Перцов пишет (13 ноября 1903 г.): «Поздравляю с «Весами». Желаю им пребывать в надежном равновесии. За приглашение спасибо. Но что же я вам напишу? Ведь я не декадент» ³⁶. Ясно, что Брюсов первоначально вовсе не собирался противопоставлять «Весы» «петербуржцам» как особый «фракционный» орган московских символистов. Напротив, предполагалось, что журнал, как и книгоиздательство «Скорпион», будет представлять все дважение в целом. Во всех рекламных проспектах «Весов» рядом с именами москвичей фигурируют в 1904 г. имена А. Блока, З. Гиппиус, В. Иванова, Д. Мережковского, Н. Минского, П. Перцова, В. Розанова, Ф. Сологуба, Г. Чулкова и других.

Оформление «Весов» было поручено Л. С. Баксту — художнику из объединения «Мыр искусства». Отвечая на предложение, сделанное Брюсовым, Бакст писал ему в

ноябре 1903 г.: «Прошу вас считать меня сотрудником «Весов». С удовольствием сделаю обложку <...> Название интересно и будит художественное воображение рисовальщика» ³⁷. Решение, предложенное Бакстом (и принятое скорпионовцами), было насквозь «символистским»: черно-белый декоративный рисунок, полный таинственности и невнятных намеков. Уже одно это было новинкой и резко выделяло «Весы» средв прочих русских журналов той поры. «Весы» отличались также своим небольшим объемом (6—7 печ. листов), включением художественных, иногда цветных иллюстраций, высоким сортом бумаги (верже). Не случайно, получив первый номер журнала, Перцов писал Брюсову 19 февраля 1904 г.: «Дорогой Валерий Яковлевич! Спасибо за «Весы». Внешность — событие в журналистике. «Новый путь» в сравнении неуклюж, как «либеральный» журнал» ³⁸. В. Иванов (он жил тогда в Швейцарии) также поздравлял Брюсова с «прекрасным началом «Весов», журнала истинно изящного — внешне и внутренне» (письмо от 10/23 февраля 1904 г.— см. наст. том, стр. 446).

Срок выхода журнала был установлен ежемесячный, подписная цена — пять рублей в год с пересылкой. Дело было поставлено более чем скромно, что не мешало ему быть убыточным и требовать постоянных субсидий издателя. Камерность «Весов» бросается в глаза с первого взгляда. Журнал возглавлялся теми же лицами, что и параллельно существующее книгоиздательство «Скорпион». Постоянно ощущалась нехватка технических сотрудников. В начале издания журнала читать и править корректуры приходилось домочадцам Брюсова. Весьма скромно (хотя и изящно) выглядело и помещение редакции, разместившейся в маленькой квартирке из двух комнат на пятом этаже только что построенного и поражавшего тогда своей архитектурной новизной здания «Метрополь». Вид этой квартиры живописно изображен в «Воспоминаниях» Бориса Садовского.

«Две высокие комнаты в стиле «модерн»; синие обои, пол паркетный, огромные окна.

В первой комнате направо от входа телефон, слева вешалка и полка для книг; за полкой незаметная дверца в каморку Василия ³⁹; стол перед окном. В простенке большой портрет Ницше: философ опирается на руку, глаза закрыты; за ним простирает крылья орел. Снимок с этого портрета можно найти в каталоге «Скорпиона» при первой книжке «Весов» (...) Тут же портрет-триптих 3. Н. Гиппиус в белом со шлейфом платье.

Направо дверь в кабинет редактора.

Письменный стол завален бумагами и книгами. Типографские счета, пачки корректур, письма Рене Гиля и Реми де Гурмона, роскошно переплетенные экземпляры «Весов», рукописи, конверты. В глубине комнаты, справа от входа, стол с книгами, присланными для отзыва; на краю стола, свесив ноги, сидит гипсовая нимфа; всюду статуэтки, безделушки, изящные вещипы. Над шифоньеркой между столами портреты Метерлинка, Пшибышевского с женой, Достоевского, Верлена, Верхарна, много рисунков. На стенах портреты Борисова-Мусатова, Феофилактова 40, Сапунова. У задней стены турецкий большой диван.

Здесь собирались мы по вторникам для дружеских бесед. Ни вина, ни чаю не полагалось; не было ни шуток, ни смеха; юмор целиком уходил в статьи. Но как весело было ходить сюда! Как мы любили нашу редакцию!» 41

Скорпионовцы были также завсегдатаями кафе «Грек», находившегося на Тверском бульваре. Здесь, как и в редакции, обсуждались и решались дела «Весов». В устных воспоминаниях С. А. Полякова (записанных В. М. Лобановым) говорится:

«Частенько, не закончив разговоров в редакции, мы продолжали беседу у «Грека». Феофилактов иногда здесь же получал заказ или уточнял подробности выполняемой работы. У «Грека» все что-нибудь придумывали. Что-то медленно записывал Брюсов. Белый нервно набрасывал на меню строки новых стихотворений. Наши беседы, мысли и думы всегда были около искусства» 42,

2

Первые два года «Весы» выходили как «критико-библиографический ежемесячник», посвященный литературе и искусству. Беллетристического отдела не было. Более половины текста отводилось под обстоятельные, хотя часто довольно сухие, обзоры западной литературно-художественной жизни. Многочисленные рецензии на русские и иностранные книги дополняли этот информационный раздел журнала, которому в течение всех шести лет издания «Весов» редакция уделяла особое внимание.

Первый период «Весов» охватывает два с небольшим года и замыкается на № 3—4 за 1906 г. В 1904—1905 гг. «Весы» продолжали начатую в «Северных цветах» тактику объединения русского символизма. С теоретическими статьями в журнале чаще других выступали в эти годы Брюсов, В. Иванов и А. Белый. Первый номер журнала за 1904 г. открывался программной эстетической декларацией Брюсова «Ключи тайн». В этой статье Брюсов кратко характеризует большинство распространенных определений искусства, в том числе и так называемую теорию «чистого искусства», искусства как служения «бесцельной Красоте», и решительно их отвергает. Ближе других оказывается для него подновленная позднейшими модернистскими наслоениями эстетика Шопенгауэра—взгляд на искусство как на интуитивное постижение таинственной сущности мира, аналогичное мистическому откровению и реализуемое в «мгновениях прозрения». К этому выступлению непосредственно примыкает и другая программная статья Брюсова — «Священная жертва»; она была напечатана в первом номере «Весов» за 1905 г.

Суть эстетической позиции Брюсова, представленной этими статьями, сводилась к тому, чтобы обосновать свободу искусства. «Искусство свободно» — таков был основной обобщающий лозунг, приемлемый в то время для всех главных сотрудников «Весов». Не случайно и в объявлении о подписке на 1904 г., и в «Introduction» к № 1 значилось: «Весы» отстаивают безусловную свободу художественного творчества». Тезис о независимости искусства Брюсов — в гораздо большей мере, чем другие теоретики русского символизма, — связывал тогда с принципом абсолютной свобеды личности. Крайний индивидуализм и субъективизм мыслились Брюсовым в начале века как отличительные признаки «нового искусства». «Декадентов», — писал Брюсов в 1907 г. в статье «Торжество победителей», — единит не стиль, но сходство и сродство мировоззрений. То мировоззрение, которое было дорого всем «декадентам», уже достаточно выяснено: это — крайний индивидуализм» («Весы», 1907, № 9, стр. 55).

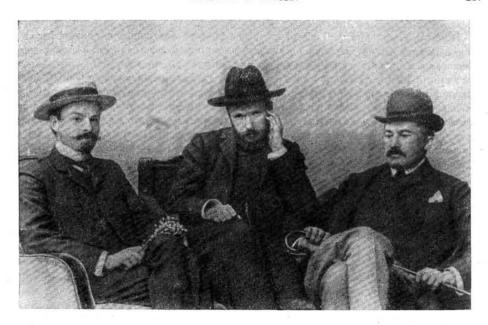
Художник, как считал в то время Брюсов, не должен признавать над собою авторитета каких бы то ни было норм, внешних по отношению к субъективному сознанию личности. Отсюда — отрицательная оценка Брюсовым того, что он называл «утилитарными» теориями искусства. В своих многочисленных печатных выступлениях тех лет Брюсов стремился теоретически обосновать «независимость» искусства от общественной жизни. В статье «Современные соображения», написанной в самый разгар первой русской революции, Брюсов рассуждает так: «Может быть, в иные дни поэт, как гражданин, обязан идти на баррикады, но он не обязан рассказывать об этом в особой поэме (...) Требовать, чтобы все искусство служило общественным движениям, все равно, что требовать, чтобы вся ткацкая промышленность только и делала, что приготовляла материю для красных флагов. У искусства есть своя область — тайны человеческого духа» 43. Этот же взгляд Брюсов отстаивал и в «Весах», что проявилось, в частности, в его известной статье «Свобода слова» (1905, № 11, стр. 61—66), полемически направленной против работы В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» 44. К неприемлемым для себя «утилитарным» требованиям, предъявляемым к искусству, Брюсов относил, однако, не только требование «общественной пользы», но и религиозные императивы и критерии. «Ты говорищь, — упрекает он, например, А. Белоге в своем открытом письме к нему, — только о тех поэтах, в творчестве которых сказался Апокалипсис. Но, как хочешь, поэтов можно мерить только по достоинствам или недостаткам их поэзии, ни по чему другому» (1905, № 5, стр. 38). Это осуждение Брюзовым нопыток сделать искусство средством религиозного воздействия чрезвычайно важно: оно не только развело его с руководителями «Нового пути», но, в конце концов, нарушило единство самих «Весов».

Конечно, идейную позицию Брюсова в целом, выразившуюся прежде всего в его поэзии, невозможно свести к тезису о «свободном» или «автономном» искусстве 45. В качестве критика он подходил к этому тезису исключительно как к орудию борьбы с «тенденциозностью». Но вместе с тем Брюсов— главным образом как поэт — понимал этот лозунг в широком смысле, видя в нем оправдание творческой художника. Поэтому призывы Брюсова к «свободному искусству» формально не противоречили проявлениям его высоко развитого чувства исторической действительности, его взволнованным и нередко тенденциозным откликам (в стихах, а иногда и в обзорных статьях) на текущие события политической жизни. В 1902—1903 гг. его увлекали вопросы международной политики, к которым он склонен был тогда подходить в аспекте консервативной идеологии. Но поражение русской армии на Дальнем Востоке, разраставшееся революционное движение открыли перед Брюсовым новые перспективы--- помогли ему осудить в своей лирике того времени весь строй самодержавной России, почувствовать силу и красоту революционной борьбы. Цикл его стихов, выражающих его отношение к русско-японской войне и революции, хорошо известен. Между тем в «Весах» 1904—1905 гг. эти общественные устремления Брюсова почти не отразились. Брюсов как бы сознательно разграничивал свою позицию в «Весах» и вне этого журнала. Так, публикуемые Брюсовым в английском еженедельнике «Athenaeum» критические обзоры русской литературы отличались в те годы повышенным вниманием именно к общественно-политической теме; в «Весах» же Брюсов выступал как идеолог «свободного» искусства.

В течение 1904—1905 гг. Брюсев был одним из ведущих авторов «Весов». Число его выступлений в «Весах» (согласно новой библиографии работ Брюсова) равняется в 1904 г. 81, а в 1905 г. — 58 46. Однако статей, посвященных теоретическому обоснованию искусства (по сути — символивма), Брюсов опубликовал немного. К ним, помимо двух вышеназванных, можно отнести еще статью «Страсть» (1904, № 8). Возражая некоторым критикам, обвиняющим «новое искусство» в «безыравственности», Брюсов защищает чувственную любовь, «страсть». Отдельными положениями статья эта перекликается с «Ключами тайн» («Страсть прежде всего тайна. . .» и т. д.). Статья «Страсть» должна была открыть в 1904 г. серию статей Брюсова под названием «Вехи». Этот замысел Брюсов осуществил в 1905-1906 гг., публикуя под таким заглавием программные выступления на актуальные темы. Предполагалось, что это будут «ежемесячные беседы с читателями «Весов» по различным вопросам современности» (1905, № 11, стр. 61). В серии «Вехи» были напечатаны такие статьи, как уже упоминавшаяся «Свобода слова», «Искания новой сцены» (1905, № 12), «Черт и хам» (1906, № 3—4) — своеобразный отзыв о последних выступлениях Мережковского, но после 8-го номера за 1906 г. этот ряд статей не продолжался.

Кроме статей общего характера, Брюсов почти в каждом номере «Весов» печатал рецензии на различные отечественные и зарубежные издания. Диапазон выступлений Брюсова-рецензента поражает своей широтой и может служить лучшим свидетельством его многообразных литературно-художественных и научных интересов. Брюсов рецензировал самые различные издания по русской литературе XIX в. (прежде всего — связанные с Пушкиным), книги и сборники современных ему русских писателей (в первую очередь поэзию), произведения иностранных авторов (преимущественно — французских), их переводы на русский язык. Внимание Брюсова привлекали также кпиги по истории французской литературы, работы по стихосложению. В «Весах» встречаются кроме того, рецензии Брюсова на новые издания по искусству, отзывы о художественных выставках, театральных спектаклях и т. д.

Свои наиболее принципиальные и обстоятельные статьи в «Весах» Брюсов в 1904—1905 гг. обычно подписывал либо своей настоящей фамилией, либо псевдонимом «Аврелий». Более мелкие выступления (рецензии и заметки разного рода) Брюсов неизменно печатал под псевдонимами, которыми он, как и прочие сотрудники «Весов», пользовался чрезвычайно широко. Псевдонимы Брюсова в «Весах» (с 1904 по 1909 г.) следующие: Аврелий, В. Бакулин, К. Веригин, Гармодий, Доброжелатель, Пентаур, Д. Сбирко, И. Смирнов, Товарищ Герман, Турист, А., Б., В. Б., В. П., К. К., Л. Р., М. П., Р., Сh., Enrico R., L. 47 Объяснить эту «игру в псевдонимы» нетрудно.

К. Д. БАЛЬМОНТ, С. А. ПОЛЯКОВ, Ю. К. БАЛТРУШАЙТИС Фотография, 1900-е годы Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

Круг основных сотрудников журнала был очень узок, некоторые из них порой выступали в одном липь номере свыше десяти раз. Кроме того, в «Весах» сотрудничали ближайшие родственники Брюсова: его сестра Н. Я. Брюсова (псевдоним — Сунанда), его свояченица Б. М. Рунт (псевдоним — Б. Р.), его брат А. Я. Брюсов (псевдоним — Аlexander). Псевдонимы во всех этих случаях были необходимы: бесконечное повторение одних и тех же фамилий могло произвести на читателей невыгодное впечатление. Следует добавить, что, помимо публикаций под псевдонимами, Брюсову принадлежит в «Весах» значительное количество неподписанных статей и материалов: различные «Заметки», разделы «В журналах и газетах», «Хроника», «Горестные заметки», «Мелочи», выступления от имени редакции журнала, подписанные «Весы» или «Скорпион», и т. д. 48 И, наконец, Брюсовым переведены многие опубликованные в «Весах» корреспонденции французских авторов.

Параллельно с Брюсовым в «Весах» первого периода их существования систематически печатался Вяч. Иванов. (Его псевдонимы в «Весах»: В. И-в, Вяч. Ив., Тhe Twins, Ζαχλής). По количеству теоретических статей, опубликованных им в 1904—1905 гг. на страницах «Весов», В. Иванов, бесспорно, занимал первое место.

В. Иванов выступил как теоретик символизма в зрелом возрасте, с мировоззрением, уже сложившимся. По крайней мере к 1905 г. основные взгляды его вполне оформились. Деятельно сотрудничая в «Весах» первого периода, он беспрепятственно излагал свои суждения в этом журнале, несмотря на то, что они явно контрастировалы с доминирующей «брюсовской» линией. В противовес подчеркнутому индивидуализму Брюсова Иванов развивал в своих работах мысль о преодолении индивидуализма на почве «теургических» воззрений. Важной вехой в истории русского символизма была статья Иванова «Кризис индивидуализма» в журнале «Вопросы жизни». В ней Иванов впервые с полной отчетливостью констатирует, что, несмотря на высокое развитие в современности индивидуализма, «несмотря на все это, какой-то переворот совершился в нашей душе, какой-то еще темный поворот к полюсу соборности» ⁴⁹. «Соборность» (т. е. религиозно понимаемая коллективная связь людей) становится для В. Иванова центральным лозунгом, отправным пунктом его философско-эстетических взглядов.

Понятие «соборности» В. Иванов соединял — не без влияния славянофилов — с идеей России. По его мнению, Россия стояла на пороге возникновения всенародной, религиозной, «органической» культуры. Путь искусства, согласно Иванову, — в его движении от индивидуализма и субъективизма к национальной почве, к религиозно понимаемой народности. Когда искусство современных художников будет строиться на началах «соборности», когда уединенные «кельи» символистов откроются, тогда лишь, как считал Иванов, возникнет истинная, лишенная субъективизма «всенародная» культура. Основой такой культуры был для Иванова миф. Поэтому главной задачей художественного строительства Иванов провозгласил «мифотворчество», т. е. создание новой мифологии.

Эти центральные идеи В. Иванова, изложенные и развитые им в 1904—1905 гг. на страницах «Весов», содержали, как уже геворилось, скрытую полемику с Брюсовым, которая, однако, не всегда оставалась скрытой. Так, завершая первую из своих статей в «Весах», В. Иванов пишет о том, что «ключи тайн», вверенные художнику,— это прежде всего ключи от заповедных тайников души народней» 50. Намек на программную статью Брюсова здесь довольно прозрачен. Однако эти принципиальные разногласия в 1904—1905 гг. не превращались в идейные столкновения. В совмещении статей В. Иванова с высказываниями Брюсова и близких ему авторов и выражалась, в сущности, установка «Весов» на объединение символизма, которое за первые два с лишним года осуществлялось редакцией более или менее последовательно.

Важно отметить, что и сам Иванов, со своей стороны, горячо поддерживал «объединительную» тактику «Весов» и был в этом вопросе-единомышленником Брюсова. Наблюратель тонкий и вдумчивый, В. Иванов лучше других понимал, каково значение «Весов» для русского символизма, и все дела, связанные с журналом, принимал близко к сердцу. В письмах к Брюсову (август-сентябрь 1904 г.) Иванов делится с ним своими соображениями относительно усовершенствования «Весов». Заботясь об «интернациональном» лице журнала, В. Иванов предлагал Брюсову привлечь к участию в «Весах» западноевропейских писателей «с именем»: Метерлинка, Андре Жида и др. «Необходимо изыскивать и расширяться, иначе все упадет» (письмо от 22 июля/4 августа 1904 г. -- см. наст. том, стр. 453). Подобно Брюсову в 1904-1905 гг., В. Иванов рассматривал «Весы» как центр русского символизма, призванный сплотить вокруг себя все разрозненные его группировки. «...Я знаю с достоверностью, что «Весы» ничего не желают больше, как объединения своих сотрудников», - пишет он А. Белому 2 июня 1904 г. ⁵¹ В. Иванов был искренне озабочен литературно-общественным престижем «Весов». В письме к Брюсову от 28 сентября 1904 г. он со всей определенностью утверждает: «Весы» не просто журнал для чтения, а орган какого-то коллективного самоутверждения, какого-то жизненного процесса в русском — европейском, если хочешь, — самосознании» (см. наст. том, стр. 462).

Иным, чем у Брюсова, было и миросозерцание А. Белого. Утверждая, подобно В. Иванову, определяющее значение сверхиндивидуального мистического начала, А. Белый признавал его реальность в аспекте субъективного сознания. Идея творческого преображения превалировала в его эстетике над принципами отображения действительности. Метавшийся между В. Соловьевым и Ницше, увлеченный Риккертом, А. Белый пытался в годы своей работы в «Весах» обосновать свои религиозно-мистические воззрения гносеологически.

Активно сотрудничая в «Весах» с самого начала их существования, Белый в 1904—1905 гг. напечатал в органе «Скорпиона» ряд статей; некоторые из них имели принципиальное значение: «Критицизм и символизм», «Чехов», «Апокалипсис в русской поэзии», «Луг зеленый». Кроме того, Белый часто рецензировал новые русские и иностранные издания (прежде всего — научно-философского характера). Подобно Брюсову, Белый охотно пользовался псевдонимами. Помимо своей настоящей фамилии (Б. Бугаев), Белый поднисывался еще по меньшей мере тринадцатью псевдонимами (Альфа, А. Б-ый, Бета, В. Быков, Гамма, Дельта, Зигмунд, Яновский, А. (вместе с Брюсовым), А. Б., 2Б, Spiritus, Taciturno).

Вопрос об индивидуализме был, таким образом, основным для Брюсова, В. Иванова и А. Белого и определил оттенки их идейных отношений в 1904—1905 гг., а так-

же — их разногласия в будущем. «Именно вопрос об индивидуализме, — писал Брюсов в статье «Торжество нобедителей», — и был той точкой, с которой началось расхождение между членами прежде «единой» школы» (1907, № 9, стр. 56). Такое же мнение высказывал в то время и Белый (1907, № 6, стр. 66). Однако до 1906 г. три теоретика русского символизма сотрудничали на страницах «Весов» сравнительно мирно, хотя иногда и вели друг с другом полемику.

С философско-теоретическими статьями выступал в «Весах» также и В. В. Розанов, живший в Петербурге. Впрочем, его философско-критические эссе, крайне своеобразные по своей проблематике и стилю, не имели прямого отношения к основному направлению журнала. Активно участвовал в «Весах» первого периода К. Д. Бальмонт, печатавшийся также под псевдонимом «Дон» (1904, № 2). Статьи Бальмонта были, в частности, посвящены вопросам искусства, религиозных культов и народной символики в малоизученных странах Центральной Америки. Роли остальных участников «Весов» сводились преимущественно к рецензированию русских и иностранных изданий. Ю. К. Балтрушайтис подписывал свои статьи и заметки инициалами Ю. Б. и М. Р. С. А. Поляков, писавший в «Весах» под псевдонимом С. Ещбоев, опубликовал в 1904 г. две рецензии (на «Всеобщую историю письмен» Я. Б. Шницера и на русские переводы Піпибышевского), а также реферат одной из статей Р. де Гурмона в «Mercure de Franсе». В дальнейшем Поляков участвовал в «Весах» лишь как переводчик. Роль Блока в «Becax» 1904 г. ограничилась двумя краткими отчетными статьями (первая — о выставке «Нового общества художников» в петербургской Академии наук, вторая, подписанная А. Б-ъ, — о публичной лекции Н. Минского). Позднее, в № 2 «Весов» за 1906 г., Блок опубликовал рецензию на сборник «Свободная совесть» и более как критик в органе «Скорпиона» не выступал ни разу.

Из других петербургских символистов в «Весах» сотрудничал Ф.Сологуб; впрочем, поначалу — сравнительно редко. На скромных ролях выступали в этот период А. Ремизов и К. Чуковский (в дальнейшем каждый из них существенно расширил свое сотрудничество в «Весах»). Малозаметным было также участие Г. Чулкова и В. Ходасевича (эти авторы появляются в «Весах» 1904—1905 гг. лишь однажды). Случайным для «Весов» автором оказался и С. Дягилев — в № 4 за 1905 г. была напечатана речь, произнесенная им в Москве на товарищеском ужине, устроенном в его честь. Что касается Мережковских, то их сотрудничество началось лишь в конце 1905 г.

Болыную роль в «Весах» в течение всех шести лет издания журнала играли инсстранные корреспонденты. В 1904-1905 гг. их участие было особенно ощутимым. В известной мере их функции осуществляли и сами скорпионовцы (особенно Балтрушайтис и Бальмонт), которые часто и подолгу жили за границей. Однако «Весы» стремились к тому, чтобы иметь своих «специальных» корреспондентов в Париже, Берлине и других крупнейших литературно-художественных пентрах Западной Европы. Неоценимую помощь оказывал «Весам» в 1904 г. Максимилиан Волошин, который, живя в то время в Париже, выполнял роль активного эмиссара Брюсова во Франции. Волошин завязывал знакомства в среде французских литераторов и художников, рассказывал им о «Весах» и пытался привлечь их к сотрудничеству 52. В одном из первых своих «донесений» из Парижа Волошин так «отчитывается» перед Брюсовым: «С Моклером мне еще не удалось увидеться. Но зато я виделся с Рене Гилем (Ghile) — («глава инструменталистов» — помните?), и он обещал писать для «Весов». Он очень близко стоял к движению как близкий друг Малларме (...) Он обещал первую статью кончить к концу здешнего января, но с тем, чтобы она была переведена мною здесь же. Это только для первой статьи. Потом он будет отправлять непосредственно. Он хочет написать общий обзор поэзии настоящего дня $\langle ... \rangle$ Вообще же я ему предлагал говорить о настоящем с постоянными экскурсами в историю символизма. Он очень заинтерезован идеей и программой журнала (...) Редон делает обложку. Но что он сделал, я пока не видел. Из художников я видел Вюиллара и Серюзье. Они обещали виньетки и заставки. Может, каждый из них возьмется даже за исполнение целого номера» 53.

Рене Гиль, о котором рассказывает Волошин, стал со временем постоянным сотрудником журнала. Представитель «второго поколения» французских символистов,

обособившийся в их среде благодаря своей теории «научной поэзии». Р. Гиль оставался во Франции 900-х годов хорошо известным, но одиноким и мало популярным автором. Его эстетические взгляды не встречали сочувствия даже у его соратников по символизму. Огсюда — вполне понятная надежда Гиля на поддержку за пределами Франции. Отсюда же — его заинтересованность в «Весах» и готовность писать для них. В одном из своих писем-«отчетов» к Брюсову Волошин сообщает о Рене Гиле: «Прилагаю ту общую программу, которую он намерен выполнить в будущих письмах. Это грандиозно! Это целая книга! «Весы» будут иметь первую полную историю символизма, раньше Франции» 54. Р. Гиль, действительно, опубликовал в «Весах» в 1904— 1909 гг. серию литературных обзоров и статей под общим названием «Письма о французской поэзии», а также ряд рецензий 55. По обилию корреспонденций (более ста) и по их согласованности с главным направлением журнала Р. Гиль может считаться наиболее близким и активным среди иностранных сотрудников «Весов». Как известно. Брюсов расценивал Гиля и его идеи очень высоко. Он одобрял не только общее отношение Гиля к французской литературе 900-х годов, но в особенности его теорию «научной поэзни». В №1 «Весов» за 1905 г. появилась анонимная заметка под заглавием «Гибель литературных школ во Франции», принадлежавшая, несомненно, Брюсову (который в этот период был автором почти всех неподписанных материалов, печатавпихся в журнале). В этой заметке выражалась, между прочим, надежда на то, что «научная поэзия» окажется «возрождением литературного творчества во Франции» (стр. 79). В развернутой форме сочувственное отношение Брюсова к теории Гиля проявляется в двух его статьях, посвященных этому поэту: «Рене Гиль» (1904, № 12) и «Литературная жизнь Франции. Научная поэзия» 56.

Среди других французских авторов, привлеченных Волошиным к сотрудничеству в «Весах», следует назвать Ван Бевера, известного французского критика и библиографа, секретаря журнала «Mercure de France». Ван Бевер писал для «Весов» в 1904 г. небольшие обзорные статьи и рецензии на новые книги.

Благодаря Волошину «Весы» в 1904 г. и в первой половине 1905 г. представляли французскую культуру, т. е. прежде всего культуру французского модернизма, достаточно полно и широко. Тем более, что сам Волошин, активно сотрудничая в этот период в «Весах», писал для журнала «Письма из Парижа» (подписанные также М. В.). В одном из писем к Волошину Брюсов заметил, что «Весам» угрожает опасность превратиться из журнала «интернациональ» в журнал «франкорюсс» 57. С 1905 г. участие Волошина в «Весах» заметно ослабевает, хотя отдельные его статьи публиковались вплоть до закрытия журнала.

«Весам» удалось быстро установить контакты и с немецкими художниками. В Берлине находился в то время Максимилнан Шик (1884—1968), молодой поэт и переводчик, немец по происхождению. Шик был лично знаком с Брюсовым и другими «москвичами». Начиная с 1900 г. Шик выступал на страницах немецких периодических изданий с переводами из русских авторов и статьями о них. Например, в известном журнале «Magazin für die Literatur» он в 1904 г. напечатал свои переводы на немецкий язык стихотворений Брюсова, а в ежемесячнике «Die Gegenwart» — свою статью о Чехове. Подобно Волошину, Шик вел переговоры с художниками и пытался склонить их к участию в «Весах». «Относительно привлечения лучших художников я постараюсь, — пишет Шик Брюсову. — Что бы вы сказали о Маркусе Бемере (Marcus Behmer), который в свое время был иллюстратором журнала «Insel» 58? Его рисунки поразительно интересны. Интересен также другой молодой художник Alfred K ubin, наноминающий немного Одилон Редона в его фантастических рисунках» 59.

Сам Шик в 1904 г. регулярно печатал в «Весах» свои статьи о немецкой литературе. Он писал, например, о С. Георге и Г. Гофманстале, ведущих немецких поэтах-символистах 900-х годов, о берлинских сецессионистах, поэднее, в 1906 г., — рецензии на книги немецких писателей (А. Момберт, Ф. Ведекинд, В. Шольц, Г. Фукс и др.). С начала 1907 г. сотрудничество Шика в «Весах» затухает.

В поле зрения «Весов» находилась художественная жизнь не только крупнейших стран Западной Европы, но и других, например, Греции, Латвии, Польши и

РЕНЕ ГИЛЬ
С рисунка Е. С. Кругликовой
Заставка к статье Р. Гиля
«Письма о франпузской поэзии»
«Весы», 1904, № 6

т. д. Информация поступала также из стран Северной, Центральной и Южной Америки, из Азии (Индия, Япония). «Весы» отличались поэтому свежестью, полнотой и редкой содержательностью сведений.

Разумеется, «Весам» удавалось держать своих «специальных корреспондентов» далеко не во всех странах; однако и те иностранные сотрудники, которые писали для «Весов» (одни регулярно, другие — время от времени), вполне удовлетворяли потребностям журнала. Наиболее заметными фигурами среди иностранных корреспондентов «Весов» (помимо Рене Гиля) были: Рене Аркос и братья Гурмоны — во Франции, член Британской академии У. Морфилл — в Англии, известный прозаик и публицист Дж. Папини, литераторы Дж. Амендола и Дж. Ванникола — в Италии (связанные с «Весами» через Ю. Балтрушайтиса). О литературно-художественной жизни Германии читателей «Весов» начиная с 1906 г. информировали главным образом переводчик А. Элиасберг (псевдоним — А. Э.) и А. Лютер, известный впоследствии специалист по русской литературе.

Весь 1904 год издание журнала протекает при ближайшем и самом непосредственном участии Брюсова, выполняющего редакторские, организаторские и даже корректорские обязанности. Многие другие скорнионовцы подолгу жили за границей и прямого отношения к редакционной работе иметь не могли (хотя и присылали в «Весы» сеои статьи и рецензии). Несомненную заинтересованность в делах журнала проявлял на первых порах Поляков. Однако владелец «Скорпиона», «большой знаток и ценитель художественных вымыслов» (по словам Бальмонта) воделен, как уже отмечалось, преимущественно к художественно-полиграфической стороне дела и вопросами общей идейно-эстетической программы журнала интересовался сравнительно мало. Инициатором, дирижером и фактическим руководителем всего начинания оставался Брюсов. «Работников, конечно, не оказалось. Все делаю я один и, разумеется, не без ошибок», — записывает Брюсов в своем дневнике (неопубликованный отрывок) в самом деле «Весы» были в то время «журналом Брюсова».

В дневниковой записи Брюсова 1904 г. отмечается, что Поляков «в первое время выказывал притязания на фактическое редакторство. Впрочем, он желал, чтобы делал все я, но под его руководством» ⁶². Разумеется, властная натура молодого Брюсова — человека самостоятельного и независимого — противилась вмешательству Полякова. Эта черта, всегда присущая Брюсову, сочеталась в нем с искренним убеждением в практической необходимости единовластия. «Мое твердое убеждение, что делать что-либо возможно только по личной воле, а все коллегиальное, все, где будто бы работают сразу многие, — есть самообман», — писал он Чулкову в ноябре 1902 г. (Чулков, стр. 318). Спустя несколько месяцев в письме к Перцову Брюсов заявляет: «Мне необходимо взять всецело в свои руки «Северные цветы», иначе ничего не будет издано» ⁶³. И, наконец, еще откровеннее Брюсов высказывается — уже в связи с «Весами» — в своем (неотправленном?) письме к М. Н. Семенову 16 декабря 1904 г.: «работать я могу только самостоятельно и ничьей указки признать не в силах» ⁵⁴.

Стремление Брюсова к «единовластию» привело в начале 1904 г. к обострению его отношений с Поляковым. «При выходе первого № у нас было несколько столкновений с Сергеем Александровичем, и я решительно подумывал бросить все дело. Понемногу все обошлось» 65. «Обошлось» на языке Брюсова означает, что он отстоял за собой право единолично распоряжаться внутренней жизнью журнала. Однако, оттеснив Полякова, Брюсов оказался практически единственным редакционным работником и был вынужден все делать в одиночку. В письме к Перцову Брюсов рассказывает: «Весы» должен был делать я один, т. е. сочинять, писать, редактировать и корректировать (слава богу, что не набирать еще!). В № 7 и № 8 большая половина текста — написана моей рукой!» 66. В итоге в «Весах» складывается к середине 1904 г. кризисная ситуация, подробно описанная Брюсовым в его недатированном письме к В. Иванову летом 1904 г. (Сохранилось четыре черновых редакции письма; ниже цитируется первая из них).

«Продолжать дело с «Весами», как оно идет сейчас, я отказываюсь окончательно. Работа отнимает у меня всю жизнь, т. е. каждый день оставляет столько времени, чтобы отдыхать, ничего не делая, -- не больше. По этому самому, потому, что я слишком занят, все идет гораздо хуже, чем могло бы идти. Мне часто некогда сделать самонужнейшей вещи <...> например, я часто не пишу совсем неотложных редакционных писем (а кто их напишет кроме меня) или, еще пример, совсем не забочусь о распространении журнала, о рекламах или, третий пример, упускаю многое, что надо бы взять в хронику, не поручаю разобрать очень важной книги и т. д. и т. д. Не говорю уже о том, что, будучи совершенно один в «Весах», я не могу никуда уехать, не могу получить отпуска хотя бы на месяц, — а в случае моей болезни «Весы» просто остановятся. В интересах самого дела — столь же, если не больше, как в моих личных, -- нужно расширить «состав редакции». Когда «Весы» основывались, полагалось, что будет работать Юргис и сам Сергей Александрович и, м. б., Бальмонт. Ты знаешь, что ни один из них за шесть месяцев не сделал ничего, ровным счетом ничего». Далее Брюсов перечисляет еще целый ряд обстоятельств, которые, по его мнению, тормозят редакционную работу. Среди них — частые столкновения с Поляковым, «гордость» Балтрушайтиса (который отдает свои рукописи прямо в типографию, минуя Брюсова как редактора), неравномерность и нерегулярность выплаты гонораров и т. д.

Во второй редакции того же письма Брюсов намечает выход из создавшегося положения. «Необходимо, чтобы кто-нибудь другой поделил со мной редакционную работу, и необходимо, чтобы Сергей Александрович предоставил нам деятельное участие в издательских делах. Если эти два требования не будут исполнены, то лучше бросить мертвое дело, которое несмотря на все местные средства (приглашение новых сотрудников, напр.) может только разлагаться». И Брюсов предлагает В. Иванову переехать в Москву и взять на себя соредактирование «Весов» (см. наст. том, стр. 456—457).

Однако В. Иванов решительно отказался от предложенного Брюсовым соредакторства. Свой отказ Иванов мотивировал тем, что Поляков не желает его ближайшего участия в «Весах». Брюсов же, продолжая издание журнала, по-прежнему пытался изменить сложившуюся обстановку в свою пользу. В сентябре 1904 г. между ним и Поляковым было достигнуто соглашение, цель которого заключалась в том, чтобы

снять с Брюсова часть выполняемой им работы. В письме к В. Иванову (черновой вариант), датированном 20 сентября 1904 г., Брюсов подробно рассказывает о намеченных изменениях. «Мы с Сергеем Александровичем успели уже выработать некоторый modus vivendi * для «Весов» на 905 г. Я решил поручить одному лицу всю Германию (т. е. все, касающееся Г (ермании) (отзывы о книгах, цитаты из журналов, заметки хроники), другому — Францию, третьему — Англию, четвертому — Италию, пятому — Скандинавию. Этим способом, кажется мне, я сокращу свою работу на 1/4. Затем я решил найти для редакции лицо, которое могло бы делать всю неответственную работу: читать непоследние корректуры, переводить не столь важные отрывки и письма корреспондентов, ездить в типографию, вести корреспонденцию и т. д. (Таким лицом намечена сестра Иоанны Матвеевны — Бронислава Матвеевна) ⁶⁷. Это, вероятно, сократит мне работу еще на $^{1}/_{4}$ » (см. наст. том, стр. 461). Впрочем, достигнутое соглащение, очевидно, лишь в малой мере облегчило положение Брюсова. В ноябре 1904 г. в письме к М. Н. Семенову он вновь жалуется на то, что «Весы» «гнетет отсутствие работников, т. е. единомышленников. Вы взялись за работу в ноябре, Юргис от своей отказался в марте. Летние книжки целиком писались, редактировались и корректировались одним мною. Не желал бы я повторять этого опыта» ⁶⁸. И даже в декабре 1904 г. Брюсов по-прежнему жалуется ему на то, что «делать именно журнальную работу, писать рецензии, «обозревать» журналы, выбирать материал для хроники — решительно некому» 69.

В таком состоянии «Весы» вступили во второй год издания. Брюсов оставался редактором и фактически полновластным руководителем журнала. Впутриредакционные отношения в 1905 г. временно выровнялись. Преодолев частные разногласия, Брюсов, Поляков, Семенов и другие ближайшие участвики издания ищут новых способов реорганизации журнала. «Весы», действительно, нуждались в реформе: подписчиков было слишком мало, а пресса встретила появление журнала крайне недоброжелательно 70. И это неудивительно — круг приверженцев «нового искусства» был в России того времени еще очень узок, а имен Брюсова, Белого и других ведущих сотрудников «Весов» (за исключением Бальмонта) подавляющее большинство читателей почти не знало. Новизна журнала, мелькание пностранных имен и обилие библиографических сведений также не привлекали подписчиков: неподготовленный читатель чувствовал себя перегруженным информацией и тяготился этим. Что же касается теоретических статей, необычных по своему идейному направлению в форме, то в они могли только отпугнуть подписчиков, воспитанных в духе русского демократического реализма. Так или иначе Брюсов еще в конце 1904 г. испытывал тревогу в связи с тем, что подписка на «Весы» протекала крайне вяло. «Как у вас подписка? — спрашивал он Перцова, имея в виду «Новый путь». — У нас, сознаюсь, прямо плохо. Должно быть, наше научное объявление никого не соблазняет. Написал я новое, где прямо провозглашаю «Весы» декадентским журналом» 71. В другом письме к Перцову (20 декабря 1903 г.) Брюсов пишет: «Что до подписки, у нас плохо очень. У вас вот по 20-30 в день, а у нас по 2-3, больше 5 не было ни разу» 72.

По данным архива книгоиздательства «Скорпион», количество подписчиков на «Весы» выражалось в 1904 г. более чем скромной цифрой: 670 человек. (За количество подписчиков здесь и в дальнейшем, исключая данные 1906 г., опубликованные на страницах «Весов», принимаются цифры, выражающие число адресов, проставленных в счетах типографии.) В журнале «Новый путь» число подписчиков к концу 1903 г. доходило до 2558. О том, насколько невелики обе эти цифры, можно судить, сопоставив их с соответствующими данными о подписке на другие журналы. Так, «Русское богатство» к началу 900-х годов имело 11 000 подписчиков, «Вестник Европы» в 1904 г.—6424, «Современный мир» в 1909 г.—14 417, а «Журнал для всех» в 1905—1906 гг.— до 70 000 подписчиков.

Вопрос о подписчиках был на грани 1904—1905 гг. наиболее острым для «Весов» и серьезно беспокопл руководителей журнала, которые — в первую очередь Брюсов, Поляков и Семенов — стремились приспособить его к потребностям и интересам чита-

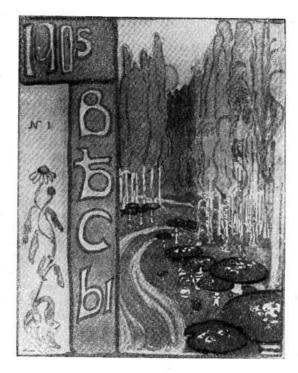
^{*} условия существования (лат.).

телей. «Беседовал недавно в поезде случайно с одним нашим провинциальным подпис. чиком, — писал Брюсов Полякову. — Он высказал мне совершенно справедливую мысль. что мы читателей отпарашиваем. Сразу целый океан новых имен, которых раньше и не слыхивали. По-видимому, надо давать поменьше отвлеченных статей, а побольше конкретных, например, биографии, которые до известной степени могут заменить беллетристику. Я думаю начать такие попытки уже со следующего №» 73. М. Семенов советовал исправить положение дел иным способом. Он был убежден, что «Весам» не хватает крупных имен, и рекомендовал Брюсову привлечь к участию в журнале пзвестных иностранных писателей. Еще до выхода первого номера «Весов» Семенов предлагал Брюсову: «Пусть Сергей 74 напишет Гамсуну, может быть, он согласится корреспондировать из Норвегии» 75. В письме к Брюсову из Парижа 23 ноября 1904 г. Семенов пишет: «Говорил ли Вам Сергей, что у меня есть возможность достать статью Реми де Гурмона о французском романе? Получу от него ответ на днях. Я думаю, что нам надо также заручиться сотрудничеством Метерлинка и Гюнсманса, что сделать, мне кажется, не так-то трудно. Если «Весы» мне поручат, то я достану также Гофмансталя, готов для этого даже поехать к нему в Вену» 76. Предложение Семенова не было поддержано Брюсовым. «Имена Метерлинка, Реми де Гурмона, Гофмансталя, разумеется, соблазнительны. Но не надо забывать, что «Весы» — русский журнал. Что хорошего будет, если большая половина наших статей будет переводами, хотя бы и с рукописей. И так мы уже отягчены Гилем» 77. Семенов не согласился с Брюсовым и продолжал защищать ориентацию на Запад: «В своем предложении о привлечении европейских «имен» я исходил из вашего же предыдущего письма. Вы писали, что «Весы» имеют очень мало подписчиков, что Иванов Дионисом разогнал последних ⁷⁸, что «Весы» должпы быть журналом более доступным ... Я знаю также, что русская публика падка на «имена» и думаю, что уж если «Весы» имеют иностранцев-сотрудников, то пусть это будут Метерлинки, Гамсуны, Гофманстали и др., а не какие-то иксы, как вы выразились о Ван Бевере. Рене Гиля я считаю также пксом, да к тому же скучным (...) Я совершенно убежден, что «Весы» имели бы несравненно больше подписчиков, если бы среди их сотрудников были крупные иностранные имена»79.

Впрочем, можно предположить, что Брюсов и его товарищи по редакции не рассчитывали на массовый успех журнала. В марте 1902 г. Брюсов писал Перцову: «Со всем, что вы говорите о «Новом пути», я согласен до конца. Я всегда был убежден, что ни вы, ни Мережковские, никто из нас не сумеет издавать журнал на 3000 подписчиков. В области чистой литературы нам, ценителям стихов Зинаиды Николаевны 80, долго еще быть в великом меньшинстве. Стало быть, вся надежда на религиозное движение в обществе, но оно существенно не журнально (...) Да, «Новый путь» должен быть аристократичен, долго, может быть, лет пять-шесть, пока в среде этой самой аристократии не наберется 3000 подписчиков» 81. Итак, даже для «Нового пути», редакция которого рассчитывала на связь с религиозным движением в широких слоях общества, Брюсов считал нереальным приобрести 3000 подписчиков. Ясно, что в отношении «Весов», представлявших собой камерное, элитарное литературное предприятие, он не надеялся и на более скромные цифры. Брюсов смотрел на возможную в России аудиторию для «декадентского» журнала вполне трезво: такой журнал мог иметь в то время лишь «аристократический» характер, мог обслуживать лишь узкий круг «избранных». Редакция «Весов», несомненно, считалась с этим обстоятельством и сознательно шла на риск. И все же результаты подписки в 1904 г. оказались значительно ниже, чем ожидали издатели.

Решающая причина, определившая ограниченность читательской аудитории «Весов» в первый период их издания, заключалась в идейной позиции журнала. Проводя в жизнь, хотя и с отступлениями и оговорками, индивидуалистический принцип так называемого «свободного искусства» или «автономного искусства», редакция «Весов» стремилась оградить свой журнал от обсуждения острых общественно-актуальных вопросов, которые все сильнее и настойчивее волновали интеллигенцию начала века. Русско-японская война и даже события первой русской революции не привели к существенным изменениям «аполитичного» по своим преобладающим тенденциям характера издания.

«ВЕСЫ», 1905, № 1 Обложка по рисунку М. В. Якунчиковой

Правда, к военным действиям на Дальнем Востоке «Весы» поначалу проявили некоторый интерес. В проспекте книгоиздательства «Скорпион» на 1905 г. говорилось: «В виду переживаемого нами важного исторического момента «Весы» дают особо подробную библиографию изданий, посвященных Дальнему Востоку (...) Вместе с тем будут даваться подробные критические обозрения выдающихся книг и статей о Дальнем Востоке» 82. Однако это обещание «Весы» сдержали лишь отчасти. Зато на страницах журнала появилось в 1904-1905 гг. несколько заметок, проникнутых сочувствием к позициям официальной России в русско-японской войне — «глупой и преступной колониальной авантюре русского самодержавия», как характеризовал ее В. И. Ленин 83. В неподписанной рецензии на № 4 журнала «Вестник Европы», принадлежащей несомненно Брюсову 84, по поводу войны говорится следующее: «Великие события, переживаемые нами, объединили в одном общем чувстве всю Россию. Русским людям всех направлений понятно, что ставка идущей теперь борьбы: будущее России. Ее мировое положение, вместе с тем судьба наших национальных идеалов, а с ними родного искусства и родного языка, зависит от того, будет ли она в XX веке владычицей Азии и Тихого океана. Каковы бы ни были личные симпатии того или другого из нас к даровитому народцу восточных островитян п их искусству, эти симпатии не могут не потонуть в нашей любви к России, в нашей вере в ее назначение на земле» (1904, № 4, стр. 73). Позиция Брюсова в вопросе о русско-японской войне укрепляется и другими выступлениями «Весов», например, статьей П. Сидорова «О Японии» (1904, № 10, стр. 39-41). Такие же тенденции, окрашенные панславянской идеологией, проскальзывают и у Б. Садовского — постоянного сотрудника «Весов» в течение всех шести лет издания журнала (его псевдонимы в «Весах» — Б. С., Рtyx, И. Голов). Садовской выражает надежду на «соединение славян» и недвусмысленно упоминает о вожделенном воне «цареградских колоколов» (1904, № 10, стр. 70).

Однако эти отдельные выступления не влияли на доминирующую линию «Весов». Тезис о своей мепричастности к политической «злобе дня» «Весы» пытались продемонстрировать в конце 1904 г. В тот самый момент, когда вся Россия напряженно следила за военными действиями на Дальнем Востоке, Брюсов и Поляков организуют «японские» выпуски «Весов» (№№10 и 11). В каждом из этих номеров обильно воспроизводились

образцы прославленной японской графики. Смысл этой демонстративной акцип раскрывается в черновом варианте письма Брюсова к М. Н. Семенову. Возражая своему корреспонденту (Семенов счел все предприятие с «японскими» номерами «бестактным» шагом), Брюсов так оправдывает это «эпатирующее» выступление «Весов»: «Как только возникла у нас с Сергеем Александровичем мысль сделать «японский» №, мы спросили себя: не будет ли это бестактно. И, рассудив, решили, что нет. «Весы» должны среди двух партий, японофильствующих либералов и японофобствующих консерваторов, занять особое место. «Весы» должны во дни, когда разожглись политические страсти, с мужеством беспристрастия исповедать свое преклонение перед японским рисунком. Дело «Весов» руководить вкусом публики, а не потворствовать ее пнстинктам; иначе надо было пригласить не Валерия Брюсова и Андрея Белого, а Максима Великолен юго и Леонида I» ⁸⁵. Так, отчасти противореча собственным политическим высказываниям того времени, Брюсов пытался утвердить в «Весах» именно те принципы, которые он отстаивал и в своих программных эстетических статьях («Ключи тайн», «Священная жертва» и др.).

И все же в условиях мощного общественного и идейного подъема, охватившего Россию, основная масса читателей интересовалась прежде всего творчеством М. Горького и Л. Андреева, а проповедь «автономного искусства» не имела и не могла иметь широкого распространения. Более того: именно на страницах «Весов» в течение всех шести лет существования журнала шла открытая и неуклонная борьба с тем направлением в русской литературе, которое полнее всего было представлено тогда творчеством Горького и возглавляемой им группой писателей-«знаньевцев», — демократическим реализмом. Искусство и критика, непосредственно связанные с освободительным движением эпохи, не допускались в орган «Скорпиона» и вызывали в нем резкий отпор. Это обстоятельство являлось основным барьером, отделявшим «Весы» от массового читателя (особенно в 1904—1905 гг.).

Полемический задор, агрессивный тон и непримиримость по отношению к противникам «декадентства» определяли критический отдел «Весов» уже с самого первого номера. Явно забывая о «мужестве беспристрастия» — формула, которую редакция хотела сделать своим принципом, — «Весы» на протяжении шести лет оставались журналом в высшей степени «пристрастным». Неустанно держа под прицелом того, кого они в данный момент считали своим противником, «Весы» мало походили на академически спокойное и эстетски равнодушное издание (хотя не были лишены ни академизма, ни тем более эстетизма). «Весы» прежде всего тенденциозный орган с фанфарами, плакатами, зазываниями в сторону «нового искусства», — писал А. Белый 86. Нанося чувствительные удары по враждебным группировкам, «Весы», как правило, действовали энергично и резко. Современники отмечали остро-полемический тон «Весов» как одну из главных особенностей этого журнала. С. Л. Рафалович, поэт и драматург модернистского склада. печатавший в 1904—1906 гг. в «Весах» рецензии и обзоры, писал Брюсову в начале 1904 г.: «Что касается «Весов», то мне бесконечно нравится отчетливый характер журнала, резкий, боевой. Чувствуется крепкая основа в смысле подготовленности редакции, ясное сознание цели и направления и цельность...» ⁸⁷ А Блок признавал в 1907 г., что «Весы» в настоящий момент «самый боевой журнал в России» 88.

В первый период, когда «Весы» объединяли на своих страницах «московский» и «петербургский» символизм, объектом их нападок служили главным образом давно определившиеся противники «нового искусства» и связанной с ним идеологии: материализм и позитивизм в философии, реализм, натурализм, «тенденциозность» в литературе ⁸⁹.

Реалистический метод, с которым «Весы» нередко отождествляли натурализм и бытовизм в литературе, вызывал у сотрудников журнала враждебность, независимо от того, кто применял его — Горький, Бунин, Чехов или Московский Художественный театр. И все же самые яростные, самые ожесточенные удары «Весы» наносили по писателям, сгруппировавшимся вокруг сборников «Знание». Жестоко критикуя эти сборники, «Весы» выдвигали против писателей-реалистов три обвинения. Первое касалось «наивного реализма», якобы отличавшего мировоззрение и стиль «знаньевцев» и несовместимого, по убеждению редакции «Весов», с уровнем современного художест-

РИСУНОК В. Э. БОРИСОВА-МУСАТОВА
Эскиз к картине «Призраки»
Заставка к статье К. Бальмонта «Тайна одиночества и смерти.
О творчестве Метерлинка»
«Весы», 1905, № 2

венного сознания. Второе обвинение было направлено против «нарочитой тенденциозности» писателей «Знания», т. е. их стремления выдвигать на первый план и решать социально-политические вопросы. И, наконец, «Весы» обвиняли писателей-знаньевцев в «антихудожественности», упрекали их в избитости и шаблонности творческих приемов и в натуралистическом подходе к изображаемому. Эта длительная борьба с реализмом окрашивала деятельность «Весов» в течение всех шести лет, то усиливаясь, то ослабевая. Особенно настойчиво велась она в рассматриваемый период.

Непосредственным участником полемики со знаньевцами в 1904—1905 гг. был Брюсов. Правда, самые первые сборники, выпущенные товариществом «Знание» (книги первая и вторая за 1903 г.), он рецензировал не сам, а возложил эту задачу на второстепенных сотрудников журнала, М. Пантюхова (М. Пант-ов) и Н. Пояркова (Ник. Ярков). Тон рецензии М. Пантюхова (1904, № 5) весьма характерен для отзывов «Весов» о знаньевцах. За исключением повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» (разобранной в том же номере «Весов» и В. Ивановым), рецензент не обнаруживает в сборнике ничего значительного. Стихи Бунина и его рассказ «Чернозем» он расценивает как «лепет», рассказ Вересаева «Перед завесою» как «мямленье», путевые очерки Серафимовича как «малоинтересные и шаблонные»; Горький — автор известного программного монолога «Человек» — высказывает, по его мнению, «избитые мысли», его пафос «смешон» (стр. 53). Н. Поярков — рецензент второго сборника товарищества «Знание» — выделяет лишь «Вишневый сад» Чехова и уже упоминавшуюся повесть Л. Андреева. Что же привлекает в этих авторах критика из «Весов»? «Оба они, — пишет Поярков о Чехове и Андрееве, — тяготеют к символизму, за грани эмпирического, по ту сторону земной жизни, иногда, быть может, вполне бессознательно» (1904, № 6, стр. 57). Зато «почти все остальное (...) и в первой, и во второй книжках, изданных «Знанием», скучно, серо, нежизненно, трафаретно» (стр. 56).

О третьем сборнике «Знания» пишет уже сам Брюсов под псевдонимом «Пентаур» (1905, № 2). Упоминая драму Горького «Дачники», Брюсов квалифицирует ее как «не

возвышающуюся над уровнем заурядной посредственности» (стр. 60). Нападки на Горького содержит и следующая рецензия Брюсова (1905, № 4), подписанная «И. Смирнов». Разбирая в ней четвертый и пятый сборники товарищества «Знание», Брюсов доходит до утверждения, что «Горький исписался» (стр. 48). «В последних произведениях Горького,— заявляет Брюсов,— нет ничего кроме резонерства» (стр. 50). Выше других писателей-знаньевцев Брюсов по-прежнему ставит Л. Андреева, хотя и замечает о Горьком, что «все же он — литературная величина». Общий вывод, который делает Брюсов о сборниках «Знания», заключается в том, что «они развращают и принижают литературный вкус читателей» (стр. 50). Аналогичны по духу и две следующие рецензии на сборники товарищества «Знание», помещенные в «Весах» (1905, № 5 и 1906, № 6). Их автором был опять-таки Брюсов (подпись — Пентаур). В последней рецензии Брюсов вновь выделяет Л. Андреева, опубликовавшего в лесятом сборнике товарищества «Знание» за 1906 г. драму «К звездам», но о сборнике в целом замечает, что его содержание «ничтожно» (стр. 63) ⁹⁰.

Можно отметить, что некоторые ведущие сотрудники «Весов» воздерживались в то время от полемических выпадов против Горького и его группы. Это прежде всего относится к А. Белому, чьи «левые» тенденции и симпатии заметно обособляли его от остальных скорпионовцев в период первой русской революции ⁹¹. Не принимал участия в этой полемике и В. Иванов, глубоко увлеченный своими философско-эстетическими построениями.

В первой половине 1905 г., когда в России стремительно нарастает революция, отчуждение «Весов» от читателей достигает апогея ⁹². Желая усовершенствовать журнал и надеясь спасти его от полного разобщения с читателями, скорпионовцы принимают решение реорганизовать его — открыть в «Весах» отдел художественной литературы.

Идея эта принадлежала, по-видимому, М. Н. Семенову. Уже в начале 1905 г. Волошин писал Брюсову из Парижа: «Как будет хорошо, если проект Михаила Николаевича о расширении «Весов» удастся <...> У меня есть несколько беллетристических планов (это между нами), и я их непременно приведу в исполнение, если расширенные «Весы» осуществятся» 93. В другом письме (видимо, апрель 1905 г.) Волошин спрашивает Брюсова: «Какова судьба идеи Михаила Николаевича о расширении «Весов»?» 94. Предложение, выдвинутое Семеновым, объяснялось еще и тем обстоятельством, чго, несмотря на принятый скорпионовцами статут, беллетристика все равно просачивалась в «Весы» уже в 1904—1905 гг. Некоторые материалы, опубликованные в эти годы, лишь с большой натяжкой могли соответствовать «научно-литературному и критико-библиографическому» профилю журнала. Целый ряд статей (главным образом на общие темы) был написан авторами, которые в несравненно большей степени являлись поэтами, нежели теоретиками; потому и философские опыты их были подчас похожи скорее на лирические эссе, нежели на теоретические рассуждения. Примерами таких «эмоциональных» статей могут служить «Поэзия стихий» Бальмонта (1905, № 1), «Маска» и «Сфинкс» Белого (1904, № 6 и 1905, № 9—10). Подобными же «отклонениями» от первоначально заданного направления «Весов» можно считать и предисловие П шибышевского к русскому изданию его романа «Сыны земли» (1904, № 5), и своеобразный этюд Сологуба «Елисавета» (1905, № 11). И, наконец, прямым нарушением принципов, установленных для «Весов» при создании журнала, была публикация «Семи песен Метерлинка», переведенных Брюсовым (1905, № 7).

21 июня 1905 г. Поляков вновь обращается в Главное управление по делам печати с ходатайством «о разрешении расширить программу издаваемого мною журнала введением в него отдела беллетристики (стихи, рассказы, повести, романы и драматические произведения, как оригинальные, так и переводные)» 95. Московский генерал-губернатор в ответе на запрос Главного управления по делам печати счел нужным подчеркнуть, что «побудительной причиной к такому расширению програм и журнала служит желание увеличить круг читателей, ограниченное число которых не дает ныне издателю возможности успешно вести дело» 96. Главное управление и на этот раз удовлетворило просьбу Полякова; разрешение было получено 7 октября 1905 г.

Тем временем Брюсов — весьма неожиданно для своих товарищей — предпринимает решительную попытку отказаться от руководства «Весами».

«Весы» покидаю на заботы Брони⁹⁷ и Сергея Александровича»,— пишет он 3 июля 1905 г. Н. Я. Брюзовой 98. Еще более определенно Брюсов высказывается в письме к А. М. Ремизову (август 1905 г.): «Без малейшей лжи я более не учествую в редакции «Весов» и «Скорциона» 99. О том же Брюсов информирует и Г. И. Чулкова (письма от 29 июля и 20 августа 1905 г.), причем в обоих письмах речь идет лишь об отказе от редакторских обязанностей: «Но я решительно покинул свое редакторство, оставаясь только «близким» (а уже не «ближайшим») сотрудником» (Чулков, стр. 327). В этом же письме, двумя строками ниже, Брюссв предлагает себя для «систематической работы» в «Вопросах жизни» — петербургском журнале, сменившем с января 1905 г. «Новый путь»,— органе философов-идеалистов, близких к символизму (Чулков был в то время секретарем «Вопросов жизни»). 24 сентября 1905 г. Брюсов извещает Перцова: «Я отказался от вершения дел в «Весах». Давно уж, с весны, с отъезда в Финляндию...» 100. Желание Брюсова отойти от «Весов» прослеживается вилоть до самого конца 1905 г. «Весы» будут выходить в 906 (...) Я отдаю туда свой роман. Но в редакционных делах участвовать не буду», — пишет он Чулкову в поябре 1905 г. (Чулков, стр. 340).

Чем же объясняется столь резкое охлаждение Брюсова к журналу, издание которого он еще совсем недавно с таким энтузиазмом подготовлял, осуществлял, направлял? Несомненно, в этом сказалась потребность отдавать больше времени поэтической работе и острота чисто личных обстоятельств и переживаний. Однако не менее важная причина — нараставшее изменение общественных настроений и эстетической ориентации Брюсова, связанное с событиями 1905 г. Как известно, первая русская революция оказала на поэта сильнейшее воздействие. Интерес к революции и сочувствие к ней с полной определенностью проявляются у Брюсова уже в начале 1905 г. «Я вижу новые эры истории»,— пишет он Перцову на четвертый день после 9 января ¹⁰¹. Эти настроения, овладевающие поэтом, отражаются во многих его стихотворениях («Грядущие гунны», «К счастливым», «Паломники свободы», «К народу» и др.) 102. 1905 год — период его искреннего увлечения революцией и стремления вступить в большой мир русской действительности, что, естественно, сопровождалось все возрастающим сомнением в основах и путях «декадентского» искусства. Еще в конце 1904 г. в рецензии на «Книгу сказок» Ф. Сологуба Брюсов писал: «Мы, «декаденты», деятели «нового искусства», все как-то оторваны от повседневной действительности, от того, что любят называть реальной правдой жизни» (1904, № 11, стр. 50). Эту же мысль Брюсов еще более резко повторяет в рецензии на книгу Н. Вашкевича «Дионисово действо»: «Отчужденность искусства от народа, его замкнутость в круге меньшинства всегда была и остается проклятием нашего века, тяготеющим над современными поэтами» (1905, № 9, стр. 93).

Ощущение кризиса современной культуры и сдвиг во взглядах Брюсова на символизм отражены отчетливее всего в известном письме поэта к Перцову от 24 сентября 1905 г. «Для меня этот прошедший год (1905) был годом исключительным очень, — признается Брюсов. — «...» Мне все сдается, что рубеж был, что новая эпоха истории настала, и мне обидно, нестерпимо, что никто, совсем-таки никто не хочет этого видеть «...» Юные под-бальмонтики, под-брюсники и под-весники (Ходасевичи etc.) разливаются в уверениях, что время реализма прошло, что мир — тайна, что только великие писателя бывают непонятны, что грех сладостен и что университет создан для науки, а не для революции. — Почти глазами видишь, как все кругом костенеет, мертвеет, превращается в «мертвый символ», люди, идеи и журналы (в их числе «Весы»). А куда уйти?» 103. Ясного ответа на этот вопрос у Брюсова не было.

Однако, поборов свои внутренние сомнения, в сентябре-октябре 1905 г. он возвращается к редакционной работе в «Весах». «С осени началось как бы выздоровление. Я вновь обрел себя» 104. Немаловажную роль в этом «возвращении» Брюсова сыграли, видимо, его соратники по символизму, которые «уговаривали» поэта не покидать «Весы». Некоторые из них, близкие к «Весам» и озабоченные их судьбой, считали, что самоустранение Брюсова равносильно прекращению самого журнала. В. Иванов, например, расценивал уход Брюсова как «дезертирство» и «побег». Свои мысли по поводу предпо-

К концу 1905 г. в «Весах» сложилась острая ситуация, потребовавшая от редакции неотложных организационных мер. Дело в том, что к этому времени в России были уже, помимо «Скорпиона» и «Весов», и другие органы символизма или непосредственно с ним связанные: журнал «Вопросы жизни», московское книгоиздательство «Гриф», выпускавшее книги и альманахи. Кроме того, в Москве готовился к изданию журнал, посвященный «новому искусству», — «Золотое руно». Но авторов, действительно причастных к символизму, было сравнительно немного. Сотрудничать в символистских изданиях могли лишь все те же 10-15 литераторов, которые участвовали и в «Весах». Скорпионовцам, особенно накануне реорганизации журнала, возникновение нового символистского органа грозило, с одной стороны, утратой ценного для них материала, а с другой, -- потерей лица, стиранием индивидуальных различий между «Весами» и остальными более или менее аналогичными изданиями. Редакция считала также (и не без оснований), что «Гриф» своими альманахами дискредитирует символизм, публикуя произведения слабые и эпигонские. Поэтому «Весы» — журнал, негласно считавщий себя академией символизма и яростно боровшийся за «чистоту» его теории и практики, -- пытались закрепить за собой своих наиболее ценных сотрудников.

Особенно непримиримую позицию в этом вопросе занимал Брюсов. Уже в конце 1903 г. он требовал от А. Белого и А. Блока, чтобы они не участвовали в альманахах «Грифа». Писатель М. И. Пантюхов вспоминает в своем дневнике: «В ноябре 1903 г. Белый на улице окликнул меня и между прочим сказал: вы слышали, Брюсов рассылает какие-то циркуляры о том, что, кто участвует в «Грифе», не может участвовать в «Северных цветах».— Он сказал это немного возмущенным тоном и добавил: после этого я решил не печатать ничего в «Скорпионе». Он, по-видимому, хотел склонить к этому и меня, но так как я, кажется, первый подал эту мысль Брюсову, то ответил, что участвовать в «Грифе» вообще не стоит ... Далее Пантюхов сообщает о неприятной сцене, разыгравшейся на его глазах между Белым и Брюсовым в помещении «Скорпиона». «Белый подошел к Брюсову и сказал: — Валерий Яковлевич, верните мне, пожалуйста, мой рассказ, который я отдал в «Скорпион». Я его обещал Соколову.— Брюсов заволновался (...) Он говорил, что Белый портит дело, что «Гриф» бесполезен и проч. Но Белый был непоколебим: — Я дал слово Соколову» ¹⁰⁶. Сохранилось также неотосланное письмо Брюсова и самому С. А. Соколову, датированное 6 ноября 1903 г. Брюсов пишет в нем, что «Гриф» «утратил всякую индивидуальность, стал повторением, копией, т. е. тем, что мне более всего нелюбезно в мире» 107.

Несомненно, Брюсов явился и инициатором и автором документа, который он назвал в дневнике «Конституцией Весов» (она была составлена в первой половине декабря 1905 г.). «Конституция» требовала от основных сотрудников журнала, чтобы они печатали свои сочинения прежде всего в «Весах». Сохранился проект «Конституции», написанный рукой Брюсова, кроме добавления «часть материальная», сделанного рукоп Семенова и подписанного им. Текст ее приводится здесь полностью.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ВЕСОВ»

- § 1. Редакция состоит из С. А. Полякова, М. Н. Семенова, В. И. Иванова, В. Я. Брюсова и, в случае их согласия, также из К. Д. Бальмонта и Б. Н. Бугаева.
- § 2. Члены редакции обязуются печатать все, ими написанное, подходящее к программе «Весов», исключительно в «Весах», а «Весы» обязаны давать место всем таким их произведениям.

Примечание 1. Нарушением этого § не должно считаться напечатание членами редакции в других изданиях статей, к программе «Весов» не подходящих, а также и от-

дельные случаи помещения в других изданиях произведений, которые могли бы быть напечатаны в «Весах», если только это помещение не имеет характера постоянного сотрудничества.

Примечание 2. К. Д. Бальмонт может быть принят в члены редакции, не давая обязательства, требуемого § 2.

- § 3. Произведения членов редакции никакому предварительному редактированию не подлежат и могут быть лишь опротестованы перед редакционным собранием С. А. Поляковым.
- § 4. Остальной поступающий в редакцию материал члены редакции распределяют между собой по отделам, причем каждый член редакции пользуется по отношению к произведениям своего отдела правом абсолютного veto.
- § 5. Предполагаемый состав книги журнала, согласно с предложениями редакторов отделов, обсуждается на редакционном собрании, причем спорные вопросы решаются большинством голосов присутствующих.
- § 6. С. А. Полякову доставляются в сверстанном виде все листы №, причем ему предоставляется право опротестовывать те или другие места текста, но в случае, когда это будет касаться вопросов литературных, спор должен быть передан на редакционное собрание.

Схолия. Желательно, чтобы «Весы» были выразителем идей кружка, так что при обсуждении статей посторонних сотрудников могут быть принимаемы во внимание не только литературные достоинства статьи, но и руководящая ее идея.

Сия программа должна быть принята целиком (en bloc) или целиком отвергнута.

⟨Подписано рукой В. Я. Брюсова⟩: М. Семенов, В. Иванов, В. Брюсов.

⟨Подписано рукой подписавших⟩: К. Бальмонт, С. Поляков, Б. Бугаев.

Часть материальная.

Все счета с типографиями и бумажными фабрикантами ведутся непосредственно С. А. Поляковым.

На редакционные расходы С. А. Поляковым должно быть ассигновано ежемесячно по 300~pyблей (на уплату гонораров редакции и сотрудникам), а кроме того ежегодно по 1000~p. на рекламу 108 .

Основным в «Конституции» был, несомненно, параграф второй. Это подтверждается записью в «Дневниках» Брюсова, где поставлен знак равенства между всей «Конституцией» и ее вторым параграфом. «... Перед рождеством «Весы» гибли. Мы с Мих. Ник. (Семеновым) поехали к С. А. Полякову «...» и устроили «Конституцию «Весов». По ней все ближайшие сотрудники должны были давать все свои вещи сначала в «Весы» на выбор» (Дневники, стр. 135). Что касается оговорки о Бальмонте, то она лишь формулировала издавна сложившееся положение: Бальмонт сотрудничал во многих изданиях, относящихся не только к символистской прессе, и его нельзя было ограничивать наравне с другими сотрудниками «Весов».

«Конституция» наглядно отражает сдвиги, происшедшие за два года в лагере русских символистов, но, кроме того,— и внутриредакционные изменения. Так, в тексте «Конституции» отсутствует имя Балтрушайтиса, который, живя в Риме, в 1905 г. совсем отошел от «Весов». Зато сотрудником редакции назван В. Иванов, возвратившийся в апреле 1905 г. в Россию. Оговорка о Бальмонте и Белом («в случае их согласия») свидетельствует о том, что участие обоих в редакции «Весов» рассматривалось Поляковым и Брюсовым как возможное и желательное, но отнюдь не как обязательное.

Под текстом «Конституции» стояли подписи шести человек; однако полного единогласия между ними не было. А. Белый подписал «Конституцию», не вникая в существо дела. «Мне дали бумажку, я ее и подмахнул, вероятно, не читая»,— так прокомментировал он в беседе с Д. Е. Максимовым свою подпись, стоящую под документом. Эго признание Белого совпадает с записью в «Диевниках» Брюсова (стр. 135). Резко отрицательно отнесся к идее «Конституции» В. Иванов (с самим текстом ее он ознакомлен не был), который увидел в этом документе ущемление своих авторских прав (см. письмо от 17 декабря 1905 г. в наст. томе, стр. 488).

Тем не менее текст приведенной «Конституции» был, по свидетельству А. Белого (беседа с Д. Е. Максимовым), положен в основу редакционного уклада «Весов».

Принятие «Конституции» совпало по времени с выходом первого «расширенного» номера журнала. Последний (декабрьский) выпуск «Весов» за 1905 г. (он же — первый номер за 1906 г.) открывался уже не теоретической статьей, а стихами К. Бальмонта. В последующих номерах появляются стихи В. Иванова, Мережковского, З. Гиппиус, рассказ Ф. Сологуба, а также переведенные произведения иностранных авторов — Ж. Мореаса, С. Пшибышевского, О. Уайльда. Журнал вступал в новую фазу своего существования.

И все же периодизация «Весов» определяется не изменением их структуры, а их литературной позицией. Приняв это положение, можно утверждать, что первый период издания журнала обрывается не на грани 1905—1906 гг., а несколько позже — на сдвоенном 3—4 номере за 1906 г. Дело в том, что по своему содержанию первые номера «Весов» за 1906 г. еще продолжают тактику объединения русского символизма, установленную в раннем «Скорпионе» и «Северных цветах». Размежевание «Весов» с другими символистскими изданиями происходит во второй период, открывающийся пятым номером за 1906 г., и теряет свою остроту к концу 1908 г. Деятельность «Весов» в эги годы отражает общий процесс дифференциации русского символизма.

3

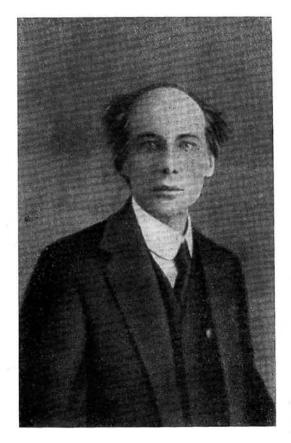
Еще в 1904 г. в «Весах» появился молодой человек по фамилии Ликиардопуло. Владея новогреческим языком, он предложил «Весам» свои услуги в качестве рецензента и обозревателя литературы современной Греции. Брюсов, стремившийся к тому, чтобы в «Весах» отражалась культурная жизнь самых разных стран, принял это предложение Ликиардопуло и время от времени публиковал его заметки. Впоследствии Михаил Федорович Ликиардопуло (1883—1925) стал секретарем «Весов» и, начиная приблизительно с 1907 г., приобретал в редакции «Весов» все более ощутимое влияние.

Облик Ликиардопуло выразительно обрисован в воспоминаниях Садовского. «...Смуглый, высокий юноша <...> темноглазый, красивый, с южным профилем. В синей куртке и студенческих «диагоналевых» брюках, он мягко и вкрадчиво становился у книжного стола. Передаст Брюсову какие-то листочки, поговорит с ним вполголоса и опять к столу. Юноша был скромен до гого, что даже сесть не решался. Никто в «Весах» не слыхал его голоса <...> кто он и откуда неизвестно. Сам Ликиардопуло рассказывал, что предок его Рикардо, родом итальянец, переселился в Грецию из Генуи и стал называться Рикардопуло, а дети его Ликиардопуло. В нашем «греке» выголно соединились положительные черты обеих культур. Меркантильную практичность эллина сдерживал артистический темперамент потомка Тасса» 109.

Как и многие весовцы, Ликиардопуло был переводчиком. Он особенно увлекался Уайльдом, переводил его сочинения на русский язык и регулярно рецензировал в «Весах» новые издания английского писателя, а также исследования о нем. (Псевдонимы Ликиардопуло в «Весах»: Л-о, М., Ричардс, Эллин.) Позже — когда «Весы» уже прекратились — Ликиардопуло не раз бывал в Англии, встречался там с Г. Уэллсом и сыновьями Уайльда и писал корреспонденции для русских периодических изданий. После Октябрьской революции Ликиардопуло окончательно переселился за границу.

Приобщение к работе в «Весах» Ликпардопуло — никому тогда не известного автора — не было в жизни журнала исключительным случаем. Ерюсов охотно предоставлял страницы «Весов» молодым писателям, готовым защищать и пропагандировать «новое искусство». В каталоге издательства «Скорпион» подчеркивалось, что круг сотрудников журнала «постепенно пополняется молодыми силами»¹¹⁰. После расширения «Весов» редакция стала еще внимательней приглядываться к петербургской молодежи, желая привлечь к участию в журнале наиболее даровитых литераторов. В январе 1906 г., находясь в Петербурге, Ерюсов вступает в переговоры с некоторыми из них. Об этом рассказывается в его «отчетном» письме к Полякову, написанном 19 января 1906 г. «Поиски «молодых» и «новых» идут очень успешно. Во-первых, нашел очень юного и очень интересного поэта Городецкого; во-вторых, нашел весь состав «Зеленого

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ Фотография, 1916 Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

сборника» 111 , из которого Bерховский и Kузмин могут быть полезны как работники в разных отношениях; в-третьих, видел очень много еще более молодых, которых просил прислать на просмотр стихи, статьи, рассказы — может, что и выберется: это B. Π ясm, H. Xомяков и др.» 112 .

Достойно внимания, что из начинающих литераторов — участников «Зеленого сборника», большая часть которых впоследствии ничем себя не проявила, Брюсов с присущим ему литературным чутьем выделяет Кузмина и Верховского. Оба писателя стали в дальнейшем сотрудниками «Весов». Но если участие Верховского в «Весах» было эпизодическим (его псевдоним — Ю. В.), то Кузмин со временем очень приблизился к кругу «Скорпиона». Он регулярно выступал в журнале со своими стихами и рассказами, а в № 11 за 1906 г. была опубликована его большая повесть «Крылья». В одном из писем к Брюсову Кузмин признавался, что считает «Весы» своей «родиной» ¹¹³. Дважды печатался в «Весах» и С. Городецкий (в 1906 и 1907 гг.). Тогда же, в начале 1906 г., Брюсов предлагает участие в «Весах» Н. С. Гумилеву, который вскоре становится постоянным сотрудником журнала, публикуя в нем стихи, рассказы и отчеты о художественной жизни Парижа (его псевдоним в «Весах» — Г. Н.).

Для многих молодых писателей «Весы» оказались школой, своего рода воротами в большую литературу. Решающую роль в этом играла личность самого Брюсова, авторитет которого безоговорочно признавала литературная молодежь. «Я люблю называть вас своим учителем, и действительно всему, что у меня есть лучшего, я научился у вас»,— писал Брюсову Гумилев (письмо от 7 января 1908 г.). «То же,— дебавляет Гумилев,— я думаю, можно сказать и о других молодых поэтах, сгруппирсвавшихся вокруг вас» ¹¹⁴. И в самом деле: многие молодые сотрудпики «Весов» считали себя верными и преданными учениками Брюсова, видели в нем своего наставника, «мэтра». К. Чуковский, например, писал Брюсову в 1904 г.: «Я — прямой ваш питомец

и вскормленник» ¹¹⁵. «Питомцами» Брюсова были также и молодой Шик, и Садовской, которого С. А. Соколов называл «пажем Брюсова» и его подголоском» ¹¹⁶, и многие другие.

В цитированном выше «отчетном» письме к Полякову Брюсов, кратко характеризуя ряд явлений столичной культурной жизни, между прочим замечает: «Факелы» — пуфф, их нет и не будет» ¹¹⁷. Брюсов имеет в виду сборник петербургских символистов, который готовился в то время к печати. Слова Брюсова следует воспринимать, разумеется, в переносном смысле: глава московских символистов скептически относился к очередной попытке «самоутверждения», предпринятой петербурждами. Первоначально, правда, он даже принял участие в этом издании (стихотворения «Близким» и «Нам руки свободные свяжут»), однако в идейном отношении «Факелы» — орган так называемого «мистического анархизма» — были чужды и даже враждебны и Брюсову и его товарищам по «Весам».

Первая русская революция и то идеологическое брожение, которое она вызвала, глубоко повлияли на судьбы и самую суть русского символизма. Доминирующая линия в «Весах» с господствующим в них принципом «автономного искусства» уже не удовлетворяла многих прежних его сторонников. В литературных кругах, связанных с символизмом, стали все чаще раздаваться голоса о необходимости обратиться к актуальным общественным проблемам. Уже в 1905 г. в журнале «Вопросы жизни» поэзия символистов сосуществует с социально-политическими статьями ведущих идеологов журнала. Именно в недрах «Вопросов жизни» зарождается так называемый мистический анархизм.

Течение это было крайне расплывчатым по своему содержанию и более чем ограниченным по составу сочувствующих ему литераторов. Как выяснилось в дальнейшем, к последовательным его защитникам принадлежал, в сущности, один лишь его «создатель» — Г. И. Чулков. Однако идейные тенденции, скорее настроения, в какой-то мере отвечавшие содержанию термина «мистический анархизм», распространились в кругах, близких к символизму, и вне прямой связи с именем Чулкова. Высказывания Чулкова дали лишь условное и приблизительное обозначение того, что и без Чулкова «носилось в воздухе». Чулков не был теоретиком, а скорее создателем лозунгов и их популяризатором. Решающую роль в зарождении «мистического анархизма» сыграл В. Иванов, на которого пытался опереться Чулков. Последовательно развивая идеи, изложенные в своих более ранних статьях, Иванов выступил с прямым осуждением того, в чем он видел индивидуалистическое начало символизма. Эстетике, основанной на принципах крайнего индивидуализма и субъективизма («идеалистический символизм». «иллюзионизм»), В. Иванов противопоставлял утопическую концепцию религиозного «соборного» искусства («реалистический символизм», «реареализм»), которое, согласно убеждениям Иванова, может превратиться во всенародное творчество. А. Белый в одной из своих рецензий в «Весах» остроумно заметил, что «если В. Иванов составляет проекты путешествия к Солнцу, г. Чулков их приводит в исполнение» (1907, № 7, стр. 74). Понятием-этикеткой «мистического анархизма» покрывались (в восприятии его противников) и «соборность» В. Иванова, и блоковские искания путей к народности, и, конечно, все то, что писал сам Г. Чулков. Сторонником идей В. Иванова выступал в то время и С. Городенкий. Близки к ним были также А. Мейер со своей ориентированной на Бакунина идеей о революции как цели, К. Эрберг со своим «инормализмом» и М. Гофман, изобретатель теории, названной им «соборным индивидуализмом». Центром этих новых веяний был Петербург, где жили все эти литераторы и где главным образом они печатались. В Петербурге происходили знаменитые собрания «на башне» у В. Иванова, игравшие в формировании этого движения важную роль. Там же в 1906— 1908 гг. выходили организованные Чулковым альманахи «Факелы», которые, по мысли их организатора, должны были служить идейным центром «мистического анархизма» и сплотить причастных к нему авторов 118.

Выступление «мистических анархистов» вызвало у сотрудников «Весов» дружный протест. Они увидели в этом выступлении попытку пересмотреть индивидуалистический канон символизма, нарушить его эстетические принципы, внести в него тенденциозный, публицистический элемент и смешать его с посторонними ему течениями

(в «Факелах», помимо символистов, приняли участие такие писатели, как Бунии, Л. Андреев и Сергеев-Ценский).

Брюсов ранее других москвичей почувствовал, что «Факелы» — орган, враждебный символизму (в попимании его группы) ¹¹⁹. Сразу же после появления первого выпуска этого альманаха он пишет А. Блоку, опубликовавшему в «Факелах» лирическую драму «Балаганчик»: «Перечел вэш «Балаганчик». Прекрасно, хорошо совсем. Выделяю лишь его да стихи Вяч. Ивапова, пожалуй, еще отчасти рассказ Л. Андреева. Все остальное в «Факелах» (в том числе стихи моп и Бориса Николаевича) — дрянь, вещи, которые к сскусству причислить нельзя никак. И никакого «мистического анархизма» не оказалось, а—просто тенденциозная беллетристика, во вкусе «Русского богатства». И эту старую пережеванную муку нам выдают за истипный хлеб, которым должно будто бы заменить очерствелый символизм. И эти «факельщики», подлинные реакционеры в искусстве, воображают себя прогрессистами и новаторами. Стыдно. Пишу все это в более приличных выражениях в «Весах» ¹²⁰. Действительно, суждения Брюсова из его письма к Блоку были почти полностью повторены им в рецензии на «Факелы», опубликованной в майском номере «Весов». Эта рецензия послужила началом длительной и ожесточенной полемики между «Весами» и «мистическими анархистами» ¹²¹.

Полемический выпад Брюсова против «Факелов» сразу же вызвал ответную реакцию В. Иванова. Возражая Брюсову, Иванов писал — пока еще в «Весах» — о том, что символизм «по самой природе своей и в силу внутренней своей логики устремлен к соборности» и подчеркивал, что это положение он отстаивал «с первой до последней статьи своей в «Весах» (1906, № 6, стр. 55). Столкновение приобрело настолько резкий характер, что сотрудничество В. Иванова, столь активное в 1904—1905 гг., почти прекратилось на два года 122. В. Иванов был, бесспорно, наиболее серьезной и, пожалуй, наиболее «виновной» фигурой среди противников «Весов» в 1906—1908 гг. Однако высокий авторитет В. Иванова, его дипломатически осторожное и мягкое поведение предохраняли его во многих случаях от беспощадных выпадов, которые «Весы» делали в те годы против «петербуржцев». Даже в самых ожесточенных своих выпадах «Весы» сохраняли по отношению к В. Иванову уважение, видя в нем, по выражению А. Белого, «почтенного, но как-то растерявшегося» мэтра (1907, № 6, стр. 66). Зато настоящим жупелом, каким-то именем нарицательным, олицетворившим чуть ли не все литературные пороки современности, представлялся «Весам» Чулков.

В отличие от В. Иванова Чулков, также сотрудничавший в «Весах» в 1904-1905 гг., решительно порывает с ними в начале 1907 г. Разрыву предшествовала отрицательная рецензия Чулкова на книгу Брюсова «Земная ось», опубликованная в «Перевале» — ежемесячнике книгоиздательства «Гриф», близком к «мистическому анархизму» ¹²³. «Очень прощу вас вычеркнуть мою фамилию из списка сотрудников «Весов», пишет Чулков Брюсову 7 апреля 1907 г. 124 После этого «Весы» еще шире развивают наступление на Чулкова. Разумеется, в этой полемике ни о какой объективности со стороны «Весов», а также их противников не могло быть и речи. Роль Чулкова в кругах петербургских символистов, его резкие отзывы о Брюсове, его слишком легкомысленное, по убеждению москвичей, отношение к идейным заветам символизма — все это было раздуто весовцами до гигантских размеров. Дело еще более осложнилось чисто личным, не относящимся к литературе конфликтом между Белым, с одной стороны, и Блоком и Чулковым, — с другой. «... Вот эти-то личные переживания, — «каялся» впоследствии Белый, - неправильно перенесенные на арену борьбы, путали, превращая даже справедливые нападки на враждебные нам течения в недопустимые резкости, обезоруживали меня <...> таковы безобразные мои выходки против Г. И. Чулкова» (Начало века, стр. 387). В непрекращающихся нападках на Чулкова заключалась, как шутили в то время в модернистских кругах, одна из главных литературных миссий «Весов».

Летом 1908 г. из числа сотрудников «Весов» был исключен С. Городецкий за одну из его статей, направленную против «Весов» 125. Более сложным было положение А. Блока: подвергаясь критике «Весов», и порой очень резкой и несправедливой. он все же время от времени выступал на страницах журнала со своими литературными произведениями. В 1907 г. в «Весах» была напечатана его драма «Незнакомка»; кроме

того, в течение 1906—1909 гг. Блок несколько раз публиковал в органе «Скорпиона» отдельные стихотворения и стихотворные циклы, в том числе такие существенные, как «Осенняя любовь», «Снежная дева», «Заклятие огнем и мраком и пляской метелей» (в общей сложности — 24 стихотворения). Как и В. Иванов, Блок дорожил «Весами» и старался избежать разрыва с ними. Требуя от Блока большей определенности по отношению к «Весам», С. Городецкий писал ему осенью 1908 г.: «И у тебя, и у него «т. е. В. Иванова» есть все-таки какая-то связь с «Весами», мне уже непонятная» 126. Москвичи разрывают отношения не только с отдельными петербургскими литераторами, но и с изданиями «петербургской группы». 30 апреля 1907 г. в письме к Г. Чулкову Брюсов отказывается от участия во второй книжке «Факелов» (Чулков, стр. 348). Его поддерживают другие москвичи. В августе 1907 г. прекращается участие весовцев в «Золотом руне» (ближайшая причина — конфликт с Н. П. Рябушинским, издателем журнала). После этого в «Руне», редакция которого ранее ориентировалась на курс, близкий «Весам», устанавливается влияние «петербургской группы».

Начавшись в 1906 г., полемика затянулась на несколько лет. В этот период, т. е. в 1907—1908 гг., в период политической реакции, «новое искусство» получило широкое признание, но его торжество совпало с наметившимся в нем распадом. Вспоминая свою литературную деятельность тех лет. А. Белый характеризует ее как «тушение пожара, охватившего символизм, которого кризис — не эпоха 1912—1914 годов, а 1907—1908-го» 127.

Целый ряд журналов и газет «общей прессы» начинают охотно предоставлять символистам свои страницы; символисты и реалисты печатаются теперь рядом. Создается издательство «Шиповник», выпускающее альманахи с дваддатитысячными и более тиражами, где это смешение литературных направлений и стилей окончательно канонизируется. И сама литература вырабатывает некие «гибридные» формы, в которых символистские и реалистические начала совмещаются. «Литература эта,— пишет о символизме известный критик демократического лагеря М. Неведомский,— не только количественно размножается в усиленной степени, но и качественно расползается за недавние узкие свои границы, и влияние ее то и дело ощущается на литературе иной формации, с иными задачами, с иными источниками творчества — на литературе — скажу без обиняков — доселе здоровой» 128.

В этих условиях расслоение символизма протекает с удвоенной быстротой. И уже в 1907 г. внутри символистского лагеря складывается следующая ситуация. «Весы» и издательство «Скорпион» выступают в качестве охранителей «ортодоксального» символизма (т. е. символизма с уклоном «в индивидуализм» и преобладающей ориентацией на западноевропейскую культуру). Противостоящий им лагерь систематически нападает на эту группу из журналов «Золотое руно» и «Перевал», опираясь также на свое небольшое руководимое В. Ивановым издательство «Оры» и ряд спорадически возникающих сборников и альманахов. Огромный «Шиповник», хотя и печатает скорпионовцев, но воспринимается ими как враждебное, «распыляющее» символизм издательство. Полемика перебрасывается и в газеты. «Литературно-художественная неделя», которой заправляет модернистская молодежь (В. Стражев, Б. Грифпов и др.), объявляет «Весы» устаревшим и пережившим себя журналом. Следы междуусобной войны между символистскими группировками сохранились на страницах таких газет, как «Товариц», «Столичная почта», «Столичное утро», «Час», печатавших символистов независимо от их ориентации. В письме к своему отцу Брюсов летом 1907 г. так характеризует сложившуюся обстановку: «Среди «декадентов», как ты видишь отчасти и по «Весам», идут всевозможные распри. <...> «скорпионы», «золоторунцы», «перевальщики» и «оры» — в ссоре друг с другом и в своих органах язвительно поносят один другого. Слишком много нас расплодилось и приходится поедать друг друга, иначе не проживещь» 129.

Атмосфера в «Весах» в период 1906—1908 гг. была весьма напряженной. Небольшая группа писателей, объединившихся вокруг «Весов», чувствовала себя противопоставленной не только литературе, чуждой символизму, как в 1904—1905 гг., но и многим из своих недавних товарищей по оружию. Однако чем сильнее становился разрыв между этой группой и «Петербургом», тем воинственнее делалась она, тем рельефнее выступали ее групповые установки. Полемика с «внешпими» врагами символизма (позити-

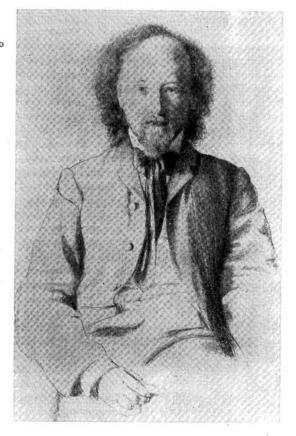
ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Рисунок К. А. Сомова, 1906

Фотокопия с дарственной надписью Сомову на обороте:
«Твоя от твоих.

Несравненному художнику на добрую память о модели.
Глубоко признательный и любящий его почитатель.
Вяч. Иванов»

Литературный музей, Москва

висты, реалисты, натуралисты и др.) постепенно отступала на второй план. Из органа, в какой-то мере объединяющего весь русский символизм, «Весы» превращались в своего рода «фракцию» символизма. Новое направление журнала и его тактика обсуждались и были окончательно утверждены на одном из заседаний редакции летом 1907 г.

Фактическим редактором «Весов» и в этот период оставался Брюсов. В его руках находилось общее руководство журналом, распределение в нем ролей отдельных сотрудников, дирижирование полемикой. «Из Петербурга бурдили идеями в нас, — вспоминает А. Белый, - мы боролись с наветрием; и старались единоумые создать при «Весах»; Брюсов же, единовластец весовский (...) бичевал петербургский идейный изъян и издой...» 130. «Единовластью» Брюсова подчинялись в этот период все его ближайшие соратники; противники же упрекали его в «диктаторстве». «...ты имеешь в «Весах» твой «большой дом», где ты поместил и свой департамент поэтических дел. У тебя свои чиновники, которые иногда похожи на лакеев...», — пишет Брюсову В. Иванов 4 августа 1907 г. (см. наст. том, стр. 502). Слова В. Иванова, если очистить их от полемического задора, во многом справедливы. В те годы Брюсов, действительно, имел в «Весах» неограниченную власть. И не удивительно: среди весовцев Брюсов был наиболее цельным человеком, властным, сильным и твердым. Деятельный, решительный, авторитетный и разносторонне образованный, Брюсов обладал именно теми качествами, которых требовала тактика «фракционной» борьбы. В то же время Брюсов был руководителем достаточно дипломатичным, правителем «мудрым, тонким и либеральным» (как отмечает В. Иванов в том же письме от 4 августа 1907 г.). Дипломатичную тактичность Брюсова признает и А. Белый. «Брюсов диктаторствовал, — рассказывал А. Белый, — но вместе с тем был деликатным редактором и часто совещался с сотрудниками «Весов» (устный

Однако, возглавляя поход за «чистоту» символизма, Брюсов сам по себе не проявлял особой воинственности и участвовал в конкретных боевых действиях далеко не на всех участках фронта. Вместе с тем его выступления в «Весах» — более или менее систематические в этот период — носили скорее критический, нежели теоретический характер и, лишенные оригинального и ярко выраженного философского кредо, не могли заменить пеобходимой журналу идейно-эстетической платформы. Вместе с тем и как критик Брюсов не вполне отвечал тем требованиям, которые предъявляла к нему сложившаяся ситуация. Он был нередко академичен и сдержан по тону и не любил тратить слишком много сил на злободневную борьбу. Поэтому его участие в «весовской полемике» не достигало той степени накала, которым отличались полемические выступления других сотрудников. Возглавляя отделы истории литературы и поэзии, публикуя в журнале свои стихи, переводы и роман «Огненный ангел», Брюсов предоставил область теории символизма, а также полемическую часть своим сподвижникам.

Главным из них был А. Белый. Его приближение к журналу — одно из важнейших отличий «Весов» второго периода. Именно участие Белого придавало в то время «Весам» «обличительный» характер и вносило в содержание журнала философско-теоретический элемент. Если оставить в стороне организационную сторону дела, то можно без особой натяжки сказать, что примерно с марта 1907 г. (т. е. с момента возвращения Белого из-за границы в Россию) «Весы» по своему содержанию были столько же журналом Брюсова, как и Белого. Таким образом, Белый как бы занял в журнале место отошелшего от «Весов» В. Иванова. Восприняв «мистический анархизм» как недопустимую вульгаризацию символизма или, говоря его собственными словами, как «кражу интимных лозунгов» 131, А. Белый часто и охотно выступал в эти годы в «Весах» с полемическими статьями. «Я, никогда не думавший стать газетчиком и более всего мечтавший написать философский трактат о символизме, видя в доме символизма пожар, - лечу на пожар с пожарной кишкой: окатывать мистико-анархический пыл струей холодной воды; так я втянут в газету; все статьи мои того времени в «Весах» носят газетный характер <...> Моя ярая полемика против Иванова, Блока, Чулкова, Городецкого и других «анархистов» — борьба с «обманом». В ответ на соборность, вынесенную в газету, я провозгласил свое отходное: «назад в индивидуализм» (...) На газетное искажение задач символизма я отвечаю газетным наскоком» ¹³². Этой борьбе Белый предавался увлеченно и истово. «Я для «Весов» и нашей тэктики жертвовал всем, местом в «Руне», где я имел возможность печатать объемистые статьи (в «Весах» я в этом отношении с обрезанными крыльями); я жертвовал личными отношениями» 133.

Малый объем «Весов», действительно, не позволял Белому печатать в них больших теоретических работ. Но и в лаконичных эссе, в кратких рецензиях и беглых фельетонах Белый умел так концентрировать свою мысль, так насыщать ее философским содержанием, что и эти «малые жанры» в какой-то мере восполняли отсутствующие в «Весах» фундаментальные исследования. Кроме того, Белый умел писать едко, обидно и наже здобно, что вподне соответствовадо настроениям редакции. Печатая серию критических статей под общим названием «На перевале», Белый задавал в них тот хлесткий и задиристый тон, который держался в «Весах» в течение всего периода полемики. Таковы, например, его статьи «Штемпелеванная калоша», «Детская свистулька», «Вольноотпущенники» и др. Среди теоретических работ Белого, появившихся за эти годы в «Весах», выделяются его реферат «Символизм и современное русское искусство» и лекция «Символизм». Активное участие Белого в «Весах» сблизило его в эти годы с Брюсовым, которого он всячески превозносил, хотя, с другой стороны, страдал от его диктатуры и не раз бунтовал против' «единовластца весовского» 134. «... Нет иного бога кроме символизма, и Брюсов — пророк ero...» — такова была литературная позиция Белого и ero товарищей по журналу в то время (Между двух революций, стр. 341).

Но как бы полезно для «Весов» ни было совместное сотрудничество Брюсова и Белого, тем не менее в самую бурную эпоху полемики, т. е. приблизительно с середины 1906 г., журнал нуждался в новых боеспособных авторах и острых критических статьях. Б. Садовской в этом помочь не мог: он был далек от символистской платформы и участвовал в «Весах» скорее на роли «попутчика». Заметную роль в «Весах» второго периода играл Эллис, однако он сблизился с журналом лишь в середине 1907 г. В «Весах» продолжал ощущаться недостаток бойкого и острого пера, пригодного к стремительным литературным атакам и маневрированию. Желая восполнить этот пробел, Брюсов об-

ращался к К. И. Чуковскому. «Год обещает быть для нас буйным и бранным,— писал ему Брюсов 12/25 октября 1906 г.,—на «Весы» идет походом «Перевал» или «Провал», как у нас называют сие создание «Грифа». Не примете ли вы участие в начинающейся кампании? <...> мы очень нуждаемся в остроте вашей полемики» ¹³⁵. Однако и Чуковский, несмотря на его довольно интенсивное участие в «Весах», не мог спасти положения: он был все же критиком, посторонним символизму, и для «фракционной» борьбы не подходил.

Несколько парадоксальной, но значительной поддержкой, способствовавшей укреплению боевых качеств «Весов», послужило сближение редакции с Мережковскими, главным образом — с 3. Н. Гиппиус.

Конечно, идея «религиозной общественности», которую отстаивал в то время Мережковский, была чужда Брюсову. Более того: антииндивидуалистическая проповедь Мережковского с ее абстрактным отрицанием гражданской пассивности в известной мере перекликалась с декларациями «мистических анархистов». Но в противоположность другим нетербуржцам Мережковские, осуждая декадентство, т. е. возникшую еще в 90-х годах крайне индивидуалистическую стадию развития символизма, не противопоставляли ей своей собственной литературно-эстетической программы: от символистской эстетики они уходили в своеобразную религиозную публицистику. Однако они не блокировались ни с какими враждебными символизму группами. К тому же Мережковский пользовался тогда широкой известностью, и Брюсов рассчитывал, что союз с ним и с 3. Гиппиус значительно поднимет авторитет «Весов» и расширит их читательскую аудиторию. По словам Белого, Брюсов посвятил в свои замыслы, касающиеся этого союза, и других сотрудников журнала (запись беседы с Белым). Знал об этих переговорах и Поляков, давний поклонник Мережковского (запись беседы с Поляковым).

Начало переговоров Брюсова с Мережковскими относится к 1906 г. ¹³⁶ Правда, Брюсов и раньше настойчиво приглашал их обоих к сотрудничеству в «Весах», и они охотно откликались на это, присылая свои статьи (Мережковский), стихи, рассказы и критические заметки (Гиппиус). К середине 1906 г. Мережковский опубликовал в «Весах» уже четыре большие статьи с явным уклоном к «религиозно-общественной» проблематике: «Умытые руки», «О Чехове», «Пророк русской революции» и «Декадентство и общественность». Сотрудничество Мережковских В «Becax» оживленная переписка, установившаяся между ними и Брюсовым, вылилась, наконец, в конкретное предложение: войти в состав редакции «Весов». «Весы» очень хотели бы вашего более постоянного участия, вашего и Зинаиды Николаевны. Я думаю, уверен, что в вопросах литературы, искусства, культуры — мы вовсе не так далеки друг от друга, т. е. мы, «Весы», и вы, Д. Мережковский», — писал Брюсов 137. Более определенно о союзе Мережковских с редакцией «Весов» говорится в одном из писем Брюсова к 3. Н. Гиппиус. сохранившемся в брюсовском архиве (лето 1906 г.): «Мне кажется, что, соединив свои силы, мы могли бы завоевать этому журналу и внешний «успех» и настоящее «влияние». Разумеется, ради такой цели можно и стоит принести некоторые жертвы. Мы, «скорпионовцы», готовы на них. Согласитесь ли вы? Нам надо, чтобы 🛮 вы не только внешне вошли в «Весы», но и действительно отдали бы им часть сил как журналу» ¹³⁸.

Мережковские были согласны. Ближайшее участие в «Весах» и в руководстве журнала представлялось им в то время не только возможным, но и очень желательным: Мережковские, которые с 1906 г. жили в Париже, чрезвычайно тяготились отсутствием собственного печатного органа. Из «Нового пути» они — его основатели и руководители — были вытеснены еще до закрытия журнала. С «Вопросами жизни» (1905), возникшими на развалинах «Нового пути» и возглавлявшимися теми, кто участвовал в вытеснении Мережковских, они по вполне понятным психологическим и идеологическим причинам не могли близко сойтись. Еще 6 февраля 1905 г. Гиппиус писала Брюсову: «Что всем нам неизмеримо ближе «Весы», чем «Вопросы жизни», вы, теперь, после устных объяснений, уже знаете» ¹³⁹. Совершенно ясно, что контакт с либеральными и либерально-демократическими журналами для Мережковских был в то время еще более труден. К «Весам» же Мережковские издавна испытывали расположение: «Весы» нам становятся все более симпатичны — это ведь единственный теперь культурный и «взрослый» журнал у нас», — писал Мережковский Брюсову 12 апреля 1906 г. ¹⁴⁰ 3. Гиппиус

была вполне солидарна со своим мужем. «... Мы очень серьезно и почти любовно смотрим на «Весы» как на единственный теперь журнал, с которым можно чувствовать связь» 141.

В начале 1906 г. Мережковские и их единомышленник Философов (а также Бердяев и Булгаков) пытаются объединиться в группу под названием «Меч» (так называлась и статья Мережковского, вошедшая в его сборник «Не мир, но меч») и даже проектируют издание аналогично озаглавленного журнала 142. В том же 1906 г. сборник «Меч» был предложен ими известному мюнхенскому издательству Пипера (письмо А. Белого к Брюсову от 14 декабря 1906 г. — см. наст. том, стр. 403). Однако ни одно из этих начинаний не увенчалось успехом. Безуспешными оказались и переговоры с книгоиздателем М. В. Пирожковым, которого Мережковские и Д. Философов хотели склонить к изданию нового журнала. Потребность Мережковских в «собственном» литературном органе становится все более острой. «Вы не можете себе представить, до чего у нас наболела душа без своего журнала...», — признается Д. Философов в письме к Брюсову из Парижа 5/18 августа 1906 г. 143 В этих условиях между Брюсовым и Мережковскими идет оживленная переписка относительно соединения «Меча» и «Весов».

Мысль о возможности такого союза Брюсов впервые высказал в цитированном выше письме к З. Н. Гиппиус, отправленном, видимо, в конце июня 1906 г. Брюсов, как можно судить из ответного письма Гиппиус от 3 июля 1906 г., предполагал ради этого существенно реорганизовать журнал. Лишь в одном он был непреклонен: «Весы» должны были оставаться журналом литературно-художественным и критическим. З. Гиппиус писала: «Нет, если можно на более или менее прочных основаниях соединиться нам с «Весами» — мы и стараний не станем прилагать для создания отдельного журнала. Об «изгнании» чего-либо со страниц «Весов» — мы затрудняемся думать. Я, по крайней мере, не могла бы вспомнить ничего «ненавистного» в «Весах» за долгий последний период. Говоря о том, что «Весы», конечно, не заменят «Меча», потому что «это все-таки будет журнал литературы и искусства», — вы жестоки, Валерий Яковлевич! Вы заранее решили, что наш «Меч» был бы, если б был, вне первой — и второго! Вы жестоки — но, пожалуй, оказались бы фактически правы (...) Но тем более ценно возможное (если оно действительно возможно) соединение «Меча» с «Весами», т. е. попросту говоря, — нас с вами» 144.

В ответном письме (лето 1906 г.), которое отчасти уже цитировалось, Брюсов, развивая мысль о возможном объединении «Весов» и «Меча», пишет: «Нам не довольно того, что в «Весах» будет печататься большее число статей Дмитрия Сергеевича, ваших, Дмитрия Владимировича ¹⁴⁵ и Бердяева: мы мечтаем на самом деле о слиянии «Весов» и «Меча», о том, чтобы этот «меч» мог естественно вплестись в эмблему «весов». Как этого достичь? Если хотите, давайте искать. Я прилагаю к этому письму наш проект соединения...» ¹⁴⁶.

Составленный Брюсовым проект соединения «Весов» и группы Мережковских сохранился в двух экземплярах в архиве Брюсова. Ниже приводится полный текст одного из них (условно: «первый» вариант проекта).

проект соединения

- 1. Название журнала и внешность (формат, бумага, виньетки) остаются прежние.
- 2. Каждый № будет заключать в себе около 120 стр. (от 7 до 8 листов) при подписной цене 7 р. в год.
- 3. Редакция остается в Москве и ведает все внешние дела: распределяет материал по №№, сносится с авторами, печатаєт объявления и т. д.
- 4. Из числа 7 листов в каждом № mpu назначаются для беллетристики, ∂ea для статей, принятых нами, и ∂ea для статей, принятых вами.
- 5. Статьи, принятые нами, *не* посылаются на ваш просмотр. Статьи, принятые вами, считаются принятыми редакцией.

Примечание: Мы оставляем за собой право отложить немедленное напечатание той или другой принятой вами статьи и вступить с вами в переговоры по поводу нее — (об

ЭСКИЗ ОБЛОЖКИ ЖУРНАЛА «ВЕСЫ», 1905, № 9 и 10 Рисунок А. А. Арапова. Тушь Литературный музей, Москва

ее сокращении или совершенном устранении) — во всех крайних случаях, напр., если бы нам показалось, что помещение данной статьи грозит закрытием журнала.

- Все более значительное из своих произведений вы и Дмитрий Сергеевич печатаете в «Весах».
- 7. Все, помещенное в «Весах», не должно появляться в отдельном издании раньше как через 4 месяца по напечатании в журнале.
- 8. В объявлениях мы пишем, что «Весы» издаются при ближайшем участии в редакции Д. С. Мережковского.
- 9. Гонорар остается прежний: для вас и для Дмитрия Сергеевича за лист прозы 75 руб. и 50 коп. за стих. Для других сотрудников 3 р. страница прозы и 30 к.— стих. Валерий Б р ю с о в ¹⁴⁷

Сознавая, что частичные уступки — в случае, если соглашение с Мережковскими будет достигнуто, — неминуемы, Брюсов стремился свести их до минимума. Наиболее «принципиальная» из уступок была сформулирована в примечании к пункту 4 («второй» вариант проекта). «Очень желательно, чтобы вы в своем отделе образовали какие-либо постоянные рубрики: «Религиозно-философская хроника», «Обзор современности» и т. д. Само собой разумеется, что этим самым «Весы» расширяют свою программу и включают в нее статьи по общественным вопросам» 148. По-видимому, Брюсов послал Мережковским не только первый, но и второй вариант проекта, расширенный подробными примеча-

ниями. Брюсов — как видно из проекта соглашения — учитывал и то, что статьи Мережковских, нередко окрашенные в антиправительственные тона, могут привлечь к себе внимание цензуры. Этим и объясняется оговорка, сделанная Брюсовым к пункту 5. Очевидно, допуская Мережковских в «Весы», Брюсов пытался, по возможности, ограничить их. Чтобы журнал не изменил своего лица, его следовало оградить от чрезмерного наплыва «общественных» и религиозных материалов. Именно поэтому Брюсов предложил Мережковским участвовать в критическом отделе наровне с прежними сотрудниками, определив для обеих сторон по два листа. Эти «два листа» и породили снор.

Оба варианта проекта были вскоре возвращены Брюсову с подчеркнутыми пунктами 2, 4, 6 и 9, сомнительными для Мережковских. В сопроводительном письме от 12/25 августа 1906 г., вновь подтверждая свою принципиальную готовность соединиться с «Весами», 3. Гиппиус писала:

«Все пункты, не отмеченные мною, нами в полноте приемлются. Четвертый и шестой, если и подлежат возражению, то лишь в зависимости от второго, который, таким образом, и является главным. «Каждый номер будет заключать в себе от 7 до 8 листов». Семь листов. Отсюда естественно и разделение ваше: два листа для статей наших — и наших авторов. При этом вы прибавляете, что желательны были бы и рубрики, постоянные отделы (что кажется и мне очень желательным и даже необходимым). Теперь мы и соображаем. Предположим, что пол-листа займу я (а ведь иногда могу и больше написать), лист кто-нибудь из наших, пол-листа другой — и вот для громоздких статей Дмитрия Сергеевича абсолютно нет места. Тянуть какую-нибудь его статью по поллиста в продолжение года -- совершенно не имеет смысла. Вы анаете, как он пишет. Таким образом, естественно выйдет, что «все более значительное» свое (пункт 6) он булет отдавать в другое место, а в «Весы» станет писать случайные заметочки, -- если станет их писать. И «Весы» для него не будут «своим» журналом. А я это даже психологически считаю страшно важным. Шестой пункт важен для преуспечния дела. (...) И вот, ввиду всего этого, мы хотели бы предложить вам: нельзя ли увеличить для нас и наших место до 4-х листов ежемесячно, т. е. увеличить размер журнала до 10 листов. За возможность этого говорит и увеличенная вами на два рубля цена журнала (...) Вы скажете, что, помимо экономических затруднений, тут может выйти неравновесие, и если у нас будет четыре листа, а у вас два, то «Весы» фактически будут больше наши, нежели ваши. Но мне кажется, неравновесие скорее будет при равном арифметическом разделении, именно ввиду легкости, сжатости вашего материала и громоздкости нашего. Может ведь так случиться, что все два листа займет кусок статьи Дмитрия Сергеевича, а вы в ваши два листа сумеете уложить, кроме статей, и все хроники, и обзоры и т. д. Я невольно буду уступать свое место Дмитрию Сергеевичу, да и другому, а между тем мне (опять-таки и психологически) хотелось бы тянуть свою ниточку из книжки в книжку, как это приблизительно было в «Нов (ом) пути» 149.

Как видно из приведенного письма, осуществить объединение, желанное для обеих сторон, оказалось не просто. Разногласия по вопросу о взаимном размежевании в будущих «Весах», о степени участия и влияния в них «Меча» и «Скорпиона» были весьма значительными. В основе этих разногласий лежали идеологические соображения. Позипия, занимаемая Мережковскими с их проповедью «религиозной общественности», была чуждой Брюсову, продолжавшему защищать принцип «автономного искусства» и настроенному скептически ко всякой идеологии, в том числе и религиозной. Это главное, принципиальное расхождение осознавалось обеими сторонами. Недаром еще в 1905 г., отвечая на предложение Брюсова расширить свое участие в «Весах», З. Гиппиус писала: «Я совершенно верю в ваше искреннее «отпирание дверей», я только не уверена, что не могу написать чего-нибудь такого, перед чем с тою же искренностью эти двери затворятся» 150. О своем несогласии с «Весами», хотя и чисто литературном, З. Гиппиус ваявляла Брюсову 1/14 сентября 1906 г. ¹⁵¹ В «прибавлении» к этому письму, сделанному на другой день, 2/15 сентября 1906 г., З. Гиппиус высказывалась еще более определенно: «А что известная доля какой-то общественности необходима «Весам» — это факт» 152, И, наконец, в более позднем своем письме к Брюсову (27 декабря 1907 г.), обнажая самов существо расхождений Мережковских с «Весами», она пишет: «Я с вами вполне согласна: у нас разные тенденции, и у каждого из нас так они крепки, что грудно вступать в

компромисс $\langle \dots \rangle$ я никак, нигле, ни в стихах, ни в рассказах, ни в критике пе могу удовлетворить ваших требований — чистого искусства» ¹⁵³.

И тем не менее, признавая полное единство с «Весами» неосуществимым, группа «Меча» все же не хотела окончательно отказаться от соблазнительной идеи намеченного союза, хотя бы в форме ближайшего сотрудничества. В письме к Брюсову, написанном 6/19 октября 1906 г., Мережковский выражает готовность к дальнейшим переговорам, а главное — к существенным уступкам.

«Дорогой Валерий Яковлевич, — писал Мережковский, — нам всем очень прискорбно, что из письма Зинаиды Николаевны вы заключили, будто мы не желаем иметь постоянного отдела в «Весах». Мы хотим иметь не два листа, а четыре. Вы нашли это последнее невозможным. Но как вы могли заключить из этого, что и двух листов мы не хотим? Тут произошло недоразумение, которое хотелось бы выяснить. Если вы поверите, что наше желание принять ближайшее и деятельнейшее участие в «Весах» искренне и если вы вернетесь к вашему первому предложению 2 листов, то мы его готовы принять». При этом, ясно сознавая чуждость литературных установок «Весов» и «Меча», Мережковский добавляет: «Мне кажется вообще, что никакими «договорными пунктами» и внешними условиями нельзя определить внутреннего соглашения таких все-таки чуждородных, близко-далеких сторон, как мы и вы!» 154

Неизвестно, что ответил бы Брюсов на это письмо, если бы неожиданно для самого себя не узнал, что аналогичные дипломатические сношения Мережковские ведут за его спиной с «Золотым руном». Переговоры были сорваны. По тону приводимой ниже выдержки из чернового письма Брюсова к Мережковскому, написанного 10/23 октября 1906 г., можно догадаться, как возмутила его эта новость. «За это время Н. П. Рябушинский, в ответ (по его уверению) на ваше предложение, послал вам свои условия соединения вашей группы с группой «Золотого руна». (...) Раз вы ведете переговоры с Рябушинским и «Золотым руном», мы решительно не хотим вмешиваться в это дело и предоставляем вопрос его собственному течению. Возобновиться наши переговоры могли бы только в том случае, если бы вы объяснили нам и Рябушинскому, что переговоры «Золотого руна» с вами — плод недоразумения, что никакого предложения «Золотому руну», одновременно с вашими предложениями «Весам», вы не делали» ¹⁵⁵.

Трудно сказать, было ли это письмо послано Брюсовым в его настоящем виде или он заменил его каким-либо смягченным вариантом или же вообще не отправил. Группа «Меча», по-видимому, не представила разъяснений, которых требовал Брюсов. Во всяком случае в дальнейшей переписке Брюсова с Мережковскими они отсутствуют. Переговоры не возобновились. Мережковские, правда, остались сотрудниками журнала, но прежней теплоты в их отношениях с «Весами» уже не было. Каковым же оказалось реальное сотрудничество представителей группы «Меча» в органе «Скорпиона»? Прежде всего следует отметить, что ни соратник Мережковских Д. В. Философов, ни близкий к ним в то время Бердяев, которого Гиппиус и Философов с особой настойчивостью рекомендовали Брюсову, на страницах «Весов» не появились вовсе (если не считать небольшой статьи Д. В. Философова в № 6 «Весов» за 1904 г.). Сам Мережковский — автор статей, превышающих принятые в «Весах» размеры и в сущности далеких по содержанию от основной линии журнала, — был после переговоров представлен в органе «Скорциона» лишь одним критическим отрывком и маленьким стихотворением, напечатанными в 1909 г. Зато З. Гиппиус оказалась действительно близкой и плодовитой сотрудницей «Весов», интенсивно работавшей в журнале в 1906—1907 и отчасти в 1908 г. (ее псевдонимы в «Весах»: Антон Крайний, товарищ Герман и Алексей Кириллов). Гиппиус не поддерживала некоторых лозунгов «Весов» и решительно осуждала «декадентские» традиции, которые продолжал отстаивать «Скорпион», но ее бойкие остроумно-язвительные фельетоны и рецензии, направленные против «мистического анархизма» Г. Чулкова и журнала «Золотое руно», были именно тем ферментом, которого заметно не хватало «Весам» в их полемике.

С 1907 г. Мережковские начали закрепляться в других изданиях («Русская мысль», «Образование», газета «Речь») и все больше отдалялись от «Весов». Преемником Гиппиус, сыгравшим в журнале еще большую роль, чем она, был ее литературный недруг — критик, теоретик, поэт и переводчик Эллис (псевдоним Л. Л. Кобылинского).

Эллис, необузданный энтузиаст и фанатик по темпераменту, оставил в истории символизма заметный и своеобразный след. В течение первых трех лет существования «Весов» он находился в остром конфликте с Брюсовым и потому держался от «Скорпиона» на значительном расстоянии. Его сотрудничество в «Весах» начинается лишь с № 5 в 1907 г. В молодости Эллис интересовался философией и одно время называл себя «марксистом». Придя в «Весы», он был уже страстным приверженцем «ортодоксального» символизма. По своим взглядам Эллис занимал как бы середивную позицию между Брюсовым и Белым. Он, как и Брюсов, был увлечен культурой французского декадентства (в особенности — Бодлером), но так же, как и Белый, не мог удовлетвориться «чистым» декадентским индивидуализмом и эстетизмом и рассматривал символизм как форму религиозного сознания. Подобно Брюсову, Эллис не доверял гносеологическим построениям, которыми увлекался Белый, и был склонен к обоснованию искусства интуицией. Но еще глубже характеризует Эллиса его глубокое презрение к демократическому искусству. В этом смысле Эллис представлял в «Весах» крайнюю позицию 156. Идея избранности кружка «Весов» и аристократической обособленности символизма связана прежде всего с именем Эллиса. «Искусство по существу — дело немногих и для немногих» — таков был один из основных тезисов этого критика (1909, № 7, стр. 74).

Эллису принадлежат также самые неумеренные, переходящие в панегирик восхваления своих друзей по кружку, прежде всего Брюсова, которому в 1907—1909 гг. Эллис истово поклонялся. «Я окончательно сблизился с Брюсовым и вижусь с ним каждый день \(\lambda \dots \rangle \rangle \lambda \dots \rangle \rangle \rangle \lambda \rangle \rangle

Провозглашая эзотерический культ искусства, Эллис со злостью писал о тех, кто вносил в литературу и эстетику общественный, «утилитарный» элемент, а также о тех, кто, с его точки зрения, профанировал символизм. К противникам «строгого», как он выражался, искусства Эллис относился со всей нетерпимостью, постоянно призывал своих соратников по журналу к новым и еще более ожесточенным выступлениям против «Петербурга» и даже пытался составить в этом духе «Манифест «Весов» (лето 1907 г.). «Разве есть иная возможность спасти «чистое искусство» (без которого нельзя жить),— писал Эллис Брюсову,— <...> как раз навсегда бесповоротно и логично порвать всякие связи со всеми, кто осмеливается смотреть на искусство как на средство...» ¹⁵⁸ Самые резкие оценки противников, самые бешеные наскокв на них принадлежали Эллису. Он советшенно не стеснялся в выражениях, особенно в тех случаях, когда речь заходила о «мистических анархистах» и прежде всего о ненавистном ему Чулкове ¹⁵⁹.

Ведущий состав боевой группы «Весов» второго периода сводился, таким образом, к следующим авторам: Брюсов, Белый, З. Гиппиус, Эллис и на более скромных ролях — Б. Садовской. «Коренные» скорпионовцы (Балтрушайтис, Бальмонт, Поляков) печатали в «Весах» свои стихи, статьи или переводы, однако в борьбе с «петербургским символизмом» участия не принимали. С 1908 г. к «Весам» значительно приблизился С. М. Соловьев, один из «младших» московских символистов, в то время наряду с Эллисом ближайщий друг Белого. Вскоре С. Соловьев, сотрудничавший в «Весах» уже с 1905 г., стал одним из основных членов группы скорпионовцев (он подписывался также С. С.). Однако он помещал в «Весах» главным образом стихи, а в своих критических выступлениях лишь поддерживал общую линию журнала, не внося в нее существенного своеобразия.

Литературная борьба «Весов» с «мистическими анархистами», с вульгаризаторами символизма и его расплодившимися эпигонами и с эклектиками отличалась в 1906—1908 гг. необычайной интенсивностью и соответствовала тогда доминирующей линии

«Весов» ¹⁶⁰. Однако в то же время «Весы» продолжали — хотя и с несколько меньшей силой и заинтересованностью, чем в первые два года их существования, — наступление на писателей демократического лагеря, прежде всего реалистов.

«С каждым новым сборником чувствуется все определеннее, что писателям «Знания», в сущности, чужды задачи художественные, и литература является для них лишь средством для достижения целей, не имеющих ничего общего с искусством». -- писал В. Гофман, рецензируя XX и XXI книги знаниевских сборников (1908, № 4, стр. 48). Весьма уничижительно отзывалась о Горьком и Л. Андрееве З. Гипипус. Эллис нападал на драматургию Горького в статье «Еще о Соколах и Ужах» (1908, № 7). Особенно же ополчался этот критик на писателей, пытавшихся соединить символизм с реализмом. «Смещение стилей, — восклицал Эллис, — самая страпная и самая страшная болезнь нашего литературного сегодня. После Б. Зайцева самый нечальный, самый роковой пример ее — Л. Андреев» (1908, № 10, стр. 84). Что касается самого Брюсова, то его участие в полемике с реалистами было в 1907—1908 гг. минимальным. Он не писал рецензий на сборники товарищества «Знание» (как в 1905—1906 гг.), воздерживался и от анализа произведений отдельных авторов -- «знаньевцев». Его отзыв о постановке драмы Л. Андреева «Жизнь Человека» в Художественном театре — пожалуй, единственное исключение. «Талант Л. Андреева — талант некультурный» — таков один из центральных тезисов этой статьи-рецензии (1908, № 1, стр. 144). Для поддержания непрерывной атаки на реализм «Весы», как правило, прибегали к помощи своих менее значительных сотрудников. К их числу принадлежали Б. Садовской, А. Курсинский, В. Гофман, Н. Петровская, печатавшаяся в «Весах» и под псевдонимом — Н. Останин. Именно эти литераторы — с некоторыми вариациями в своем составе — выступали против реалистов с наибольшим ожесточением.

Основным оружием, которое применяли сотрудники «Весов» в этой упорной и затяжной войне, было понятие культуры — критерий универсальный и в тактическом отношении очень удобный. Нападая на своих многочисленных противников, «Весы» предпочитали обвинять их не столько в идейных заблуждениях, сколько в «некультурности». «...Особенно излюблен термин «культурность», который встречается чуть ли не на каждой строке с самыми разнообразными префиксами: «культурность», «некультурность», «антикультурность», «бескультурность»; этими словечками, как дешевой майоликой, украшена критическая постройка автора», — так писал о «Весах» критик из «Золотого руна» (по поводу некоторых статей 3. Гиппиус) 161. Свою неутомимую критику враждебных им течений весовцы действительно воспринимали и неизменно подавали как борьбу с «одичалостью», «отсталостью», «бескультурьем». И Брюсов и вся его группа рассматривали символизм как явление общекультурного порядка, как основную форму, в которую облеклась культура в современном мире. «Символизм — это культура — вот самое общее из самых общих мест...» — заявлял Эллис (1909, № 10—11, стр. 153). А. Белый, говоря в 1908 г. о группе «собственно символистов с центральной фигурой Валерия Брюсова», подчеркивал, что для них «теория символизма — есть вывод многообразной работы всей культуры...» (1908, № 10, стр. 62).

«Весы», — говорилось в каталоге издательства «Скорпион» на 1908 г., — не могут не быть сторонниками всех культурных начинаний. Напротив, «Весы» считают своим долгом восставать как против всех явлений, враждебных свободному развитию духовной жизни, так и против всякого варварства, посягающего на культурные ценности. Полагая идею культуры неотделимой от идеи преемственности, «Весы» хотят соединить искания нового с уважением и любовью к прошлому...» 162.

Воспринимая культуру как явление универсальное, мировое, «Весы» не ограничивали себя одной лишь современностью, не замыкались в пределах России, но стремились охватить самые разнообразные области духовной жизни многих стран. Эта ориентация на «мировую» (а фактически на западноевропейскую) культуру, характерная для журнала на всех этапах его существования и во многом определявшая его лицо, связана в первую очередь с именем Брюсова. Ученый-филолог, глубоко и разносторонне образованный человек, Брюсов насыщал свое собственное творчество и издания, которыми он руководил («Северные цветы», «Весы»), большим и разнообразным материалом культуры различных национальностей и эпох. В «Весах» публиковались статьи о лите-

ратуре, живописи, театре, музыке, балете и даже одежде; рецензировались также и книги научного содержания, включая работы по математике, астрономии — вплоть до кристаллографии, а также труды по философии, эстетике, истории. Однако наряду с этим в журнале с такой же серьезностью рассматривались и книги по оккультизму и спиритизму (их рецензировал обычно сам Брюсов).

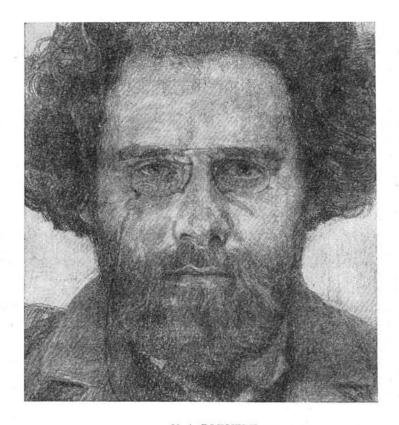
В «Весах» значительное место занимали материалы, связанные с культурой прошлого: статьи об Овидии, Шиллере, Байроне, Гейне, Гюго и других классиках античной и западноевропейской литературы; большие эссе о Лермонтове, Гоголе, Достоевском, отзывы, рецензии и заметки, посвященные Крылову, Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Герцену, Тютчеву, Толстому и т. д. «Весы» охотно отмечали юбилейные даты, внимательно следили за новыми литературоведческими книгами. На страницах журнала оценивались работы Е. Аничкова, Ю. Айхенвальда, С. Венгерова, М. Гершензона, Р. Иванова-Разумника и других критиков и историков литературы (в том числе и иностранных). Время от времени «Весы» публиковали неизданные тексты русских классиков: Пушкина, Баратынского, Рылеева, Жуковского, Огарева, А. К. Толстого и др. Особенно охотно «Весы» печатали неизвестные тексты Пушкина, откликались также на новые издания его сочинений и новые работы о нем. Инициатором большинства этих рецензий и публикаций был, видимо, Брюсов — пушкинист, знаток и исследователь русской литературы XIX в.

Стремясь к широкому охвату культуры, редакция «Весов» привлекала к участию в журнале профессиональных литературоведов, филологов, а также знатоков театра, музыки, живописи. Постоянно сотрудничали в «Весах» Н. Лернер — тогда начинавший, а впоследствии известный пушкинист (псевдоним — Пушкинианец), историки русской литературы В. Саводник и В. Каллаш. Среди авторов, писавших в «Весы», были искусствоведы И. Грабарь, П. Муратов, К. Сюннерберг, П. Эттингер, а также коллекционер И. Щукин. Однократно выступили в органе «Скорпиона» философ П. Флоренский (1904, № 9) и В. Мейерхольд, напечатавший в «Весах» свои заметки «Из писем о театре» (1907, № 6). Нельзя, наконец, не вспомнить, что «Весы» были журналом не только литературным и критико-библиографическим, но и художественным, причем некоторые живописцы, принимавшие участие в оформлении «Весов», выступали в журнале и как художественные критики, например, Н. Рерих, В. Милиоти (В. М-и), М. Шестеркин (Арбалет, А-т) ¹⁶³.

«Весы» справедливо должно признать одним из самых культурных явлений русской жизни»,— писал автор анонимной заметки о «Весах» в газете «Новая Русь» ¹⁶⁴. Таким было мнение многих современников, близких к модернизму. Г. Чулков, например, который в 1905 г. находился еще в хороших отношениях с журналом «Скорпиона», называл его тогда «истинно культурным органом» ¹⁶⁵⁻¹⁶⁶. Впрочем, некоторые литераторы модернистского лагеря считали, что Брюсов уводит «Весы» в сторону от символизма с его исканиями и тревогами, и упрекали журнал в «академизме» ¹⁶⁷.

Но совершенно очевидно, что подход весовцев к культуре отличался крайней субъективностью и модернистской специфичностью, «аристократическим эстетизмом», ориентацией на элитарные слои индивидуалистической интеллигенции, резким разрывом с демократическими традициями. Это обнаруживалось с особенной ясностью, как только «Весы» обращались к современному искусству. Поставив знак равенства между понятиями «символизм» и «культура», весовцы как бы вынесли за скобки те художественные явления современности, которые не принадлежали к «новому искусству» и не смыкались с ним. Упрекая своих противников в «бескультурье», они не понимали, что имеют дело—по крайней мере, во многих случаях — не с «отсутствием культуры», а с наличием другой культуры — демократического и реалистического склада. Возникало явное противоречие между декларируемым «Весами» стремлением к универсализму и сужением современной им культуры до олного лишь «нового искусства». Это противоречие сказывалось и на суждениях весовцев о культуре прошлого.

В «Весах» публиковались иногда материалы о Радищеве, декабристах, Герцене, Кропоткине и т. п. Об этих чуждых символистам явлениях русской общественной жизни и культуры «Весы» писали нередко со сдержанным уважением. Однако, отстаивая принципы «свободного искусства» и эстетической критики, «Весы» рассматривали револю-

М. А. ВОЛОШИН Литография по рисунку А. Я. Головина, 1909 Литературный музей, Москва

ционных демократов 60-х годов как своих идейных противников. Особую враждебность по отношению к русской революционно-демократической литературе проявлял наиболее «правый» по своим воззрениям сотрудник «Весов» Б. Садовской. Он заявлял: «Вред, принесенный старой критикой русскому обществу, громаден». По его мнению, «весь необозримый исторический путь», пройденный русской критикой, «надо сплошь зачеркнуть, выкинуть, как пустое место» (1905, № 9-10, стр. 75). В статьях Белинского о литературе Садовской усматривал «односторонность и поспешность выводов и суждений»; «прямым и естественным преемником социалиста Белинского» является, по утверждению весовского критика, «нигилист Писарев с его вандализмом» (1904, № 9, стр. 63-64). Разбирая книгу А. Н. Пыпина о Некрасове, он выражал сожаление, что поэт чрезмерно увлекался современностью и что его муза служила общественным идеям (1905, № 4, стр. 55). О Чернышевском Садовской писал в оскорбительно резких или подчеркнуто снисходительных выражениях, пытаясь принизить его общественную и историко-культурную роль. Садовскому вторил Эллис, отвергая великие общественные традиции всей русской литературы: он утверждал, что все столетнее «проповедничество» русских писателей «от Державина до Толстого» не принесло ничего, «кроме непоправимого, смертельного вреда чистому искусству и прежде всего творчеству самих проповедников» (1907, № 10, стр. 56).

Односторонность и модернистская специфичность культуры, которую насаждали п отстаивали «Весы», стала особенно ощутимой с открытием беллетристического отдела. Конечно, диапазон журнала расширился: «Весы» не только информировали теперь сво-их читателей о наиболее видных представителях русского и западноевропейского модер-

низма, но и печатали нередко их произведения (или переволы). Однако выбор авторов, печатавшихся в «Весах», был намеренно ограниченным. В беллетристическом отделе публиковались в первую очередь ближайшие сотрудники «Весов» (Балтрушайтис, Белый, Брюсов, Гумилев, Садовской, Соловьев), а также петербургские литераторы, тесно связанные с «Весами» (Кузмин, Сологуб). С 1906 по 1909 г. все эти писатели неоднократно появлялись на страницах «Весов» со стихотворными и прозаическими произведениями. Со своими рассказами и новеллами в «Весах» регулярно выступал С. Ауслендер, эпизодически О. Дымов, А. Ремизов. Что касается раздела поэзии, то, помимо названных выше авторов, «Весы» постоянно публиковали Бальмонта, Блока, Волошина, В. Иванова. Появлялись в «Весах» и стихи менее значительных поэтов: Эллиса, Ю. Верховского, В. Гофмана, А. Кондратьева, В. Пяста, А. Тинякова (псевдоним — Одинокий) и других (некоторые из них попали на страницы «Весов» лишь один раз). Таким образом беллетристический отдел «Весов» достаточно полно, хотя и неравномерно, представлял только символистов и близких к ним писателей, как московских, так и петербургских.

Пропагандируя современную западноевропейскую культуру, «Весы» опять-таки уделяли внимание прежде всего представителям «нового искусства». Уайльд, Пшибышевский, Реми де Гурмон и Шарль Ван Лерберг (его переводил Поляков) заслонили для весовцев таких уже признанных в ту пору авторов, как Г. Гауптман,
А. Франс, Б. Шоу и др. Правда, среди западных писателей, высокоценимых «Весами»,
были Верлен, Верхарн, Гамсун, Ибсен, Метерлинк, Рильке. Произведения некоторых из них (Верхарн, Метерлинк) появлялись на страницах «Весов» в переводе
Брюсова.

Переводческая работа, связывающая русского читателя с западными традициями, имела в глазах руководителей «Весов» огромное значение. Почти все скорпионовцы — Балтрушайтис, Бальмонт, Поляков, Семенов — были профессиональными переводчиками. Десятки статей и рецензий, помещенных в «Весах», были посвящены анализу и оценке переводов. Брюсов, Волошин, Ликиардопуло, Чуковский, Эллис систематически, в ряде случаев с большой эрудицией и художественным чутьем, критиковали низкое качество переводов, заполнявших тогда русский книжный рынок. Весовцы не останавливались даже перед критикой переводчиков из собственной среды, например, Бальмонта и Эллиса. В «Весах» вырабатывалось культурное и профессиональное отношение к переводу, еще не ставшее в то время нормой. Известное внимание «Весы» уделяли и теории перевода. Достаточно вспомнить статью Брюсова «Фиалки в тигеле» (1905, № 7), не утратившую своего значения до наших дней, или полемику Волошина с Брюсовым по поводу переводов Верхарна (1907, № 2).

В целом же, стремясь пропагандировать высокую культуру, «Весы» в очень большой мере оказались выразителями рафинированного эстетства и индивидуалистическидекадентской линии символизма с характерной для нее нетерпимостью и агрессией по отношению к традициям русской реалистической литературы и революционно-демократической критики. Печать эстетского гурманства и претенциозной изысканности лежала и на содержании журнала и на его внешнем оформлении. В высказываниях некоторых скорпионовцев проступало порой характерное для «конца века» и начала нового столетия декадентское ощущение «гибели культуры». Истощение и кризис буржуазной культуры нередко принимались ее идеологами за «распад» культуры в целом. Одним из носителей этого кризисного мироощущения был, бесспорно, Эллис, откровенно причислявший себя к людям «осенней культуры» и «увядающей красоты», которые ткут человечеству «золотой саван» и у которых слова и мысли — «последние» (1907, № 9, стр. 52). Даже названия изданий «Скорпион» и «Весы» были выбраны не случайно: оба созвездия, соответствующие знакам Зодиака, появляются на осеннем небе, т. е. в пору увядания природы. «Астрономический знак осени» — так истолковывал название журнала Брюсов (насколько можно судить по воспоминаниям С. Боброва 168).

Художественная высота, которую редакция объявляла своей нормой, уживалась в «Весах» с произведениями малохудожественными и подражательными. Модернистская дешевка, разоблачавшаяся в «Весах», зачастую проникала в журнал и утверждалась на его страницах (например, эротическая графика Феофилактова). «То, что бичевалось в

олной половине журнала, насаждалось в другой», — вспоминал А. Белый ($Me \varkappa \partial y \ \partial e y x$ революций, стр. 204) 169.

Естественно, что «Весы» вызывали последовательно-критическое отношение к себе у подлинно передовых представителей демократической культуры. В одном из писем к Л. Андрееву М. Горький подчеркивал, что признает за символистами «серьезную культурную заслугу», ценит их «любовь к слову», «живой интерес к литературе». За их работу по обогащению поэтического языка, стихотворного мастерства он готов был скавать им спасибо и был уверен, что такое спасибо скажет им со временем и история. Но в том же письме Горький резко отзывается о литераторах, «поющих панихиду российской революции», и в качестве примера называет статью З. Гиппиус «Братская могила», понвившуюся в № 7 «Весов» за 1907 г. Рассматривая произведения Л. Андреева, З. Гиппиус относила их (а вместе с ними и роман Горького «Мать») к «лжеискусству», над которым, по ее выражению, «стоит общий чад русской некультурности». «...Насколько смешно и как нахально все это!» — с негодованием восклицает Горький. И далее он возмущается тем, что «Весы» провозгласили творцами новой культуры таких литераторов, как М. Кузмин, автор повести «Крылья» с ее извращенной эротикой ¹⁷⁰.

Столь же критическое отношение к «Весам» и их нониманию культуры мы находим у А. В. Луначарского в его полемическом выступлении против статьи З. Гиппиус, помещенной в «Мегсиге de France» (1908, 1 января). Гиппиус всячески возвеличивала «Весы», хотя отвергала мистических анархистов и «эротоманов», в частности «циничные сальности Кузмина». Выступая на страницах социал-демократической «Заграничной гаветы» (Женева), Луначарский задавал язвительный вопрос: «Но разве «Весы» Брюсова, которые являются по Гиппиус проводниками культуры, не переполнены Сологубом, Кузминым и нелепыми, грубо непристойными и ребячески неискусными эротическими картинками Феофилактова?» ¹⁷¹.

Антидемократизм журнала и его оторванность от живых общественных интересов русского общества не прошли для «Весов» даром. Редакции приходилось расплачиваться за это не только внутренне (ущербность и раскол в символизме, растрата энергии на бесплодную полемику), но и внешне. Число читателей «Весов» продолжало оставаться чрезвычайно низким даже в 1907—1908 гг.— в период признания и популярности символизма, хотя, как показывают материалы архива книгоиздательства «Скорпион», количество подписчиков на журнал, будучи крайне ограниченным, из года в год возрастало. Так, в 1905 г. их насчитывалось уже около 800 (по сравнению с 670 в 1904 г.), в 1906 г.— 845, в 1907 г.— 1095, в 1908 г.— 1691 172. Но даже этот незначительный прирост воспринимался редакцией как крупное достижение. «...Мы считаем великой удачей, когда в этом году у нас собралось на несколько единиц больше 1000 подписчиков», — сообщал Брюсов Чуковскому 21 февраля 1907 г. 173

Ограниченное распространение «Весов» тесно связано с элитарным характером их читательской аудитории. Судить об этой аудитории позволяет даже простое сопоставление количества столичных и провинциальных подписчиков «Весов». Оказывается, что в 1906 г. из общего числа 845 годовых подписчиков, считая 93 заграничных (список читателей за этот год опубликован в № 12), на провинцию приходилось 319, а на обе столицы — 433. Чтобы понять всю выразительность этих цифр, достаточно привлечь материал других периодических изданий того времени. В результате произведенных подсчетов на каждую сотню провинциальных подписчиков получается следующее количество столичных: для «Весов» 1906 г.— 136, для «Золотого руна» 1906 г.— 106, для «Нового пути» 1903 г.— 38, для «Вопросов философии и психологии» 1906 г.— 46, для «Вестника Европы» 1904 г.— 35, для «Современного мира» 1909 г.— 15. Понятно, что именно в столицах, а не в провинции жили наиболее «рафинированные» читатели.

Кто же были подписчики «Весов»? К каким общественным кругам они принадлежали? Ответить на этот вопрос помогает детальный анализ списка подписчиков 1906 г. и возможное выяснение личности каждого из них. Эта работа по отношению к 226 петербургским читателям «Весов» была отчасти проделана Д. Е. Максимовым в 1930 г. Пользуясь свидетельствами современников, многие из которых тогда были живы и хорошо помнили тех, кто умер или уехал, а также данными, почерпнутыми из справочников, удалось получать некоторые сведения о 70% всех петербургских читателей журнала.

Прежде всего приходится отметить большое число читателей, принадлежащих к литературным кругам. Если за количество петербургских подписчиков принять 203 человека (226 минус 23 — библиотеки, редакции и т. п.), то число журналистов, писателей, поэтов и представителей академического мира (последние — в небольшом количестве) составит 27%. Эту категорию читателей «Весов» представляют, главным образом, литераторы модернистского склада и сотрудники либеральных изданий. К подписчикам-литераторам примыкают художники, музыканты, артисты — число их достигает 8%.

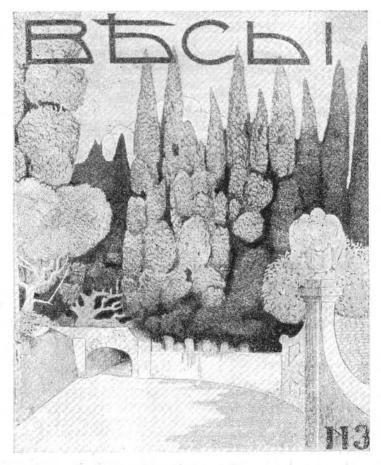
Другие читатели «Весов» — известные юристы, врачи, инженеры, крупные чиновники, торгово-промышленные деятели, любители искусств, коллекционеры и т. д. Этот перечень следует дополнить сравнительно небольшим количеством лиц, принадлежащих к землевладельцам и аристократии, среди которых одни только титулованные особы составляют (по отношению к числу выясненных подписчиков) 7%.

4

Вплоть до конца 1908 г. Брюсов продолжал оставаться бессменным руководителем «Весов» и одним из наиболее деятельных сотрудников журнала. За 1906—1908 гг. он опубликовал в «Весах» несколько стихотворных циклов (в общей сложности 31 стихотворение), 3 рассказа («Республика Южного креста», «В подземной тюрьме» и — под псевдонимом К. Веригин — «Ночное путешествие»), роман «Огненный ангел», ряд программных и острых критических статей («Факелы», «Мистические «Торжество победителей», «Всем сестрам по серыгам» и др.), а также немалое количество переводов, рецензий и разного рода заметок. Много времени приходилось Брюсову уделять и чисто редакционной работе: отбору, редактуре и правке рукописей. «За эти годы, — вспоминает Брюсов, имея в виду первые четыре года издания «Весов», — не было в журнале ни одной строки, которую я не просмотрел бы как редактор и не прочитал бы в корректуре. Мало того, громадное число статей, особенно начинающих сотрудников. было мною самым тщательным образом переработано, и были случаи, когда правильнее было бы поставить мое имя под статьей, подписанной кем-нибудь другим» (Автобиография, стр. 115).

Возглавляя «Весы» в период полемики, Брюсов стратегически и тактически объединял авторов, не только близких, но и относительно далеких друг от друга по своим взглядам. В сущности говоря, у Брюсова не было подлинных единомышленников среди ближайших сотрудников «Весов» в 1906—1908 гг.: он не поддерживал ни мистико-гносеологических исканий Белого, ни воинствующего элитаризма Эллиса, ни «религиозной общественности» Мережковских. Однако сотрудники «Весов», спаянные тактикой совместной борьбы, не декларировали в этот период своих разногласий. Не заявлял о них и Брюсов, который в 1907—1908 гг. все более отходил от специфически символистских тем и теорий. Задавая «Весам» общий тон, он избегал тех идеологических крайностей, в которые впадали в первую очередь Белый и Эллис. Поэтому «Весы» могли выглядеть и действительно выглядели органом монолитным и, конечно, «брюсовским», хотя при более внимательном подходе разнобой во взглядах ведущих сотрудников определенно ощущался (об этом с большой резкостью писали иногда противники «Скорпиона») 174. На деле же с именем Брюсова можно связать далеко не все аспекты «Весов».

По сути в эти годы — в период напряженной и активной работы в «Весах» — Брюсов относился к журналу двойственно. Воспринимая свою редакторскую работу как долг и обязанность, он выполнял ее добросовестно и заинтересованно, но уже без прежнего энтузиазма. В Брюсове постепенно нарастает чувство исчерпанности того «нового искусства», за которое «Весы» вели свою борьбу. В середине 1906 г. в одном из писем к Н. Петровской Брюсов восклицает: «...Я не могу более жить изжитыми верованиями, теми идеалами, через которые я перешагнул. Не могу более жить «декадентством» и «ницшеанством», которые, верю я, верю — и тебе уже чужды (...) в поэзии не могу жить «новым искусством», самое имя которого мне нестерпимо более. Хорошо Мережковскому, который перепархивает с пушкинианства на декадентство, с декадентства на язычество, с язычества на христианство, с христианства на религию троицы и духа свя-

«ВЕСЫ», 1906, № 3 Обложка (гравюра Умберто Брунеллески)

того (...) Так, как сейчас, я не могу жить: без бога, без алтаря» (письмо с пометой «Ночь с 13 на 14 июня» — см. наст. том, стр. 791). В письме к Е. А. Ляцкому, написанном в начале 1907 г., Брюсов признается, что чувствует себя среди своих соратников как «заложник в неприятельском лагере» и что лишь «по старой памяти» остается их главою. «Давно уже все, что я пишу, и все, что я говорю, решительно не по душе литературным моим сотоварищам, а мне, признаться, не очень нравится то, что пишут и говорят они» 175. Хотя Брюсов, по-видимому, намеренно преувеличивает здесь остроту сложившейся ситуации, но его признание не очень далеко от истины. Настроения такого рода, разумеется, способствовали постепенному внутреннему обособлению Брюсова в «Весах». Наблюдательный В. Иванов ошибался значительно меньше, чем это может показаться с первого взгляда, когда писал Брюсову 4 августа 1907 г.: «Весы» тебя внутренно не интересуют» (см. наст. том, стр. 502).

«Весы» тяготили Брюсова еще и потому, что не давали ему выхода к широкой читательской аудитории. Популярность Брюсова в России к 1907 г. возросла настолько, что в лагере символистов с ним мог бы соперничать в этом отношении один лишь Бальмонт. Перед Брюсовым распахиваются двери редакций многих «толстых» журналов, тогда как для большинства его товарищей по «Весам» они остаются закрытыми. Как писатель Брюсов уже не мог уложиться в рамки «Весов», и ему самому они кажутся теперь слишком узкими. «Мне всегда тесно в узком пределе почитателей одной литературной школы,—писал Брюсов Ляцкому,—и в высшей степени важно, что мой голос находит отклик не голько в нашем маленьком urbi, но и в более широком orbi русских читателей» 176.

Мысль об уходе из «Весов» пе покидала Брюсова и в самый разгар его журнальной деятельности, когда сплоченность скорпионовцев и авгоритет их вождя казались пезыблемыми. Не случайно в известном письме к отцу от 21 июня/4 июля 1907 г. он набрасывает такие планы: «Я думаю провести «Весы» еще $1^1/_2$ года, до конца 1908 года, а потом бросить и удалиться, как Диоклетиан, сажать капусту» ¹⁷⁷. Однако свойственное Брюсову чувство долга, о котором говорилось выше, связь его с символизмом как школой, личные отношения со скорпионовцами и, наконец, отсутствие другой журнально-издательской базы неизменно удерживали его на редакторском посту.

Новый, третий этап в истории«Весов» и отношений с ними Брюсова начинается осенью 1908 г., когда журнал неожиданно оказался на краю гибели. Поляков заявил о том, что он не хочет продолжать издание «Весов», во всяком случае, в их прежнем виде. Для такого заявления Поляков имел некоторые основания. Он давно уже заметил, что взгляд на «Весы» со стороны основного ядра сотрудников, включая Брюсова, переменился: издание журнала перестало их воодущевлять в той степени, в какой воодущевдяло прежде. Кроме того, личные обстоятельства (прежде всего женитьба) отвлекали Полякова от издательских дел. Утратив для него свой внутренний смысл, «Весы» стали восприниматься им как значительное материальное бремя. «Ведь все время у меня с вами шел разговор о тяжести для меня материальных затрат на дело, которое даже самые ближайшие участники и духовные создатели его стали считать ненужным и лаже вредным», — писал Поляков Брюсову 178. Переговоры Брюсова с Поляковым начались, по всей вероятности, в первой половине 1908 г. и продолжались летом того же года, когда Брюсов путешествовал по Западной Европе. Намерения Полякова поначалу не вызывали протеста со стороны Брюсова. Письмо Полякова к нему от 11/24 декабря 1908 г. содержит следующие многозначительные слова: «... иногда я разделял в разговорах с вами вашу мысль прекратить «Весы» совершенно за их полнейшей ненадобностью...» 179

И все же ни Брюсов, ни его ближайшие сподвижники не были в 1908 г. подготовлены к столь внезапному финалу. Они старались убедить Полякова в необходимости продолжать «Весы» и в 1909 г. Впрочем, до осени 1908 г. положение оставалось неопределенным. «Когда мы не раз перед вашим последним отъездом рассуждали с вами о судьбе «Весов» в 1909 г., — писал Поляков Брюсову, — я никогда не мог ответить определенно на ваш вопрос о размере субсидии, которую я мог бы выдавать на «Весы» ежемесячно в будущем году» 180.

Переговоры приобрели особую остроту в конце октября 1908 г., когда Брюсов возвратился в Москву (Поляков находился тогда в Италии). Позиция Полякова сводилась к следующему: не желая участвовать в редакторской работе, он согласен поддерживать дальнейшее существование «Весов» небольшой суммой. Ближайшие сотрудники «Весов» не были удовлетворены предложением Полякова и попытались получить журнал в полное свое распоряжение. 28 октября/10 ноября 1908 г. Брюсов писал Полякову: «И вот мы все (т. е. я, Белый, Эллис, С. Соловьев, Михаил Федорович 181 и др.) обращаемся к вам с последней просьбой: передайте «Весы» в 1909 г. в наши руки, позвольте нам попытаться вести их самостоятельно» 182.

На это предложение Поляков ответил согласием. Он требовал только, чтобы редакция подыскала нового издателя, точнее, соиздателя, который взял бы на себя большую часть затрат по изданию «Весов» в 1909 г. Свое решение Поляков изложил в письме к Брюсову от 10/23 ноября 1908 г.: «1) Я согласен выдавать «...» субсидию, пусть в высшем размере (3600 р. в год), если это необходимо. Далее, 2) я согласен предоставить журналу для редакции и склада то помещение, в котором ови находились при моем единоличном издательстве «...» 3) Я согласен остаться на первое время и, если это будет желательно, на весь год номинальным редактором-издателем для того, чтобы избежать хлопот об учреждении какого-то издательского «товарищества» или чего-либо подобного» 183.

Поиски соиздателя, как ни старались сотрудники «Весов», не увенчались успехом. «Брюсов тогда уже,— вспоминает Белый,— предлагал издавать «Весы» нам; мы разыскивали капиталиста; и мне поручили тогда обратиться за помощью к С. И. Щукину (...) через Анну Михайловну Метнер 184; и Щукин ответил: он лично не дал бы «Весам»

ничего; если мне «Весы» нужны и если считаю я бытье их совсем неизбежным, он даст мне субсидию, а не «Весам» как журналу. Но я отказался» ¹⁸⁵. Были и другие кандидатуры соиздателя. Хотели, например, привлечь к делу С. А. Соколова, М. Г. Владимирова, В. П. Рябушинского (брата издателя «Золотого руна»). Однако все эти попытки по развым причинам кончились неудачно. В частности, против кандидатуры Соколова заранее и очень энергично возражал Поляков; он крайне рассердился на своих товарищей по журналу и еще больше охладел к «Весам», узнав, что втайне от него эти переговоры всетаки ведутся (из беседы с С. А. Поляковым). Ситуация таким образом оставалась попрежнему неопределенной.

Кризис, переживаемый «Весами», достиг апогея в ноябре 1908 г. Брюсов подробно рассказывает об этом в письме к Н. Петровской 8/21 ноября 1908 г., т. е. вскоре после своего возвращения в Москву. По словам Брюсова, он, вернувшись, нашел «страшный разгром всего того дела, которое привык считать своим». Далее Брюсов уточняет: «Весы» медленно погибали и должны были прекратиться к январю. Все враждебные нам и мне партии подняли голову >Все газеты были против нас. Крохотный кружок, уцелевший около «Весов», явно распадался. Белый, конечно, тянул куда-то в сторону. Эллис тоже. Даже во внешнем, при первых столкновениях, я тотчас увидел, как все повернулось к нам враждебной стороной. Где прежде я имел абсолютный вес, меня слушали только из вежливости» (см. наст. том, стр. 793).

При таких обстоятельствах обнаружилось, что Брюсов даже теперь, на новой стадии своего развития, продолжал дорожить тем делом, одним из основных инициаторов и вдохновителей которого он некогда выступил. С присущей ему энергией он пытался спасти журнал от краха и руководствовался при этом не столько личными, сколько «цеховыми» соображениями. Об этом убедительно свидетельствует продолжение его письма к Петровской. Верность своим прежним «идеалам», которую подчеркивает Брюсов, явно преувеличена и объясняется, конечно, остротой ситуации:

«Я много раз говорил тебе, что «Весы» мне надоели, что я хотел бы отказаться от заботы об них. Но видя такое неожиданное и стремительное крушение всего, что я делал в течение пятнадцати лет; видя, как внезапно все значение, вся руководящая роль переходит в литературные течения, мне и моим идеалам враждебные; видя, как торжествуют те, кто в сущности обокрал меня и моих сотоварищей,—я не мог не изменить решения <....> Я решил бороться во что бы то ни стало. Я решил в 1909 г. так или иначе, но издавать «Весы» или другой журнал и удержать за своими идеями в литературе то место, какое им надлежит» (см. наст. том, стр. 793).

Настроенный таким образом, Брюсов обращается к Полякову с новым проектом: предоставить «Весы» с 1909 г. в единоличное его, Брюсова, распоряжение. «Переходя к вашему новому предложению,— отвечает Поляков,— передать ведение «Весов» в 1909 г. лично вам, под вашу полную ответственность, я, конечно, вполне соглашаюсь на него, так как это была бы первая попытка поставить дело ведения журнала на твер дый и правильный путь…» ¹⁸⁶. Видимо, Брюсов считал этот вопрос решенным окончательно, ибо в своем письме к Н. Петровской 16/29 декабря 1908 г. сообщает: «... с 1909 г. я беру на себя издание «Весов» (ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 4, л. 63 об.).

Однако, не удовлетворившись достигнутым, Брюсов попытался осуществить новую комбинацию. Суть ее заключалась в том, чтобы закрепить за собой «Весы» не только на один 1909 г., а на более долгий срок. «Я уверен,— писал Брюсов Полякову 21 декабря 1908/З января 1909 г.,— что ни наша «компания» и никто иной не согласятся взять издание «Весов», так сказать, на подержание на год ...» 187 Однако здесь дипломатия Брюсова потерпела поражение. Письмо Брюсова возмутило Полякова, который после запутанных двухмесячных переговоров о «Весах» и без того находился во взвинченном состоянии. Он наотрез отказался обсуждать эти «совершенно новые условия» и отложил окончательное решение вопроса до личной встречи в Москве 188. «Весы» вновь оказались на грани катастрофы; о единоличном редакторстве Брюсова уже не шла речь. «Дела мои в «Весах» крайне плохи», — признается Брюсов Н. Петровской 4 января 1909 г. (ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 4, л. 79 об.).

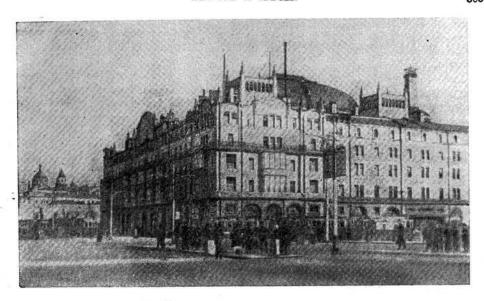
Через неделю Поляков вернулся в Москву; начались устные переговоры между ним и основными сотрудниками «Весов». По их настоянию Поляков дал согласие продолжать «Весы» еще год. Была выработана новая конституция «Весов», в корне изменившая их редакционный уклад. Во главе журнала (как видно из воспоминаний Белого и переписки сотрудников журнала в 1909 г.) был поставлен Комитет, состоявший из Полякова, Брюсова, Балтрушайтиса, Ликиардопуло, Соловьева и Эллиса. Заведование отделами распределялось между отдельными членами Комитета. Руководство литературным отделом поручалось Брюсову, отдел теоретических статей достался Белому. Официальным редактором продолжал считаться Поляков.

«Сколько кажется, положение определилось такое,— пишет Брюсов Н. Петровской 25 января/7 февраля 1909 г.,— «Весы» издаваться будут, но я не буду их редактировать. Остаюсь лишь одним из «ближайших сотрудников». Редактировать официально берется сам Сергей Александрович, но сведется это, конечно, к тому, что будут «Весы» выходить под редакцией М. Ф. Ликиардопуло. Думаю, что от этого они не станут хуже, чем были, потому что все в них заведено на несколько лет. Но, разумеется, они не станут лучше, а это — смертный приговор. Живо только то, что идет вперед, что становится «лучше». Что же делать! Более я не могу приносить себя, свою душу, свою деятельность и свою гордость в жертву «Весам» (см. наст. том, стр. 796).

Свое отдаление от редакционной жизни «Весов» Брюсов — как явствует из приведенных выше строк его письма к Н. Петровской — воспринял в конечном счете сравнительно спокойно. По-видимому, такой финал даже устраивал Брюсова — освобождал его от тяжелой редакционной работы, предоставлял возможность отдавать больше сил своему художественному творчеству и развязывал руки для сотрудничества в других периодических изданиях, имеющих широкую читательскую аудиторию. Об изменении своих отношений с «Весами» Брюсов счел необходимым заявить и со страниц журнала. В особом «письме в редакцию», датированном 1 марта 1909 г. и адресованном Полякову, Брюсов писал: «С января 1909 г. обстоятельства личной моей жизни и разные предпринятые мной работы заставляют меня несколько видоизменить мои отношения к «Весам». Надеясь быть по-прежнему деятельным сотрудником «Весов», я, вероятно, не буду иметь возможности содействовать журналу как-либо иначе» (1909, № 2, стр. 89).

Известие о том, что Брюсов покидает «Весы», привлекло к себе общественное внимание. Пресса немедленно откликнулась на этот факт ¹⁸⁹. Показательна в этом плане реакция А. В. Амфитеатрова. В письме к Брюсову от 9 июля 1909 г. он писал: «Итак, вы перестали редактировать «Весы»? Чувствую себя маленьким пророком, потому что несколько месяцев тому назад говорил Горькому и напечатал в одной статье, что в «Весах» 1908 года сказывается, будто платье это вами сношено и вы шьете себе какое-то другое «...» Кто же, однако, заменит вас в «Весах»? Роль редактора в таком журнале представляется мне дьявольски трудною...» ¹⁹⁰ Интерес к заявлению, сделанному Брюсовым, лишний раз свидетельствует о том, что современниками он всегда воспринимался как руководитель журнала или, говоря словами М. Кузмина, как «душа «Весов» ¹⁹¹.

Описывая конфликтную ситуацию в журнале конца 1908 г., А. Белый сообщает некоторые подробности. Согласно его воспоминаниям, в 1908 г. «на горизонте Москвы» появился С. В. Лурье, весьма состоятельный человек и литератор, автор рецензий и статей на философские темы, сотрудник газеты «Русские ведомости» и журнала «Русская мысль». Лурье был в то время «преисполнен планами и проектами реформы захиревающей «Русской мысли» 192. Из этого журнала Лурье, по словам Белого, задумал сделать универсальный орган, в котором кадеты во главе с П. Б. Струве должны были печататься вместе с символистами. Чтобы освободить сотрудников для этого нового органа, Лурье предполагал ликвидировать «Весы» и «Московский еженедельник» софа Е. Н. Трубецкого. Для осуществления своих замыслов Лурье, по утверждению Белого, и вступил в переговоры с Брюсовым. «Нас поразили,— пишет Белый,— тревожные слухи о том, будто Брюсов с Лурье за спиною у нас переговариваются о том, как удобнее покончить с «Весами»; В. Брюсов, которого мы подняли на щит и который был нужен нам как знамя. — передавался «чужим», топя собственный орган; и — нас; тот поступок его рассердил нас до крайности; в нем мы увидели явно измену «заветам» 193. Вместе с М. К. Морозовой, издательницей «Московского еженедельника», ближайшие сотрудники «Скорпиона», -- рассказывает А. Белый, -- решили препятствовать проектам Лурье и отстаивать «Еженедельник» с «Весами».

ГОСТИНИЦА «МЕТРОПОЛЬ» В МОСКВЕ
В этом здании помещались издательство «Скорпион» и редакция «Весов»
Фототиния, 1900-е годы
Музей истории и реконструкции Москвы

Материалы архива Брюсова позволяют существенно уточнить факты, изложенные Белым. На грани 1908-1909 гг. Брюсов действительно вел переговоры с Лурье. Возможно также, что дипломатичный Брюсов поддерживал (во всяком случае, на словах) планы Лурье, предусматривавшие полную ликвидацию «Весов». Стремление выйти за пределы символистского лагеря, отсутствие «собственного» печатного органа, личная обида — все это, бесспорно, толкало Брюсова на сближение с «Русской мыслью». И все же переговоры с Лурье велись скорее всего не в конце 1908 г., а в начале 1909 г., т. е. уже после того, как положение Брюсова в «Весах» 1909 г. окончательно определилось. Это подтверждают, как уже было сказано, и архивные документы. Письма С. В. Лурье к Брюсову, в которых говорится о возможностях сотрудничества Брюсова в «Русской мысли», относятся к марту 1909 г. 194 В открытке Брюсова из Петербурга, адресованной И. М. Брюсовой, сказано: «...дело с «Русской мыслы» налаживается. (...) Начинаю заговаривать с главными авторами. Впрочем, пока не окончательно». Открытка Брюсова датирована 7 марта 1909 г. 195 Наконец, в «Дневниках» Брюсова, в записи, относящейся к «зиме 1908—1909», события тех месяцев изложены в следующей последовательности: «Переговоры о «Весах». Согласие С. А. (находящегося в Италии) уступить их бывшим сотрудникам. Сношение с С. А. Соколовым. Чета Владимировых и их извороты. Неожиданный оборот дела с «Весами». С. А. отказывается от своего слова. Я оставляю «Весы». Тщетные переговоры с «Русской мыслыю» Лурье» (Диевники, стр. 141) 196.

После размолвок и столкновений конца 1908 г., приведших к отдалению Брюсова от журнала, единство скорпионовцев было нарушено. Последний год существования «Весов» окрашен постоянными недоразумениями. В новообразованном Комитете сложились, по словам Белого, две группировки — размежевание, отразившее не столько идеологические разногласия, сколько личные и внутриредакционные отношения. Одна группа состояла из Эллиса и С. М. Соловьева, которые продолжали настойчиво выдвигать Брюсова как признанного вождя русского символизма «Я <...> верю только в вас одного, — писал Эллис Брюсову. — Ни Мережковский, ни А. Белый (что говорить о других) не способны быть вождями движения, будучи гениальными людьми» 197.

Остальные члены Комитета — Балтрушайтис, Ликиардопуло, Поляков — в идейном отношении были еще менее связаны между собой. Они выдвигали своим лидером Белого. Впрочем, Балтрушайтис в делах Комитета почти не участвовал. Всеми организационными и хозяйственными делами в 1909 г. ведал Поляков; ему активно помогал Ликиардопуло.

Отношения между Брюсовым, с одной стороны, и Поляковым и Ликиардопуло — с другой, были в 1909 г. чрезвычайно неровными и неспокойными. Трения между Поляковым, владельцем журнала, и Брюсовым, его фактическим руководителем, возникали и ранее, но в начале 1909 г. они стали еще острее. «Одной из внутренних [основных] причин моего окончательного уклонения от [редакционных] дел в «Весах»,— писал Брюсов Бальмонту,— и было то, что я [требовал решительной реформы конторы и мне в этом было отказано. Сергей Александрович еще готов был, скрепя сердце, соглашаться на реформы редакционные, но решительно почел вне моей компетенции дела конторы]» ¹⁹⁸.

В этом же письме Брюсовым живописно обрисована ситуация, сложившаяся в редакции «Весов» в первой половине 1909 г. Отвечая Бальмонту, который был глубоко уязвлен невниманием к нему редакции, Брюсов писал: «Дорогой Константин! (...) Все, что ты сообщаеть об отношении к тебе конторы «Весов», ужасно, даже чудовищно. Но должен сознаться, что удивить меня твое письмо не удивило. Почти то же писали мне раньше З. Гиппиус, Н. Лернер, А. Элиасберг и др. Наконец, я сам испытал нечто подобное, когда жил в Петербурге. Помнится, я уже рассказывал тебе, как я написал в «Весы» пять писем (два — Сергею Александровичу, три — Ликпардопуло) и получил в ответ одно, подписанное нашим Василием. Отношение к сотрудникам в «Весах» и «Скорпионе» похоже на отношение к пиратам или точнее (ибо с пиратами ведется открытая и порою красивая борьба) на отношение какой-то высокой особы к надоедливым просителям». Письмо Брюсова содержит резкие выпады против Ликиардопуло, который на последнем этапе существования «Весов», как уже было упомянуто, принимал активнейшее участие в редакционной жизни журнала. «Ликиардопуло (...) после моего ухода, пишет Брюсов, — почувствовал себя временщиком на том основании, что ежедневно завтракает за счет Сергея Александровича и держит себя со смешной, но все же неприличной надменностью» 199.

Описывая «дрязги «Весов», Брюсов тем не менее уговаривал Бальмонта не порывать с журналом. «Однако (...) очень проту тебя — не принимай решения, которое порою как бы напрашивается: не покидай «Весов» и «Скорпион». Прошлое «Весов» и «Скорпиона», пусть исполненное всяких промахов, оставляет за ними самые широкие возможности в будущем. Необдуманно было бы из-за недостатков отдельных лиц отвергать пелое дело, которое уже получило самостоятельное бытие, переросло своих основателей и движется далее своей собственной внутренней силой» 200. Однако доводы Брюсова не помогли. Бальмонт, который еще совсем недавно был преисполнен решимости расширить свое сотрудничество в журнале 201, порвал с ним в мае 1909 г. и печатно объявил, что считает роль «Весов» «окончательно сыгранной» 202. Если к этому добавить, что и М. Н. Семенов в последний период существования журнала в редакционных делах участия не принимал, то станет ясно: некогда дружный кружок зачинателей «Скорпиона» и «Весов» к 1909 г. быстро распадался.

Глубокие разногласия между членами Комитета неоднократно побуждали их к действиям, направленным на достижение единства, хотя бы временного. Так, А. Белый предпринял (видимо, в апреле-мае 1909 г.) отчаянную попытку объединить разрозненные силы сотрудников «Весов». В недатированном письме к М. Ф. Ликиардопуло Белый писал: «Дорогой и многоуважаемый Михаил Федорович ⟨...⟩ Ввиду разговора с Валерием Яковлевичем, который говорит приблизительно все то же, что и мы, и минуя личные споры, возможно идейное продолжение нашей группы, возможно и безидейное; «Весы» во всяком случае должны быть. Но: я настаивал на том (почин мой) с согласия Брюсова, Эллиса, Соловьева (повторяю, мысль моя) на экстренном заседании Комитета (вне очереди) в течение этой недели ⟨...⟩ Заседание это чрезвычайно важно! Имеется целый ряд принципиальных заявлений; если такового собрания не будет, ближайшее обсуждение программы следующего № (майского) не будет иметь, пожалуй, никакого смысла. «Весы» должны быть (это прежде всего и бесспорно); но вот — как должны быть «Весы» — вопрос другой: и для него-то экстренное собрание необходимо…» ²⁰³,

Однако усилия Белого оказались тщетными: журнал агонизировал. Работа в «Весах» становится для сотрудников все более тягостной. Члены Комитега не справляются со своими обязанностями. Журнал выходит с большим опозданием; порой не хватает материала для очередного номера. «Все чаще появляется в «Весах» С. А. Поляков, растерянный, не знающий, что делать. Былой дисциплины и в помине нег. Ликиардопуло доходит до того, что правит брюсовские статьи», — рассказывает Садовской в «Воспоминаниях сотрудника» ²⁰⁴. Садовской, видимо, не преувеличивает, когда пишет, что «к осени почти все видные сотрудники отошли от журнала; им заправлял Ликиардопуло...» ²⁰⁵. «Положение дел в «Скорпионе» и «Весах» довольно плачевное, — сообщает Брюсову Поляков 1 октября 1909 г.— № 8 еще не выходил, для № 10 не набрано ни строчки, набрана только половина № 9» ²⁰⁶.

Наиболее деятельным сотрудником «Весов» (наряду с Белым) в 1909 г. оставался Эллис. Почти каждый номер журнала за этот год содержит его стихи или статьи (из них наиболее принципиальные: «О современном символизме», «Итоги символизма», «Культура и символизм»). В июне-июле Эллис даже замещал Ликиардопуло на посту секретаря редакции. Однако в августе 1909 г. вокруг Эллиса разразился громкий скандал. Эллис был обвинен (со значительным преувеличением его действительной вины) в хищении книг из Румянцевского музея. Обвинению дали ход. Оно стало достоянием прессы, которая, связав имя Эллиса с «Весами», подняла шум ²⁰⁷. «Дело Эллиса» истрепало нервы не только злополучному герою скандала, но и его коллегам по журналу. В недатированном письме к А. Белому (судя по содержанию, оно относится к началу августа 1909 г.) Ликиардопуло рассказывал: «Дорогой Боря. Пишу тебе конфиденциально. Вчера и сегодня все газеты трубят про инцидент с Эллисом в Румянцевском музее, который ставят в непосредственную связь с «Весами» и всей нашей группой. В публике творится нечто ужасное, ни с кем нельзя почти говорить, чтобы не нарваться на оскорбления. Приводится, конечно, довод, что «Весы» и «Скорпион», так отстаивающие культуру и уважение к книге, терпят среди своих человека и т. д. (...) Необходимо во что бы то ни стало редакционное собрание 12 августа. Ты обдумай, что нам делать. Положение отвратительное. У меня прямо руки опускаются» 208.

Некоторое время спустя Ликиардопуло писал Брюсову: «...наше положение здесь в течсние 2—3 недель было ужасным. Каждого почти откровенно называли вором, обобщая дело Эллиса...» ²⁰⁹. Эллис яростно защищался: он опровергал инсинуации со страниц «Весов» (1909, № 7, стр. 104, и № 10—11, стр. 178—179), готов был драться на дуэли с каждым, кто предъявит ему «обвинения, обидные для чести» ²¹⁰. Судебное дело вскоре было прекращено за недостаточностью улик против Эллиса. Однако «Весам» был нанесен тяжелый моральный урон. «Мы ославлены на всю Россию как шарлатаны, как воры; нужен по крайней мере ряд судебных процессов, чтобы реабилитация была; нужен по крайней мере год, чтобы оправиться»,— писал Белый Э. К. Метнеру ²¹¹. «Скандал Эллиса, хоть и косвенно, но задел «Весы» и, несомненно, ускорил их агонию»,— подытоживает Садовской ^{212–213}.

Трения между сотрудниками журнала, жестокое потрясение извне — все это, без сомнения, подрывало жизнеспособность «Весов». Однако закат журнала был предопределен и иными причинами — более общего порядка. Новая перегруппировка сил внутри русского символизма, которая обозначилась именно к 1909 г., привела к тому, что «Весы» стали терять свою роль боевого «фракционного» органа, борющегося за «ортодоксальные» принципы школы.

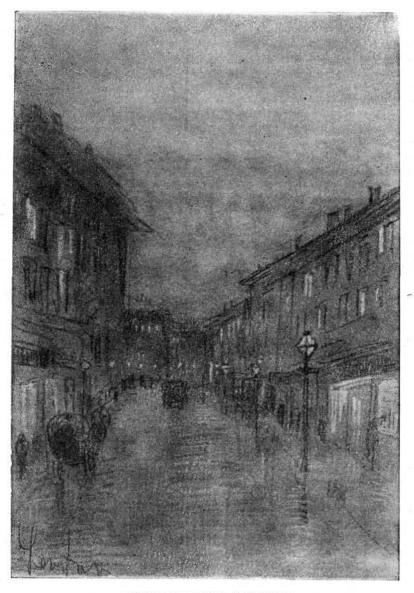
Во-первых, модные в 1906 п 1907 гг. тезисы петербургских символистов о «мистическом анархизме», «соборности», «преодолении индивидуализма» и т. д. притупились и потеряли свежесть уже к концу 1907 г. Во второй половине 1907 г. Блок выступил (и притом со страниц «Весов») против причисления его к «мистическому анархизму» (1907, № 8, стр. 81). Чуть позже в газете «Товарищ» было опубликовано заявление В. Иванова, в котором он, не отрекаясь прямо от «мистического анархизма», все же отмежевался от деклараций Чулкова ²¹⁴. Заявление это было перепечатано в «Весах» (1907, № 9, стр. 75—76). Кризис «мистического анархизма» был осознан, по-видимому, п редакцией «Факелов»: на 3-м выпуске (1908) это издание прекратилось. Отступая от своих прежних заявлений о «преодолении индивидуализма», Г. Чулков пи-

сал в 1909 г.: «Не станем себя обманывать: наша эпоха еще индивидуалистическая...» ²¹⁵. Еще более решительно о кризисе «мистического анархизма» заявил С. Городецкий ²¹⁶.

Эти заявления, а также положительные отзывы о Брюсове и Белом, которые начали появляться в «Золотом руне», свидетельствовали, по существу, о затухании полемики. «Весы», в свою очередь, стали мягче относиться к «петербуржцам» и уже в 1908 г. заметно ослабили атаку. Пикировка между обепми «фракциями» символизма продолжалась в 1909 г., так сказать, «по инерции» и не выдерживала никакого сравнения с прежней схваткой. Одновременно «Весы» заметно смягчают (хотя и прододжают) критику «вульгарного» символизма, которую столь активно вели в предыдущие годы. Процесс распространения модернизма в его различных формах приобретал такие размеры, что всякая мысль о сопротивлении ему казалась несбыточной. «Весы» не изменили своего мнения о «эпигонах» и «примазавшихся», но продолжать бесплодную борьбу с ними считали, видимо, нецелесообразным. Несколько ослабляется в «Весах» 1909 г. и борьба с демократическим реализмом. Еще в № 9 за 1908 г. А. Белый превозносил «Исповедь» Горького, в первую очередь, конечно, за «богостроительские» идеи повести, за сочувственное изображение социально-религиозных исканий ее героя. В первом номере журнала за 1909 г. высокую оценку рецензента (В. Гофмана) получила и повесть Горького «Жизнь ненужного человека». Нападки на многочисленных противников «Весов» продолжает главным образом Б. Садовской — один из наиболее активных сотрудников журнала в 1909 г. Он по-прежнему ополчается против реалистов (Вересаев, Серафимович), в частности против писателей народнического направления (Муйжель, Олигер, Тан) и, разумеется, против Чулкова. В статье «Не оступитесь» (рецензия на третий сборник «Земля») Садовской «расправляется» со всем творчеством Куприна (1909, № 6).

Среди основных сотрудников «Весов» намечается некоторая переориентация. Как только боевые задачи потеряли для них прежнее значение, расшаталась и та коллективная, в большей мере тактически-негативная, чем позитивная, платформа, которая еще недавно объединяла столь различных по своим взглядам сотрудников журнала. Протест против попыток «преодоления индивидуализма» сменяется теперь осторожным признанием кризиса пндивидуалистического мировоззрения. Еще осенью 1907 г. Г. Э. Тастевен, секретарь редакции «Золотого руна», писал Г. И. Чулкову, улавливая сдвиг в позиции скорпионовцев: «Весы», в сущности, прекрасно сознают реакционность своей идеологической платформы и в изготовляемой под большим секретом программе они, как мне достоверно известно, будут что-то лепетать о преодолении индивидуализма (вероятно, под влиянием Белого...)» ²¹⁷. И, действительно: в каталоге на 1909 г. редакция, явно забывая свои прежние установки, оповещала читателей о том, что «Весы» решительно отделяют от вопроса об индивидуализме вопрос о символизме как методе творчества и защищают лишь последний». Там же говорилось и о том, что «миросозерцание передовых умов недавнего прошлого, которое можно определить названием «крайнего индивидуализма», ныне отжило свой век» ²¹⁸. Сужение задач, уступка петербургским символистам чувствуется в этой декларации, вне всяких сомнений ²¹⁹.

Тастевен не ошибался: вдохновителем этого нового для «Весов» направления был прежде всего Белый. Если в 1906—1908 гг. Белый руководствовался в первую очередь групповыми интересами, то теперь, когда «фракционная» борьба ослабла, он начал проводить собственную линию, которая уже резко отличалась от прежней линии «Весов», связанной главным образом с именем Брюсова (точнее, с его ориентацией на «автономное» искусство и западноевропейский модернизм). В некоторых отношениях Белый приблизился теперь к позиции В. Иванова. Согласно воспоминаниям Белого, перелом наступил именно на грани 1908—1909 гг. «В разговорах с Ивановым, — пишет он, — крепло сближение: в одинаковом понимании религиозно-философских задач; и отсюда же — в одинаковом понимании символизма; падало разделение на «Скорппон», на «Оры» (Москву, Петербург)... Намечался идейный союз нас троих (символистов): я, Блок, Иванов; ликвидировалась «полемика» ²²⁰. Впрочем, не один Белый — все члены редакции ясно сознавали, что полемический период изжит. Вопрос о «ликвидации полемики» обсуждался коллегиально еще в конце 1908 г. В письме к В. Ива-

ТВЕРСКАЯ УЛИЦА В МОСКВЕ-С рисунка И.И.Левитана «Весы», 1907, № 1

нову от 12 ноября 1908 г. Брюсов пишет: «С 1909 года «Весы» будут вновь преобразованы.(...) часть полемическая в «Весах» будет сведена на minimum: это единогласное решение всех московских «ближайших сотрудников»» (см. наст. том, стр. 516).

Сдвиг, образовавшийся в «Весах», засвидетельствован содержанием журнала за 1909 г. Особенно показательна в этом плане статья Белого «Настоящее и будущее русской литературы». В воспоминаниях Белого сказано: «...К концу 908 года $\langle ... \rangle$ рвались нити «Весов», иль культурного дела с В. Брюсовым; это я выразил в лекции «Настоящее и будущее русской литературы» ($Harano\ ee\kappa a$, стр. 172). В этой статье Белый, в сущности, изменяет «индивидуалистической» линии «Весов» и установке на «автономное искусство», а «западнический уклон» объявляет пережитком. «В литературных вкусах русских символистов,— с удовлетворением констатирует Белый,—

углубилась старая, тенденциозная, национальная литература» (1909, № 3, стр. 75). Развивая одну из основных тенденций собственного мировоззрения, определившуюся значительно раньше (ср. его статью «Луг зеленый» в № 8 «Весов» 1905 г.), Белый выдвигает теперь на первый план национальную культуру. Перекликаясь с Блоком п В. Ивановым, Белый трактует ее, условно говоря, в «славянофильско-народническом» утопическом аспекте. Белый упрекает даже русских «ницпеанцев» и «индивидуалистов» в игнорировании народной религии, в то время как в предшествующий период он говорил о законности одной лишь индивидуалистической нормы религиозного сознания. По духу своему вся статья Белого — скрытая полемика с Брюсовым. «Анти-западнический» дух пронизывает и статью Белого «Штемпелеванная калоша». «Ударяясь в космополитизм, — пишет в ней Белый, — мы подкапываемся под самое содержание души народной, т. е. под собственную культуру...» (1909, № 9, стр. 74). Тема «Россия — Запад» (в целом чуждая «Весам») становится центральной в романе Белого «Серебряный голубь», текст которого занял значительную часть журнала в 1909 г. И хотя в решении этой основной темы сказалась характерная для «Весов» «западническая» ориентация, но все действие романа было погружено в ту самую русскую стихию, которая являлась тогда объектом пристального внимания для Блока и отчасти В. Иванова. Полемичный по отношению к «петербуржцам», роман Белого — скорее «петербургский» по своей проблематике.

Таким образом, «западническая» тенденция «Весов» в 1909 г. ослабевает. В предыдущие годы пнтерес к новой западной литературе — главным образом, модернистского типа — преобладал в журнале «Скорпиона» над стремлением связать себя с традициями русского классического искусства. Правда, и в 1904—1908 гг. в «Весах» появлялись статьи о Чехове и Достоевском, рецензировались, как было указано выше, многие книги по истории русской литературы XIX в., но в общем потоке журнального материала эти статьи и рецензии занимали сравнительно скромное место. Недаром Блок, для которого русская литература XIX в. всегда стояла на первом плане, еще осенью 1908 г. с раздражением отзывается о «западническом» направлении «Весов» 221.

В 1909 г. положение меняется. Материалы, связанные с русской темой, начинают преобладать на страницах «Весов» над обзорами западноевропейской литературы и корреспонденциями иностранных авторов. Характерный пример — 4-й номер «Весов» за 1909 г., почти целиком посвященный Гоголю.

В «Весах» наблюдается сдвиг и в соотношении двух главных линий русского символизма: линии Брюсова — с одной стороны, и «младших символистов» — последователей и продолжателей Вл. Соловьева, — с другой. Если в первый, «синтетический» период развития «Весов» «брюсовская» линия сосуществовала с линией Вяч. Иванова, а в 1906—1908 гг. господствовала, подавляя несходное с нею, то в 1909 г. она значительно отступает, тогда как на передний план отчетливо выдвигается линия Белого и Эллиса с преобладанием мистического уклона. Это последнее направление, близкое исканиям «петербургских» символистов, было представлено в «Весах» также п статьями В. В. Розанова, участие которого в журнале становится теперь, после трехлетнего перерыва, весьма ощутимым. Именно статьей Розанова с «христианским» заглавнем «О радости прощения» завершался последний, 12-й номер «Весов» за 1909 г.

Изменение курса «Весов» по отношению к «петербургским» символистам обозначилось даже у напболее яростного их врага — Эллиса. Если еще недавно самое имя В. Иванова вызывало в этом неистовом критике раздражение и даже ярость (Эллис не стеснялся называть В. Иванова «мерзавцем», «дарем хулиганов» и «лжецом в александрийском стиле» 222), то теперь, в 1909 г., он рассуждает о «петербургском мэтре» в совершенно ином для себя тоне. Рецензируя книгу В. Иванова «По звездам», Эллис говорит о ней как о «вдохновенной», «глубокой» и «дерзкой». Его восхищает в Иванове «самостоятельность методов и выводов, работа над первоисточниками», отсутствие «духа эклектизма и эпигонизма», хотя при этом Эллис принимает далеко не все положения В. Иванова. Прежние споры «Весов» с В. Ивановым Эллис объясняет известной нечеткостью терминологии, присущей, по его мнению, петербургскому теоретику. «Ведь именно эта самая запутанность терминов,— пишет Эллис,— дала повод некоторым критикам, и мне в том числе, возложить на В. Иванова значительную долю

ответственности за тот нелепый бред, который под этикеткой «мистического анархизма» несли адепты его, в роде Чулкова» (1909, № 7, стр. 55 и 60).

Хотя Эллис и раньше отклонялся в сторону «мистической динии» символизма, а позже, в 1910 г.— в эпоху известной итоговой полемики символистов в журнале «Аполлон»,— определенно осознал свою близость с В. Ивановым, он все же в 1909 г. оставался преданным Брюсову гораздо более, чем кто-либо иной из сотрудников «Весов». Сомнения в Брюсове как в идеологе символизма отчетливо выражены в статье Белого «Настоящее и будущее русской литературы» (1909, № 3, стр. 81); проскальзывают они и у Соловьева, в его статье «Символизм и декадентство» (1909, № 5, стр. 53—56). В целом же взгляд на Брюсова как на вождя группы, как на знамя, символизирующее ее единство, сохранялся дольше, чем верность принципам, которые традиционно связывались с представлением о Брюсове и которые для самого Брюсова в значительной мере потеряли прежнюю актуальность («индивидуализм», «автономное искусство», тяготение к западноевропейской культуре). Именно этим обстоятельством, а также остатками былой дисциплины, сохранившейся в журнале от «боевого» периода, объясняется отсутствие в «Весах» 1909 г. междоусобной полемики Белого и Брюсова (предпосылки к ней уже существовали).

Сам Брюсов все больше отдалялся от журнала. Его отношение к религиозномистическим исканиям Белого и других сотрудников «Весов» было, как известно, скептическим. Еще в 1905 г. в письме к Перцову он называл Белого «запредельным граммофоном» и «выкликателем условно мистических слов» 223. Со временем это чувство отчужденности все более возрастало. И не удивительно: все видные русские символисты, участвовавшие в «Весах», уже не поддерживали «брюсовскую» линию журнала. Она была чуждой не только В. Иванову, Белому и Блоку, но и Гиппиус, и Мережковскому, и Сологубу, и даже Соловьеву и Эллису. Некоторые из них, например, Мережковский, порой оказывались временными «тактическими» союзниками Брюсова, но никогда — его подлинными единомышленниками. Ближе других по духу своей поэзии стоял к Брюсову будущий акмеист Гумилев, но он был тогда еще начинающим, малоизвестным автором. Не случайно Брюсов уже в 1907 г. сравнивал себя — хотя бы и гиперболически — с «заложником в неприятельском лагере». Граница между ним и другими членами редакции существовала всегда. В «Весах» последнего периода она обозначилась с полной очевидностью и резкостью.

Растущее отчуждение Брюсова от его товарищей по символизму было вызвано также изменением его собственных эстетических взглядов, о котором отчасти уже говорилось. К концу существования «Весов» Брюсов был уже далек от приверженност и к «новому искусству». Он воспринимает теперь критически не только «религиозномистическую» линию русского символизма, но и «эстетическую» и даже шире — все движение в целом. Так, в одной из своих статей 1908 г. Брюсов решительно осуждает крайний субъективизм Ф. Сологуба. «Совершенно чужды нам стихи,—заявляет Брюсов, — в которых Сологуб излагает свою философию крайнего солипсизма...» (1908, № 6, стр. 53). Прежнее пристрастие Брюсова к интуитивной эстетике сменяется у него интересом к научным теориям Потебни и Рене Гиля. О «Ключах тайн» — основополагающей для «Весов» статье 1904 г. — Брюсов пишет Венгерову 16 декабря 1910 г.: «...Давно я с этой статьей не согласен» ²²⁴. Бесспорно, прав был А. В. Луначарский, который уже в 1908 г. писал о том, что по отношению к своим прежним единомышленникам Брюсов — «отпавшее звено» ²²⁵.

По устному сообщению Белого, Брюсов в начале 1909 г. на собрании ближайших сотрудников журнала вполне серьезно предлагал пригласить в «Весы» Горького, и Горький, будто бы, знал об этом брюсовском проекте («цельный Горький, — пояснил Белый в той же беседе, — был приемлемее смешанного Леонида Андреева»). Сообщение Белого не кажется невероятным, поскольку отношение Брюсова к Горькому за пять лет, действительно, изменилось. «Пользуюсь еще раз случаем выразить вам мое глубокое уважение и лично к вам и к вашему творчеству — уважение, которое с годами освобождается от примеси разных случайных чувств, растет и крепнет», — пишет ему Брюсов 27 июля 1910 г. ²²⁶. Эти слова Брюсова резко контрастируют с его прежними выпадами против Горького.

Приблизительно к этому же времени намечается — поначалу еще не вполне определенно — перелом и в поэзии Брюсова (стихи 1906—1909 гг., сборник «Все напевы»). Апология героев гордых, неистовых, презирающих человечество, условные формы и иносказания сменяются у Брюсова «зарисовками с натуры», движением к психологизму и большей конкретности ²²⁷. В одной из своих статей 1910 г. Брюсов высказывает давно назревшее в нем убеждение в том, что «начало всякого искусства — наблюдение действительности» ²²⁸. Заключительный отдел «Всех напевов» открывается стихотворением, выразительно озаглавленным «Оправдание земного». Характерно также признание, сделанное Брюсовым в письме к А. Малеину 30 июля 1911 г. «Всячески сетую на писателей IV в., — писал Брюсов, имея в виду римских поэтов периода упадка, — что они так заботились о красоте слога и так сравнительно мало говорили об окружающей жизни: урок современным писателям и, прежде всего, мне самому...» ²²⁹. Едва ли не резюмирующим выводом звучит признание Брюсова в беседе с одним из его интервьюеров: «...Я ушел из «Весов» именно потому, что почувствовал, каким уже пережиточным, отсталым явлением стала их проповедь» ²³⁰.

Приняв все это во внимание, нетрудно понять, почему в последний год издания «Весов» Брюсов печатался в этом журнале значительно реже, чем прежде. Число выступлений Брюсова в «Весах» в 1909 г. (согласно новейшей библиографии его работ) равняется 12, тогда как в 1904 г. их насчитывалось 81 (если при этом вспомнить, что в «Весах» первого периода Брюсову принадлежит целый ряд неподписанных заметок и материалов, то разрыв между этими цифрами станет еще более внушительным). Наиболее значительные выступления Брюсова в «Весах» 1909 г. — его статья «Испепеленный», посвященная Гоголю (№ 4), рассказ «Через пятнадцать лет» (№ 12), три стихотворения в №№ 1, 2 и в 10—11 и перевод двух поэм Верхарна. Все остальное мелкие заметки и рецензии. Несмотря на это очевидное обстоятельство и даже на заявление, сделанное самим Брюсовым, современники продолжали вплоть до прекращения «Весов» воспринимать его как фигуру, имеющую для журнала центральное значение. На деле же идейным руководителем «Весов» в 1909 г. был, скорее, А. Белый, чем Брюсов. Недаром Белый столь активно боролся за направление журнала в 1909 г., за определенность его платформы и призывал «принять все меры к водворению ясности и единения во взглядах на идейные задачи журнала между членами Комитета» 231. Об этой «стихийно» установившейся роли Белого не догадывались, однако, даже такие близкие к «Весам» литераторы, как, например, З. Гиппиус. Она писала Белому, который, как можно предполагать, уведомил ее о переговорах Брюсова с Лурье: «Что же касается самих «Весов» — то я «гадких» причин ухода Брюсова и не подозревала, он мне лично говорил весной, что все очень мирно, я же и тогда думала, - и от него не скрывала, — что «Весы» с его уходом кончатся. Вы нам не писали (вспомните-ка!), что после Брюсова — «Весы» делаются вашим делом, и мы ничего об этом не знали. И, напротив, были слухи, что и вы оттуда уходите, основывая свой журнал «Плеяды». Мы ждали вашего дружественного туда зова и уж, конечно, если бы мы вам понадобились для вашего журнала (как я порой надобилась Брюсову), то не вам бы мы отказали! Но от вас не было ни слова, как же мы могли знать, что «Весы» — ваш журнал! Напротив, убежденная, что и вы, как Брюсов, относитесь уже к ним индифферентно, не находя там близкого кружка, — я совершенно от них отдалилась» ²³².

Разногласия между сотрудниками, редакционные неурядицы в известной мере отразились и на издании «Весов»: сдвоенные выпуски, неравномерное распределение материала внутри номеров и т. д. Впрочем, по содержанию «Весов» читателю, не посвященному в проблематику символизма, трудно было уловить перемены, свершившиеся в журнале. Сохранился в целом и состав сотрудников, а новые сравнительно с 1906—1908 гг. нотки, которые зазвучали в выступлениях Белого, Эллиса, Соловьева, были слышны лишь в среде лиц, близких к журналу. Что касается подписчиков, то число их в 1909 г. вновь понизплось — до 1190 человек, т. е. стало на 500 человек меньше, чем в «рекордном» 1908 г. Соответственно упал и тираж издания: достигнув на рубеже 1908—1909 гг. своей высшей точки (около 2000 экземпляров), он определяется в 1909 г. средней цифрой в 1490 экземпляров. Начиная с № 7 за 1909 г. до последнего номера журнала, тираж «Весов» твердо останавливается на цифре 1300 ²³³.

ЗАСТАВКА К СТИХОТЕОРНОМУ ЦИКЛУ ВЯЧ. ИВАНОВА «СЕВЕРНОЕ СОЛНЦЕ»
По рисунку И. Заттлера
«Весы», 1906, № 2

Эти кризисные явления не становились катастрофическими. Тем не менее все основные участники «Весов», понимая, что их общий путь уже пройден, спешат во второй половине 1909 г. обеспечить себе иные возможности литературной работы. Взгляды Брюсова, как уже говорилось, были устремлены к «Русской мысли». В Петербурге подготавливалось издание журнала «Аполлон» — к нему тянулись некоторые сотрудники «Весов», более других Гумилев. Этот журнал, в будущем связавший себя с акмеизмом, отчасти продолжал, видоизменяя, «брюсовскую» линию «Весов». Наконец, в кругу ближайших участников «Весов» шла напряженная работа по организации «Мусагета». Во главе дела стояли А. Белый, Эллис и главным образом Э. К. Метнер ²³⁴. Возникнув в 1910 г., это книгоиздательство стало новым центром русского символизма. Образование «Мусагета», в котором теоретические проблемы вытеснили художественную литературу на задний план, знаменовало собой новый этап в истории символизма.

1909 год, в течение которого Поляков обязался субсидировать «Весы», полошел к концу. В беседе с.Д. Е. Максимовым Поляков сообщил, что намеревался продолжать «Весы», изменив форму издания по образцу журнала Реми де Гурмона «Revue des idées», где печатались бы научные статьи («ведь я по образованию математик», — заметил Поляков). Сведения, полученные от Полякова, подтверждаются уведомлением от книгоиздательства «Скорпион», завершающим последний номер «Весов» за 1909 г. В этом уведомлении, подписанном Поляковым, сообщается, что «Весы» будут выходить и впредь в виде библиографических известий с литературным и художественным отделами» (стр. 192). Однако эта мысль не осуществилась. Не суждено было реализоваться и новому проекту Брюсова (он все еще не сговорплся с «Русской мыслью») продолжать «Весы» при условии их расширения.

В марте 1910 г. вышел последний номер «Весов» (№ 12 за 1909 г.). В прощальном обращении редакции «К читателям» говорилось: «...С чувством полного удовлетворения и с сознанием необходимости того, что мы делаем, мы приостанавливаем издание журнала, бывшего для нас в течение шести лет одновременно и тем островом, где мы укрывались от враждебных нашим идеям стихий, и питомником, где были заложены, согреты и дали свои всходы все дорогие нам идеи, переживания и образы. Из этого, само собой, следует, что причины, побуждающие нас приостановить «Весы», — не

поражение, а, напротив, достижение некогда поставленной ими себе цели». И далее: «Весы» были шлюзой, которая была необходима до тех пор, пока не слились два идейных уровня эпохи, и она становится бесполезной, когда это достигнуто, наконец, ее же действием. Вместе с победой идей символизма в той форме их, в какой они исповедовались и должны были исповедоваться «Весами», ненужным становится и сам журнал. Цель достигнута и ео ipso средство бесцельно! Растут новые цели!» (стр. 186, 190).

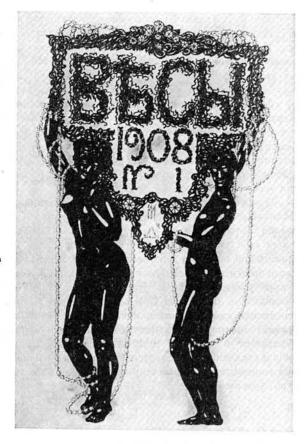
Разумеется, «победа», о которой с гордостью заявляли «Весы» в своем последнем номере, была призрачной. Было бы вернее сказать, что журнал проделал путь, отражающий развитие русского символизма, и остановился в тот момент, когда «новое искусство», которое «Весы» исповедовали в течение шести лет, было в своем первоначальном виде исчерпано и стремилось перестроиться на новых основах. Ощущение перелома, начала новой литературной эпохи проступает и в «прощальном слове» редакции «Весов», хотя и выраженное очень туманно. «Мы не хотим сказать (...), что символическое движение умерло, что символизм перестал играть роль идейного лозунга нашей эпохи. Немногим словам дано гореть и светить в великой исторической ночи. Немногим словам дано быть лозунгами, вести и озарять. Бесспорно, эта власть дана современному «символизму». Однако слова-лозунги горят неодинаковым светом в каждую эпоху (...) Вот мы победили! ... Но завтра то же слово станет иным лозунгом, загорится иным пламенем, и оно уже горит по-иному над нами!» (стр. 191).

«Весы» прекратились. Однако не прошло и двух месяцев, как основным сотрудникам бывшего журнала пришлось вновь объединиться для того, чтобы составить письменный протест, направленный С. К. Маковскому, редактору-издателю «Аполлона». Поводом для этого совместного (и на этот раз — уже последнего) выступления скорпионовцев послужила статья Г. Чулкова «Весы» ²³⁵.

В этой статье-«некрологе» Чулков — по причинам, видимо, не только объективным, — попытался дать шаржированную характеристику «Весам» и их вдохновителю — Брюсову. История «Весов» в его изложении распадается на два периода: до 1906 г. и после 1906 г. В течение первых трех лет, согласно Чулкову, «Весы» были исключительно журналом Брюсова, каждый их номер — «как бы новым портретом одного и того же лица». С явным пристрастием был обрисован Чулковым и сам «кормчий» «Весов»: «Журнал и человек,— пишет Чулков,— сливаются для меня в один образ. Это — русский стихотворец конца XIX века. Он уже не хочет быть «интеллигентом». Он свободен от политики, ему дорога литература, только литература, он — пушкинианец прежде всего. Но, кроме того, ему хочется быть завоевателем новых стран. Ему нравится война эстетических школ и смена направлений в искусстве (...) Ему хочется быть таинственным: он любит, чтобы ученики называли его «магом», и он занимается французским оккультизмом, невинным салонным оккультизмом...» Однако, продолжает Чулков, «злой жребий выпал на долю «Весов» после 1906 года. По-видимому, утомленный кормчий бросил челн на произвол судьбы и бедные юнги пустились в открытое море «без руля и без ветрил». В 1907—1909 гг. «Весы», по мнению Чулкова, стали выражением «русской истерики» начала века и утратили идейную и эстетическую цельность, отличавшую журнал в его первый период (по схеме Чулкова). «Сколько странных противоречий, смешных восклицаний, сколько бессильной и неумной полемики», — так характеризует Чулков «Весы» после 1906 г. «Пока чувствовалось влияние Брюсова, «Весы» были «Весами». С тех пор как влияние Брюсова стало незаметным, с тех пор как вместо живого человека с плотью и кровью в журнале стали появляться фантомы, повторявшие мертвыми устами мертвые формулы, - журнал перестал быть интересным и значительным...» 236.

В своем «протесте», составленном в середине мая 1910 г., бывшие участники «Весов» резонно указывали С. К. Маковскому на то, что «различные обвинения, в общем довольно тяжелые, выставленные в «некрологе» «Весов», в значительной степени теряют свою силу, так как подписаны лицом, у которого есть свои «счеты» с «Весами». В письме решительно опровергался также главный тезис Чулкова о «двух» принципиально разных «Весах»: «с Брюсовым» и «без Брюсова». «...Фактическая часть «некролога», написанная г. Георгием Чулковым, — отмечали сотрудники «Весов», —

РИСУНОК
Н. П. ФЕОФИЛАКТОВА
ДЛЯ ОБЛОЖКИ «ВЕСОВ»,
1908, № 1
Тушь
Литературный музей, Москва

исполнена всяческих опшбок, промахов и пропусков. Характеристика, которую он делает двум периодам жизни журнала или точнее двум его руководителям, будто бы (что неверно) направлявшим его деятельность до 1906 и после 1906 года, может вызвать только улыбку у всех, знакомых с истинным положением дел» ²³⁷.

Письмо подписали Брюсов, Белый, Ликиардопуло, Садовской и Эллис. В сопроводительном письме к Е. А. Зноско-Боровскому, секретарю журнала «Аполлон» (через него этот документ и был отправлен Маковскому), Брюсов писал: «Вероятно, к подписям под письмом присоединится еще имя С. Соловьева, которого сейчас нет в Москве и которому предложение подписать письмо послано» ²³⁸. Таким образом, против Чулкова единодушно выступили все ведущие сотрудники журнала 1909 г. Протест их, правда, не был опубликован в «Аполлоне»; зато в № 9 за 1910 г. редакция поместила два более объективных «некролога». Один из них принадлежал Н. С. Гумилеву, другой — М. А. Кузмину ²³⁹.

Выступление участников «Весов» не вызывает удивления: они все дорожили репутацией журнала, открывшего им дорогу в литературу, созданного ими и как бы олицетворявшего их собственное прошлое. В настоящем же их пути все более и более расходились. Перед каждым из них стояли «иные цели». Это с полной отчетливостью проявилось в первой половине 1910 г.— в эпоху известной полемики русских символистов, начавшейся с диспута на докладе В. Иванова в московском «Кружке свободной эстетики» и перекинувшейся затем на страницы журнала «Аполлон». Спор завязался вокруг основной идеи В. Иванова о «теургическом» («жизнестроительном») характере искусства, которая в несколько упрощенном толковании Брюсова сводплась к тезису «искусство должно служить религии» (Дневники, стр. 142). Все прежние союзники Брюсова по «Весам» (Белый, Эллис, С. Соловьев) приняли в этом расколе

сторону В. Иванова. Брюсов оказался в одиночестве; ему пришлось отстаивать свои взгляды едва ли не против всех наиболее видных русских символистов ²⁴⁰.

Дальнейшая эволюция Брюсова как поэта и критика подтверждает, что его отход от «Весов», точнее — от символизма, был закономерен. Все резче критикует Брюсов на этом этапе своего развития представителей «нового искусства» независимо от их ориентации внутри символистского лагеря. Красноречивый пример — его рецензия на сборник стихотворений А. Герцык, в прошлом — сотрудницы «Весов» (псевдоним — Сирин). Брюсов ставит в упрек поэтессе «оторванность ее поэзии от жизпи» и с явным неодобрением замечает, что «почти все в стихах г-жи Герцык — иносказанье» 241. Столь же показателен его некролог художнику В. А. Серову, которого Брюсов оценивает как «величайшего русского художника наших дней» прежде всего за то, что, «Серов был реалист, в лучшем значении этого слова. Он искал одного — верности тому, что есть» ²⁴².

О значительном эстетическом сдвиге, поставившем Брюсова на путь преодоления прежней символистской поэтики, уже говорилось. О нем свидетельствует также лирический сборник Брюсова «Зеркало теней» (1912). Та творческая потенция, которая проявила себя уже в книге «Все напевы», привела теперь к новым формам сближения брюсовской поэзии с действительностью, к усилению в стихах Брюсова исихологического момента, обращению к эмпирическим, предметным деталям и зарисовкам обыденной русской природы. На этой новой стадии эволюции эстетических взглядов и поэтического творчества Брюсова его работа в «Весах», если бы этот журнал даже и продолжал свое существование, вряд ли была бы возможна. Пути Брюсова и его бывших товарищей по «Весам» решительно разошлись и, очевидно, уже не могли сблизиться и привести к прежнему союзу. Постепенно преодолевая декадентский индивидуализм и символистскую поэтику, Брюсов шел к новым идейным и творческим горизонтам, которые открылись ему во всей своей широте только после Октябрьской революции.

примечания

 1 Н. Гумилев. Поэзия в «Весах». — «Аполлон», 1910, № 9, стр. 44.
 2 М. Кузмин. Художественная проза «Весов». — Там же, стр. 35.
 3 Письмо к В. Я. Брюсову от 20 октября 1907 г. — Елок, т. 8. М. — Л., 1963, стр. 217. У Блока встречаются, однако, и иные отзывы о «Весах», свидетельствующие о том, что его отношение к журналу, в особенности в период 1907—1908 гг., колебалось. См., например, его письма к С. М. Соловьеву от января и 26 февраля 1905 г., письма к Г. И. Чулкову от 26 августа 1907 г. и 18 сентября 1908 г. (*Елок*, т. 8, стр. 117, 119, 206, 254).

- ⁴ Д. Мережковский. В тихом омуте. СПб., 1908, стр. 101. ⁵ В. Брюсов. Открытое письмо В. П. Буренину.— «Новое время», 1908, В. Брюсов. Открытое письмо Б. П. Буренину.— «повое время», 1908, № 11494, 12 марта, стр. 14. Ср. также письмо С. А. Полякова в редакцию газеты «Столичная почта», 1908, № 253, 4 марта, стр. 6.
 Черновик письма от 19 апреля 1909 г.— ГБЛ, ф. 386. 69. 26.
 К. Бальмонт. Морское свечение. СПб., 1910, стр. 197.
 В. А. Поссе. Мой жизненный путь. М.— Л., 1929, стр. 119.
 В. Бальмонт. В веренице СПб., 1910, стр. 197.

9 ГБЛ, ф. 386. 99. 17, л. 1.

10 См. статью Д. Максимова «Новый путь» в кн.: В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930, стр. 131-254.

¹¹ Письмо от 14 апреля 1903 г.— ИРЛИ, разряд 3, оп. 2, ед. хр. 1249.

 12 Более подробно см.: Д. Е. Максимов. В. Брюсов и «Новый путь». — $\mathit{Л}H$, т. 27-28, стр. 276—298.

13 Д. Максимов. «Новый путь», стр. 203.

14 В. А. Дмитриев-Мамовов. Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. СПб., 1903, стр. 959. См. также: Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912, стр. 50.

15 В. М. Лобанов. Кануны. М., 1968, стр. 176.

16 ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, дело 1753, л. 7. В этом же деле имеются и сведения о По-

лякове, присланные Департаментом полиции в ответ на запрос Главного управления по делам печати (л. 6).

17 *Чулков*, стр. 92.

18 К. Д. Бальмонт. Будем как солнце. Книга символов. М., 1903. Ненумерованный лист с посвящениями.

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 464 (Б. А. Садовской), оп. 1, ед. хр. 3, л. 8.

20 О все возрастающем интересе к «новому искусству» живописио рассказывает А. Белый в своем письме к Э. К. Метнеру 9 апреля 1903 г.: «У нас в Москве страшное брожение: «новое» искусство разливается вширь, стучится в двери; «скорпионовская кучка» интересует всех: ее ругают, хвалят — но все интересуются. Словом, начался процесс ассимиляции. Образовалась целая порода молодых людей и девиц, которых газетные репортеры уже окрестили позорным, по их мнению, прозвищем «подбрюсков», «брюссенят», «брюссикое»... Характерно, что бывали случаи, когда Брюсовым увлекались и почтенные люди (даже старики) <...> Если Москва будет прогрессировать в том же направлении, то, по словам Бальмонта, она превратится в декадентский городок менее чем через два года» (ГБЛ, ф. 167 (Э. К. Метнер). 1. 13).

²¹ ИМЛИ, ф. 13 (В. Я. Брюсов), оп. 3, ед. хр. 30.

²² См. письмо Брюсова к М. Н. Семенову от 15/28 декабря 1904 г.— «Литературный критик», 1939, № 10—11, стр. 242.

²³ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, д. 1753, л. 1. ²⁴ ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 30.

25 ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, д. 1753, л. 12. 26 Там же, л. 10. 27 ГБЛ, ф. 386. 102.31. 28 ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, дело 1753, л. 10.

²⁹ Брюсов имеет в виду статьи, печатавшиеся в «Новом пути» в 1903 г.: J. С. Наши задачи в Сибири (№ 2) и А. Еропкин. Сельская община и прочный правопорядок (№№ 6-7).

³⁰ ГБЛ, ф. 386. 70. 37, л. 45—46. ³¹ ИРЛИ, ф. 240 (С. А. Поляков), оп. 2, ед. хр. 220. Аналогичный проспект «Весов» был опубликован в журнале «Новый путь», 1903, № 12 (раздел «Объявления», стр. 1).
³² «Новый путь», 1903, № 1, стр. 7.

³³ «Весы», 1904, № 1 (ненумерованный лист-вклейка). В дальнейшем все ссылки на «Весы» даются в тексте, без обозначения названия журнала, с указанием только года, номера и страницы. 34 «Весы — Скорпион». Проспект на 1905 г., стр. 2.

³⁵ Блок, т. 8, стр. 71. ³⁶ ГБЛ, ф. 386. 98.11, л. 37.

37 Письмо от 24 ноября 1903 г. — ГБЛ, ф. 386.75.31, л. 11. 38 ГБЛ, ф. 386. 98.12, л. 2.

³⁹ Василий — рассыльный «Весов».

- 40 Николай Петрович Феофилантов (1878—1941) московский художник-модернист, стилизатор; заведовал художественной частью «Весов».

 41 ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 3, л. 7—8.
- 42 В. М. Лобанов. Кануны, стр. 83; ср. роман С. Ауслендера «Последний спутник» (М., 1913), где, между прочим, описано помещение редакции «Весов». См. также лирическую повесть С. Боброва «Мальчик» (М., 1966, стр. 230—233); в ней дан живописный портрет Брюсова в редакции «Весов».

- «Искусство», 1905, № 8, стр. 55.
 Полемика Брюсова с В. И. Лениным подробно освещена в исследовательской литературе. См., напр.: И. Я и польский. Валерий Брюсов и первая русская революция. — Л.Н., т. 15, стр. 208; Б. Мейлах. Символисты в 1905 году. — Л.Н., т. 27—28, стр. 188; Максимов 1969, стр. 172—173; Б. Мейлах. Ленин и проблемы русской литературы XIX — начала XX в. Л., 1970, стр. 149—153; Б. Соловьев. «Весы» или «Коран московских упадочников». — В кн.: Б. Соловьев. От истории к современности. М., 1973, стр. 157-162.
- 45 Этот термин представляется более точным, чем весьма неопределенное понятие «чистого искусства», которое, кстати сказать, не раз относили к «Весам» литераторы, враждебные или сторонние журналу «Скорпиона». Брюсов, как уже указывалось, отвергал теорию «чистого искусства». «Кумир Красоты,— писал он,— столь же бездушен, как кумир Пользы» (TV, стр. 5). Не принимали ее и другие весовцы, да и весь русский символизм в целом. Эстетизм являлся характерной чертой художественной практики многих крупных и мелких представителей символизма, не превращаясь вместе с тем в их литературное кредо. Отметим, что это принципиальное положение отстаивает в своей статье о «Весах» и австрийский славист Г. В. Вытженс. См. его отстатью: Гюнтер В. Выт женс. Значение журнала «Весы» для истории русской литературной критики.— «Slavica pragensia». XII. (Acta universitatis Carolinae. Philologica 2-4), 1970, р. 257—269. «Понятие самодовлеющего эстетизма,— пишет Вытженс,— глубоко чуждо всем критикам «Весов» (стр. 264).

46 «Библиография В. Я. Брюсова». Ереван, изд. Ереванского университета (нахо-

дится в печати). Сведения сообщены Э. С. Даниелян.

47 Псевдонимы Брюсова установлены путем сопоставления следующих изданий и документов: «Библиография Валерия Брюсова. 1889—1912». М., 1913; И. Ф. М а-

санов. Словарь псевдонимов, т. 1—4. М., 1958; И. М. Брюсова. Псевдонимы Валерия Брюсова (машинопись с авторской правкой).— ГБЛ, ф. 386. 131. 5; В. Я. Б р ю с о в. Список всего, напечатанного мною, с указанием отзывов печати (автограф в тетради).— ГБЛ, ф. 386. 130. 19; Вырезки «Весов» с пометами, сделанными рукой В. Я. Брюсова.— ГБЛ, ф. 386, без шифра. Псевдонимом «Товарищ Герман» Брюсов подписался лишь однажды (1906, № 5), выступая против «Золотого руна». До и после него этим же псевдонимом пользовалась З. Гиппиус (1906, № 2, и 1907, № 5 и № 7). Однократно встречаются также псевдонимы: В. П. (1906, № 6), М. П. (1908, № 11) и К. Веригин (1908, № 11).

- 48 В начальный период «Весов» эти разделы составлялись и писались одним Брюсовым (см.: В. Я. Брюсов. Список всего, напечатанного мною, с указанием отзывов печати... ГБЛ, ф. 386, 130, 19, л. 39, 43, 47).
 - ⁴⁹ «Вопросы жизни», 1905, № 9, стр. 54.
 - 50 Статья «Поэт и чернь».— «Весы», 1904, № 3, стр. 8.
 - № ГБЛ, ф. 25 (А. Белый). 16.2.

52 Об участии М. Волошина в журнале «Весы» пишет В. А. Мануйлов в статье «Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин» в кн.: *Чтения 1971*, стр. 438—474. См. также: В. А. Мамонтов. М. А. Волошин в журнал «Весы».— В сб.: «Вторая научная конференция. Тезисы докладов по итогам научно-исследовательской работы за 1966 год». Южно-Сахалинск, 1967, стр. 201—203.

⁵³ Письмо от 17 января 1904 г. — ГБЛ, ф. 386. 80. 33, л. 11. Камил Моклер (Mauclair, 1872—1945)— французский живописец и художественный критик; Одилон *Редон* (Redon, 1840—1916) — французский художник, один из родоначальников символизма в живописи; Эдуард Вюйар (Vuillard, 1868—1940) — французский живописец, автор многих работ в декоративном стиле; Поль Серюзье (Sérusier, 1863—1927) — французский художник, инициатор известной группы «Наби», в которую входили П. Бочнар, Ф. Валлоттон, Э. Вюйар, М. Дени и некоторые др. Последователи Пювис де Шаванна

и О. Редона, «наби» были тесно связаны с литераторами-символистами.

Среди французских художников, с которыми Волошин встречался в Париже, был также Шарль Лакост (Lacoste, 1870—1959). В своем следующем письме из Парижа (почт. штемпель — 26 января 1904 г.) Волошин сообщает Брюсову: «Я вам уже писал, что переговорил (...) с Вюилларом, Серюзье и Лакостом, они уже переговорят с остальными. В принципе они согласны взять на себя украшения «Весов» <...> Лакост — младший из них — берется сделать сейчас же виньетки и украшения для целого номера, т. е. виньеток 20, не считая разных мелких рамок для заглавных букв...» (ГБЛ, ф. 386.80.33, л. 13-14). Переговоры, которые вел Волошин, оказались не безрезультатными. Редон выполнил обложку и все художественные украшения к №№ 4 и 5 за 1904 г., а Лакост — к № 7. Обложка Лакоста украшала также №№ 8 и 9 за 1904 г. (подробнее об оформлении «Весов» см. примеч. 163).

⁴ Недатированное письмо 1904 г.— ГБЛ, ф. 386.80.34, л. 3.

55 Подробнее — в статье А. Е. Маргарян «В. Брюсов и Рене Гиль».— Чтения 1966, crp. 511—538. ⁵⁶ PM, 1909, № 6, crp. 155—167.

57 Архив М. А. Волошина (ИРЛИ). Цит. по статье: В. А. Мамонтов. М. А. Волошин и В. Я. Брюсов. — «Ученые записки Хабаровского педагогического института», т. 31. Хабаровск, 1971, стр. 55.

58 Маркус *Бемер* (1879—1957)— немецкий художник-иллюстратор. «Insel»— модернистский журнал, выходивший в 1899—1902 гг. в Берлице.

 ⁵⁹ Недатировани е письмо начала 1904 г. — ГБЛ, ф. 386, 108.34, л. 9.
 ⁶⁰ К. Бальмонт. Морское свечение, стр. 196.
 ⁶¹ В. Я. Брюсов. Записные книжки. «Моя жизнь». Книга XIV. Записи предшествует помета: «1904. Начало года». — ГБЛ, ф. 386.1.16, л. 37 об.

⁶² Там же.

⁶³ Письмо от 22 февраля 1903 г.— ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 22.

64 ГБЛ, ф. 386.72.32.

⁶⁵ В. Я. Брюсов. Записные книжки. «Моя жизнь». Кинга $XIV-\Gamma БЛ,$ 386.1.16, л. 37 об.

66 Письмо от 25 августа 1904 г. — ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 24.

67 Б. М. Рунт, свояченица Брюсова, исполняла в 1905 г. обязанности секретаря редакции и выступала на страницах «Весов» с небольшими рецензиями. 68 ГБЛ, ф. 386.72.32.

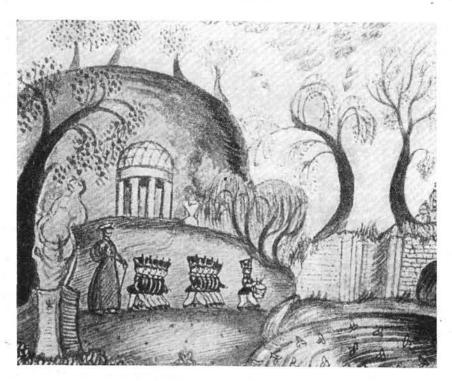
⁶⁹ «Литературный критик», 1939, № 10-11, стр. 242.

70 Отзывы некоторых русских газет о первых номерах журнала «Весы» см.: Ашукин, стр. 187—189. -⁷¹ Письмо от 13 декабря 1903 г.— ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 24.

⁷² Там же.

⁷³ Письмо помечено августом 1904 г.— ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 31.

²⁴ С. А. Поляков.

ПРОГУЛКА В ЛЕФОРТОВЕ С рисунка С. Ю. Судейкина «Весы», 1909, № 2

⁷⁵ Письмо от 13 декабря 1903 г. из Флоренции.— ГБЛ, ф. 386 102.31.

76 Там же.

77 Черновой текст письма Брюсова к М. Н. Семенову от 19 ноября 1904 г.-ГБЛ, ф. 386.72.32.

⁷⁸ Имеется в виду статья В. Иванова «Ницше и Дионис» (1904, № 5).

79 ГБЛ, ф. 386.102.31.

80 3. Н. Гиппиус.

81 Письмо от 26 марта 1902 г.— ЛН, т. 27-28, стр. 281. 82 «Весы — Скорпион». Проспект на 1905 год, стр. 2.

83 В. И. Ленин. Падение Порт-Артура. — Полн. собр. соч., т. 9, стр. 155.

84 Авторство Брюсова установлено на основании имеющегося в его архиве экземпляра корректурных оттисков «Весов» (ГБЛ, ф. 386, без шифра). В этом экземпляре рукой Брюсова зачеркнут весь не принадлежащий ему текст. Указанная рецензия не зачеркнута. Кроме того, авторство Брюсова подтверждается совпадением содержания рецензии и его письма к Перцову от 19 марта 1904 г. («Печать и революция», 1926, № 7, crp. 42).

85 ГБЛ, ф. 386.72.32. В последней фразе имеются в виду Максим Горький и Лео-

нид Андреев.

86 Письмо к Э. К. Метнеру от 14 июля 1904 г. — ГБЛ, ф. 167.1.37.

87 Недатированное письмо к Брюсову.— ГБЛ, ф. 386.100.8. 88 А. Блок. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965, стр. 97.

89 Этот аспект деятельности «Весов» подробно освещен в статье Б. Соловьева «Весы» или «Коран московских упадочников». — В кн.: Б. Соловьев. От истории к современности. М., 1973, стр. 140-181.

90 См. подробнее в статье Ю. М. Панияна «Критическая деятельность Брюсова в журнале «Весы».— «Молодой научный работник. Научные исследования, № 4, серия общественных наук». (На армянском и русском языках). Ереван, 1966, стр. 94-101. См. также: К. Д. М у р а т о в а. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.— Л., 1966, стр. 178—200.

91 «Не напишете ли рецензию для «Весов» о сборнике «Знания» (ХІ-м)?,— спра-

шивал Белого М. Ф. Ликиардопуло, секретарь «Весов». — Главным образом о драме

Андреева и о отрывках Горького <...>Все, кому мы здесь предлагали писать, намеревались чрезмерно хвалить Андреева, с чем редакция не совсем согласна. Надеюсь. вы сумеете лучше сообразоваться с симпатиями и взглядами «Весов» (недатированное письмо, написанное, судя по содержанию, в июле 1906 г. — ГБЛ, ф. 25.28.21). Белый, видимо, отказался; во всяком случае рецензия на XI сборник товарищества «Знание» в «Весах» не появилась.

92 «Студенты-сотрудники перестали ходить в редакцию «Весов» и решили бойкотировать наш журнал»,— жалуется Брюсов Перцову в начале 1905 г. (Письмо недатированное; получено 17 февраля 1905 г.— ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 25.)

93 Письмо не датировано. — ГБЛ, ф. 386.80.34, л. 6.

94 Там же, л. 9. 95 ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, дело 1753, л. 15.

⁹⁶ Там же, л. 18. 97 B. M. Pyhr.

⁹⁸ ГБЛ, ф. 386 (без шифра).

99 ГПБ, ф. 634 (А. М. Ремизов), оп. 1, ед. хр. 37.
100 «Печать и революция», 1926, № 7, стр. 44.
101 «Русский современник», 1924, № 4, стр. 234.
102 Подробнее см. в ст.: Э. С. Л ит в и н. «Революция 1905 года и творчество Брюсова» — в кн.: «Революция 1905 года и русская литература». М. — Л., 1956, стр. 198—245. См. также *Максимов 1969*, стр. 164—175.

103 «Печать и революция», 1926, № 7, стр. 43—44.

104 Дневники, стр. 136. 105 ГБЛ, ф. 386.107 46, л. 28.

106 «Михаил Иванович Пантюхов. Автор повести «Тишина и старик» (1880—1910)».

1911, стр. 16—17.

107 Письмо опубликовано И. М. Брюсовой в ее статье «Материалы к биографии Брюсова» (в кн.: Избр. стихи 1933, стр. 134).

¹⁰⁸ ГБЛ, ф. 386.113.17.

109 ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 3, л. 16—17. 110 «Скорпион — Весы». Каталог № 4, 1907, стр. 4. 111 «Зеленый сборник стихов и прозы». СПб., изд-во «Щелканово», 1905. Рецензия на это издание, написанная Брюсовым, была напечатана в № 1 «Весов» за 1905 г.

112 ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 33. 113 Письмо от 30 мая 1907 г.— ГБЛ, ф. 386.91.12.

114 ГБЛ, ф. 386.84.19. 115 ГБЛ, ф. 386.107.52.

116 Письмо С. А. Соколова к Г. И. Чулкову от 18 ноября 1906 г.— ГБЛ, ф. 371 И. Чулков). 3.45. 117 ИМЛИ, ф. 13, on. 3, ед. хр. 33.

118 О «мистическом анархизме» см. подробнее в кн.: В. Н. Орлов. Пути и судьбы. Литературные очерки, Л., 1971, стр. 562—572.

119 Первое столкновение Брюсова с идеями «мистических анархистов» произошло в январе 1906 г., во время пребывания его в Петербурге. В письме к Н. Я. Брюсовой от 31 января 1906 г. И. М. Брюсова рассказывает о споре, который происходил на квартире В. Иванова между Брюсовым, с одной стороны, и В. Ивановым и Чулковым с другой. «Чулков и Вячеслав разъяснили Вале, что такое мистический анархизм <...> На этом маситическом на сархизме построены целый ряд «Факелов», журнал, театр, издательство (...)Валя им, факельщикам, не сочувствует, а они не находят у Вали «неприятия мира» и повиновения им. Понятно, что Валя не будет в школе Чулкова, ин даже Вячеслава» (ГБЛ, ф. 386.145.34, л. 33 об.).

120 Письмо от 24 апреля 1906 г.— ЦГАЛИ, ф. 55 (А. Блок), оп. 1, ед. хр 174.

121 Г. И. Чулков в беседе с Д. Е. Максимовым утверждал, что основа бу-

«Кремнистый путь» (1904, № 1). Он говорил, кроме того, что главной причиной полемики считает запальчивость и наивность своих статей того времени, а также возникшее

на чисто личной почве раздражение Андрея Белого против него.

122 Очевидно, что сам В. Иванов не намеревался порывать с «Весами»; его отдаление от журнала произошло не без участия Брюсова. Об этом свидетельствует, например, фраза из письма И. М. Брюсовой к Н. Я. Брюсовой от 31 января 1906 г.: «Вчера Броня передавала Валин разговор с Сергеем Александровичем: «Иванов и Лидия Дмитриевна очень согласны сотрудничать, но я думаю, их надо держать в черном теле»

(ГБЛ, ф. 386, 145.34, л. 36). ¹²³ «Перевал», 1907, № 4, стр. 64—65. Известную роль в этом конфликте сыграл С. А. Соколов, уже в конце 1906 г. побуждавший Чулкова выступить против Брюсова и руководимого им журнала. «Помыслите для будущего о сокрушительной статье против «Весов», — писал Соколов Чулкову 28 ноября 1906 г. — ГБЛ, ф. 317) Г. Чул-

ков). 4.2. 124 ГБЛ. ф. 386.107.47, л. 20.

½5 С. Городецкий. Глухое время.— «Золотое руно», 1908, № 6.

¹²⁶ Письмо от 4 сентября 1908 г.— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 224.

127 А. Белый. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть на всех фазах моего идейного и кудожественного развития. (Рукопись 1928 г.) — ЦГАЛИ, ф. 53 (А. Белый), оп. 1, ед. хр. 74, л. 5.

¹²⁸ М. Неведомский. О «навых» чарах и «навых» тропах. — «Современ-

ный мир», 1908, № 2, стр. 209.
129 Письмо В. Я. Брюсова к Я. К. Брюсову от 21 июня/4 июля 1907 г. Опубликовано И. Ямпольским в его статье «В. Брюсов и первая русская революция». — ЛН, т. 15, стр. 214. ¹³⁰ Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция.— ГПБ, ф. 60 (А. Бе-

ед. хр. 121, л. 168.

лый), ед. хр. 121, л. 168. ¹³¹ А. Белый. Почему я стал символистом...— ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 74, л. 24.

132 Там же, л. 24—25. 133 Письмо А. Белого к Эллису, с датой: «Среда, февраль 1908 года».— ГБЛ,

134 Яркое свидетельство той остроты, которой достигали порой в «Весах» разногласия между Белым и Брюсовым, - цитированное выше письмо Белого к Эллису.

¹³⁵ В кн.: Корией Чуковский. Из воспоминаний. М., 1959, стр. 435. 136 Об этом эпизоде из истории «Весов» впервые сообщено в кн.: Максимов 1940,

стр. 75 и 289. ¹³⁷ Черновик письма Брюсова к Д. С. Мережковскому (апрель 1906 г.).—

¹³⁸ ГБЛ, ф. 386.70.38, л. 5. ¹³⁹ ГБЛ, ф. 386.82.37, л. 19 об. 140 ГБЛ, ф. 386.94.44, л. 12.

- 141 Письмо З. Н. Гиппиус к Брюсову от 25 сентября/8 октября 1906 г.— ГБЛ, ф. 386.82.38, л. 36.
- 142 В журнале «Золотое руно» (1906, \mathbb{N} 2, стр. 120) сообщалось: «В Петербурге возникает новый религиозно-общественный, философский и литературный журнал «Меч» при близком участии гг. Мережковского и Бердяева». Ср. письмо Д. В. Философова к Брюсову от 5/18 августа 1906 г. — ГБЛ, ф. 386.106.32, л. 24.

¹⁴³ ГБЛ, ф. 386.106.32, л. 23.

144 ГБЛ, ф. 386.82.38, л. 18 об.—19.

В. Философов.

146 ГБЛ, ф. 386. 70. 38, л. 5.

147 Там же, л. 17. Кроме двух беловых автографов проекта, сохранились два черновые его наброска в письме к 3. Гиппиус от 31 июля/13 августа 1906 г. (д. 4-4 об. ил. 15—15 об.).

148 Там же, л. 16 об. 149 ГБЛ, ф. 386.82.38, л. 24—26.

¹⁵⁰ Письмо от 20 февраля 1905 г.— ГБЛ, ф. 386.82.37, л. 21 об.

¹⁵¹ ГБЛ, ф. 386.82.38, л. 21 об.

152 Там же, л. 39.

153 ГБЛ, ф. 386.82.39, л. 58—58 об 154 ГБЛ, ф. 386.94.44, л. 14—14 об.

155 ГБЛ, ф. 386.71.60. л. 16—16 об. О том же Брюсов писал Гиппиус 8/21 октября

1906 г. (там же, ф. 386.70.38, л. 9).

156 Подробнее см.: С. С. Гречишкин, А. В. Лавров. Эллис — поэтсимволист, теоретик и критик (1900—1910 гг.).— «ХХУ Герцеповские чтения. Лите-

ратуроведение. Краткое содержание докладов». Л., 1972, стр. 59—62.
¹⁵⁷ Письмо не датировано (лето 1907 г.).— ГБЛ, ф. 167.7.6. Однако увлечение Брюсовым продолжалось у Эллиса сравнительно недолго. «...Я задыхаюсь, мне страшно грустно, что и Брюсов для меня умирает, что он бросил путь служения и сделался писателем, официальным литератором»,— пишет Эллис М. И. Сизовой 31 октября 1909 г. (ЦГАЛИ, ф. 575 (Эллис), оп. 1, ед. хр. 20).

¹⁶⁸ Письмо не датировано. — ГБЛ, ф. 386.109.44, л. 36 об.
 ¹⁵⁹ Настроения Эллиса 1907—1908 гг. красочно отражает, например, его письмо

к А. Белому, написанное в июне 1907 г. — ГБЛ, ф. 25.25.31.

160 Любопытное свидетельство об очередном обострении «военных действий» между «Весами» и их противниками содержится в недатированном письме 3. Н. Гиппиус к Брюсову, написанном осенью 1907 г. «Знаете ли вы, — пишет Гиппиус, — что «побежденные декаденты» вновь вооружают свою армию для сражения с «Весами»? «Петербуржны» замышляют свои «Весы» для генеральной битвы с «Весами» московскими и дерзким руководителем сего журнала. Считают «подданных» «Весов» — и находят, что их не много: я, Белый <...> да «какой-то» еще Эллис, вот и все. Рябушинский и Соколов будут тайными союзниками, — или явными для тех, кого перфидные «Весы» не успели явно оторвать от питающего лона Коленьки или Сереженьки ст. е. Н. П. Рябунинского и С. А. Соколова>. Правда, что такое московские «Весы»? А в петербургских, под крылом «отца блудодейства» — Вячеслава, кроме бесчисленных выоношей и кроме

чулкистов, — будет Осип Дымов писать пьесы в «аморальных тонах». Таким образом «опи» (кто? мистические анархисты или такие же реалисты?) восторжествуют, что, конечно, не замедлит привести к ним и кающегося Белого, — ведь у этой разноцветной бабочки легкие крылышки! Так, впрочем, думают они, — не я. А вы что думаете? Пишу вам все эти сплетни под свежим впечатлением, за достоверность их существования, кажется, можно ручаться» (ГБЛ, ф. 386.82.39, л. 49).

161 Эмпирик. О культурной критике.— «Золотое руно», 1907, № 5, стр. 75. 162 «Скорпион — Весы». Каталог № 6. 1908, стр. 3.

163 В течение всех шести лет существования «Весов» редакция не ослабляла внимания к художественной стороне издания. Правда, помимо О. Редона, Ш. Лакоста итальянского художника У. Брунеллески (им были выполнены обложка, заставки, рисунки и все виньетки к № 3 за 1905 г.), никто из иностранных художников к полному оформлению номеров не привлекался. Эту задачу «Весы», как правило, возлагали на молодых московских художников, тяготевших к символизму и пытавшихся утвердить его в русской живописи (большинство из них вошло в 1907 г. в состав художественного объединения «Голубая роза»). Журнал оформляли В. Борисов-Мусатов и его преемники — «голуборозовцы»: А. Арапов, В. Милиоти, Н. Сапунов, С. Судейкин и, наконец, Н. Феофилактов, вытеснивший со временем остальных. Начиная с № 11 за 1906 г. и вплоть до последнего номера 1909 г. оформлением «Весов» занимался один лишь Феофилактов (сверх того, он часто публиковал в журнале собственные рисунки). Полное оформление журнала (обложка и все художественные украшения) осуществляли в 1905 г. также Н. Рерих и А. Якимченко. Обложка, рисунки и все виньетки № 1 за 1905 г. принадлежали М. Якунчиковой (ум. в 1902 г.). К оформлению «Весов» Брюсов в 1904 г. привлекал Д. Митрохина: заставка к № 6 за 1904 г. — первая напечатанная графическая работа этого художника. В «Весах» нередко воспроизводились работы русских живописцев; среди них: М. Волошин, М. Врубель, Е. Кругликова, И. Левитан, М. Ларионов, Л. Пастернак, К. Сомов, К. Юон, Г. Якулов. Из «голуборозовцев» (кроме перечисленных выше) в «Весах» встречаются В. Дриттенпрейс, Н. Крымов, П. Кузнецов, А. Фонвизин. Можно обнаружить, однако, и работы художников, не оставивших заметного следа в русской живописи (Н. Зарецкий, Л. Мейстер, А. Силин, М. Шестеркин и др.). Появление в «Весах» малоизвестных и просто «случайных» имен (это относится и к беллетристическому отделу) объясняется в первую очередь неизменной готовностью редакции сотрудничать с начинающей молодежью. Что касается иностранных мастеров, то «Весы» явно предпочитали популярных представителей «нового искусства», в особенности же — связанных с символизмом и стилем «модерн» (О. Бердслей, Ф. Валлоттон, К. Вальзер, Т. Гейне, Д. Уистлер, Фидус, Г. Фогелер, А. Цорн, Д. Энсор). Отдельный выпуск «Весов» (1906, № 6) знакомил русских читателей с работами польских живописцев (М. Вавженецкий, К. Норвид и др.). Среди книжных украшений «Весов» следует отметить виньетки по рисункам П. Боннара, М. Дени, Э. Каррьера, П. Синьяка, виньетки и заставки по рисункам

А. Дюрера, виньетки со старинных гравюр и т. д.

164 «Новая Русь», 1908, № 122, 15 декабря, стр. 3. Автором неподписанной заметки был Н. О. Лернер (см. его письмо к В. Я. Брюсову от 12 декабря 1908 г.— ГБЛ,

386.22.15, л. 18). 165—166 Г. Чулков. Критические заметки. — «Вопросы жизни», 1905, № 8, стр. 235. ¹⁶⁷ И. Лобанов. Обзор журналов.— «Новый путь», 1904, № 2, стр. 235. ¹⁶⁸ И. Лобанов. Обзор журналов.— «Новый путь», 1904, № 2, стр. 235.

168 С. Бобров. Мальчик. Лирическая повесть. М., 1966, стр. 232. 169 Уже в 1904 г. в письме к Э. К. Метнеру (от 14 июля) Белый проницательно отметил, что «Весы» банальны декадентской банальностью...» (ГБЛ, ф. 167.1.37).

170 Письмо от августа-сентября 1907 г. — ЛН, т. 72, стр. 297.

171 «Заграничная газета» (Женева), 1908, № 2, 29 марта. — Цит. по ЛН, т. 82.

стр. 202.

172 Эти цифры не отражают розничной продажи «Весов» и их распределения среди сотрудников. Однако об этом нетрудно получить представление, сопоставив приведенные данные со средними цифрами тиражей журнала (весьма различными для каждого номера): 1904 г.— 1270 экземпляров, 1905 г.— 1120, 1906 г.— 960, 1907 г.— 1120, 1908 r. — 1850.

173 К. Чуковский. Из воспоминаний, стр. 445.

174 См., например: «Золотое руно», 1907, № 4, стр. 80 (неподписанные заметки, озаглавленные «Вести отовсюду») или «Золотое руно», 1908, № 5, стр. 78 (статья «О «чистом символизме», теургизме и нигилизме», нодписанная «Эмпирик»)

175 Письмо от 19 января 1907 г.— «Новый мир», 1932, № 2, стр. 191. 176 Письмо от 5 мая 1906 г.— «Новый мир», 1932, № 2, стр. 191. О том же Брюсов еще раньше писал В. С. Миролюбову, редактору петербургского «Журнала для всех» (письмо от 19 августа 1905 г.): «Мне в высшей степени дорого сотрудничество в «Журнале для всех», потому что это единственный путь, которым мои стихи вырываются из узкого круга любителей декадентской поэзии». — «Литературный архив», вып. 5. M. — Л., 1960, стр. 178.

177 ЛН, т. 15, стр. 214.

178 Письмо от 10/23 ноября 1908 г.— ГБЛ, ф. 386.99.18, л.1.

¹⁷⁹ Там же, л. 3—4.

180 Письмо от 10/23 ноября 1908 г.— Там же, л. 1.

¹⁸¹ М. Ф. Ликиардопуло.

182 См. письмо Полякова к Брюсову от 29 декабря 1908 г., в котором цитируется приведенный отрывок.— ГБЛ, ф. 386.99.18, л. 9.

Там же, л. 1.

184 В то время жена Э. К. Метнера.

185 А. Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», 1923, № 4, стр. 77.

186 Письмо от 11/24 декабря 1908 г.— ГБЛ, ф. 386.99.18, л. 3.

187 Слова Брюсова цитируются в письме Полякова к нему, датированном 29 декабря 1908 г.— Там же, л. 11.

¹⁸⁸ Там же, л. 11—12.

189 «Весы» в этом году лишились своего главного идейного руководителя: В. Брюсов совершенно устранился от редактирования журнала, который ведется теперь редакционным комитетом из С. А. Полякова, А. Белого, Эллиса и М. Ликиардопуло»,—сообщалось в газете «Новая Русь» (1909, № 64, 7 марта, стр. 5). Инициатором и, возможно, автором этой анонимной заметки Брюсов считал Максимилиана Волошина («Сегодня в «Руси» сообщается, что я покинул «Весы». Должно быть, Макс постарался», — пишет он И. М. Брюсовой 7 марта 1909 г. из Петербурга. — ГБЛ, ф. 386.69.6,

¹⁹⁰ ГБЛ, ф. 386.74.31, л. 5—6 об.

¹⁹¹ Письмо М. А. Кузмина к Брюсову от 11 августа 1907 г.— ГБЛ, ф. 386.91.12,

¹⁹² «Эпопея», 1923, № 4, стр. 76.

¹⁹³ Там же.

194 ГБЛ, ф. 386.92, 40.

195 ГБЛ, ф. 386.69.6, л. 14.

196 Переговоры Брюсова с «Русской мыслыю», в конечном счете, оказались не «тщетными». В августе 1910 г. (после реорганизации журнала и переезда редакции в Петербург) Брюсов возглавил литературно-критический отдел «Русской мысли», сменив самого Лурье, занимавшего до него это место.

197 Письмо не датировано (почт. штемпель — 29 апреля 1909 г.). — ГБЛ, ф. 386.109.44, л. 17.

¹⁹⁸ Черновик письма от 19 апреля 1909 г. — ГБЛ, ф. 386.69.26. В прямых скобках - слова, зачеркнутые Брюсовым.

¹⁹⁹ Там же. ²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ См. письма Бальмонта к Брюсову от 29 мая 1908 г. и 11 декабря 1908 г.— ГБЛ, ф. 386.76.1.

²⁰² См.: «Золотое руно», 1909, № 6, стр. 79.

²⁰³ Цитируется по недатированному письму Эллиса к Брюсову, в котором полностью приведен текст письма А. Белого к М. Ф. Ликиардопуло.— ГБЛ, ф. 386.109.44. 204 ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 3, л. 28.

²⁰⁵ Там же, л. 31.

²⁰⁶ ГБЛ, ф. 386.99.18, л. 16.

207 Инцидент с Эплисом изложен в кн.: Между двух революций, стр. 368—375.

208 ГБЛ, ф. 25.28.21.

- ²⁰³ Письмо не датировано (август сентябрь 1909 г.?). ГБЛ, ф. 386.92.23, л. 3.
- 210 Недатированное письмо Эллиса Белому.— ГБЛ, ф. 25.25.31. В этом же письме Эллис пишет: «Конечно, впредь до формальной реабилитации я выхожу из «Весов» вовсе, ибо честь «Весов» абсолютно важнее даже моей жизни».

²¹¹ Недатированное письмо 1909 г.— ГБЛ, ф. 25. 30. 10. ²¹²⁻²¹³ ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 8, л. 31.

²¹⁴ «Товарищ», 1907, № 379, 23 сентября, стр. 5. Там же было опубликовано заявление Чулкова, возражавшего против истолкования «мистического анархизма» как «некоторого литературного течения».

²¹⁵ Г. Чулков. О лирической трагедии.— «Золотое руно», 1909, № 11.—12,

стр. 53. ²¹⁶ С. Городецкий Формотворчество. — «Золотое руно», 1909, № 10. стр. 52—58. 217 ГБЛ, ф. 371.4.70. 52 - 58.

²¹⁸ «Весы — Скорпион». Каталог № 8, 1909, стр. 3.

²¹⁹ Это отклонение «Весов» от их прежней доктрины было отмечено «Золотым руном». См. неподписанные заметки под общим заголовком «Мелкие сведения».— 1909. № 2—3, стр. 120.

220 «Эпонея», 1923, № 4, стр. 167—168.

221 Запись от 12 сентября 1908 г.— А. Блок. Записные книжки, стр. 113.

222 Недатированное письмо Эллиса к Брюсову.— ГБЛ, ф. 386.109.44.

- ²²³ Письмо от 24 сентября 1905 г.— «Печать и революция», 1926, № 7, стр. 43. Конечно, к этим «репликам» отнюдь не сводится отношение Брюсова к А. Белому. См. в наст. томе переписку Брюсова с Белым и вступ. статью к ней.
- ²²⁴ ИРЛИ, ф. 377 (С. А. Венгеров). ²²⁵ А. Луначарский. Книга о новом театре.— «Образование», 1908, № 6, стр. 51.

²²⁶ См. наст. том, стр. 660. ²²⁷ Подробнее см. в кн.: *Максимов 1969*, стр. 176—218.

²²⁸ РМ, 1910, № 7, стр. 200 (рецензия Брюсова на книгу Н. Гумилева «Жемчуга»). ²²⁹ Цит. по статье А. Малеина «В. Я. Брюсов и античный мир». — «Известия Ленинградского государственного университета», 1930, кн. 2, стр. 190.
²³⁰ Аякс (А. Измайлов). У Валерия Брюсова.— «Биржевые ведомости», 1910,

№ 11630, 24 марта, стр. 4. Приводится в кн.: Ашукин, стр. 264.

231 Черновик недатированного письма А. Белого к М. Ф. Ликиардопуло. — ГБЛ, ф. 25.20.8.

²³² Письмо от 1 декабря 1909 г.— ГБЛ, ф. 25.14.6. См. также письмо Белого к Э. К. Метнеру от 17 июня 1911 г.— ГБЛ, ф. 167.2.43.

²³³ Журнал «Весы». Тетрадь учета рассылки журнала подписчикам 1909 г.— ИРЛИ, ф. 240, оп. 2, ед. хр. 219, л. 3—23.

234 «В сентябре мы все должны знать наверное о будущем журнале, ибо тогда только возможно быстрое и решительное потопление «Весов», этого судна, уже лишенного части пушек, парусов и одной мачты, подгнившей уже лет 6 тому назад. Я говорю о Бальмонте (...) Мне известно, что Брюсов ведет переговоры с издателями и разными рябушинскими, держа пока в секрете все, к чему он пока пришел...» (недатированное письмо Эллиса к Э. К. Метнеру; судя по содержанию, лето 1909 г. — ГБЛ, ф. 167.7.14).

²³⁵ «Аполлон», 1910, № 7, стр. 15—20. ²³⁶ Там же, стр. 17, 18, 19, 20. ²³⁷ ГПБ, ф. 124 (Собр. П. Л. Вакселя), ед. хр. 673.

²³⁸ Там же.

239 Как явствует из письма С. К. Маковского к Брюсову от 16 июня 1910 г., первоначальный план редакции «Аполлона» был несколько иной. «Предполагалось посвятить «Весам» ряд статей: Кузмин — проза, Сюннерберг — идейные течения, Гумилев — стихи, бар. Врангель — худож. иллюстрации. Эти статьи должны были появиться одновременно после выхода последней, 12-й книжки «Весов» (ГБЛ. ф. 386.93.29, л. б об.).

240 См. подробнее: письмо Брюсова к П. П. Перцову от 23 марта 1910 г.— «Печать

и революция», 1926, № 7, стр. 46. ²⁴¹ *PM*, 1910, № 8, стр. 247—248. ²⁴² *PM*, 1911, № 12, стр. 119—120.